

Юлия Цыменкова

ЧАСТЬ 1

СЕРЫЕ КАМНИ

16+

Юлия Цыпленкова
Серые камни. Часть 1

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Цыпленкова Ю.

Серые камни. Часть 1 / Ю. Цыпленкова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Ложь опасна, заблуждения губительны, ненависть отравляет душу. Но хуже всего слепота. Она затмевает даже самый пронизательный взор, искажает истину. Тогда свет превращается в тьму, за которой так сложно разобрать, кто друг, а кто враг. И так легко, запутавшись в паутине чужого коварства, дойти до края бездны, когда в спину подталкивает рука кукловода. Нужно иметь настоящее мужество, чтобы смахнуть с глаз пелену и заглянуть в собственную душу. Перворожденная Альвия лиори Эли-Борга слишком долго блуждала в темноте, и бездна уже распахнула свои объятия навстречу обещанной жертве...

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	16
Глава III	26
Глава IV	38
Глава V	59
Глава VI	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Часть первая

Глава I

Рассветные сумерки вползли в опочивальню, растеклись по стенам, перебрались на пол, после накрыли широкое ложе и окутали спящего мужчину. Женщина, застывшая у окна, обернулась и окинула взглядом мускулистое крепкое тело, в бесстыдной наготе разметавшееся на ее постели. В ее серых глазах не отразилось ни желания, ни нежности, ни интереса. Она поджала губы и вновь отвернулась к окну, продолжая следить за рассветом. И даже когда мужчина проснулся и подошел, хозяйка опочивальни не сменила позы. Пробуждение любовника ей было безразлично.

– Ты так и не уснула, – хрипловато произнес мужчина, обнимая женщину горячими ладонями за плечи.

– Не хочу спать, – отрывисто произнесла она и повела плечами, стряхивая мужские ладони.

– Ты холодная, как лед...

– Я всегда холодна, – усмехнулась она, глядя на краешек крепостной стены, видный из окна.

– Ложь, – голос мужчины походил на урчание кота. – Ты бываешь жарче пламени в камине.

Он уместил ладони на покатых бедрах, прижался всем телом, давая ощутить свое желание...

– Довольно, – произнесла женщина, и в ее голосе зазвенела сталь. – Ночь окончилась, риор, помните свое место.

Мужчина отстранился, выпустив гибкое тело из объятий. После опустился на одно колено и ответил:

– Мое место у ног моей госпожи и повелительницы.

– Именно, высокородный, у ног вашей госпожи, – произнесла женщина и криво усмехнулась: – Между ее ног вы можете очутиться лишь по ее желанию.

– Мне уютно в обоих положениях, – сохраняя на лице маску почтения, сказал риор, но в глазах отразился огонек добродушной иронии.

Женщина обернулась и склонила голову к плечу, вглядываясь в лицо любовника. Он опустил голову, пряча лукавый огонек в глазах, его госпожа не была готова к шутливому тону, и мужчина решил не злить ее.

– Присмотрись к молодым риорам, – вдруг произнесла она, продолжая рассматривать склоненную голову. – Хочу сменить игрушку для утех. Ты знаешь, какие мужчины мне нравятся, не так ли, Тиен? Хочу, чтобы ты сам нашел себе замену.

Риор вскинул голову и посмотрел на госпожу, отыскивая в серых глазах следы насмешки, но взгляд ее был серьезным, выражение лица непроницаемым, и губы не кривила усмешка.

– У тебя есть вопросы, Тиен?

– Госпожа издевается надо мной? – спросил мужчина.

– Похоже, что я издеваюсь? – тонкие черные брови приподнялись, обозначив удивление.

– Я показался моей госпоже слишком смелым в своих шутках?

– Ты ведь еще жив, – ответила она, не сводя с риора пристального взгляда.

– Быть может, я прискучил моей повелительнице?

– Мне было хорошо с тобой, Тиен, но пришло время перемен. Я хочу, чтобы ты подыскал мне нового любовника.

И он не сдержался, поднялся на ноги и взглянул на женщину сверху вниз, но, как всегда, свысока взирала она.

– Ты унижаешь меня этим приказом, – воскликнул Тиен.

– Высокородного риора унижает приказ его госпожи? – теперь он явно расслышал издевку. – Быть может, ты хочешь сменить хозяина, пес?

Высокородный упал на колени и склонил голову.

– Я верен моей госпоже, – отчеканил мужчина.

Женщина склонилась, ухватила риора за волосы, оттянула его голову назад и спросила, глядя ему в глаза:

– Кто ты, высокородный риор – Тиен Дин-Таль?

– Я твой слуга, лиори, – выдохнул риор, отвечая преданным собачьим взглядом.

– Никогда не забывай об этом, Тиен, – женщина выпустила его волосы из кулака и отвернулась к окну. – Тебе позволено намного больше других, не стоит переступать дозволенную грань, иначе я повторю свой приказ.

– Я понял, Перворожденная, ошибок больше не будет.

– Прочь, – произнесла она, не глядя на мужчину.

– Да, лиори.

Он нашел свою одежду, ночью сорванную с его тела нетерпеливыми руками любовницы, быстро оделся и покинул опочивальню. Лишь на пороге обернулся, но лиори больше не замечала его. Тиен Дин-Таль поклонился в пустоту и вышел, позволив себе скрипнуть зубами уже за дверями покоев Перворожденной. Риор не злился на нее. Как можно злиться на ту, кому были отданы жизнь, честь и право казнить и миловать? Нет, высокородный злился на себя. Потерять ее страсть и доверие ему не хотелось, но за четыре года, которые мужчина делил ложе с повелительницей риората Эли-Борг, он начал забывать, кем остается для нее на самом деле. Верный пес, самый преданный, самый... влюбленный. Тиен тряхнул густой шевелюрой темных волос, бросил мрачноватый взгляд на воинов, застывших у дверей покоев Перворожденной, и устремился прочь, натянув на лицо непроницаемое выражение. Воины не шелохнулись, не повернули вслед головы. Жизнь лиори никто не смел обсуждать.

Когда дверь за любовником закрылась, Альвия Эли-Борг все-таки обернулась, но взгляд ее устремился не вслед риору, она смотрела на ложе и смятые простыни. Нет, Перворожденная не жалела, что отправила Тиена Дин-Талья, мысли лиори сейчас бродили за крепостными стенами ее замка. Плотно сжав губы, женщина покинула опочивальню. Войдя в купальню, она на мгновение остановилась на краю большой каменной чаши, с поверхности которой поднимался пар, и сошла по ступенькам вниз. После опустилась на дно и на мгновение замерла, набирая в легкие воздух, затем, откинувшись на спину, погрузилась в воду с головой. Открыла глаза и некоторое время смотрела на потолок купальни, искаженный водной рябью. Когда не дышать стало невозможно, Перворожденная выдохнула, отправив к поверхности стайку пузырьков, и села.

– Войдите, – приказала она.

Дверь с другой стороны купальни открылась, и к каменной чаше приблизились девушки, готовые приступить к омовению госпожи. Спустя час Альвия уже стояла перед большим напольным зеркалом и рассматривала себя. На холеном узком лице с изящными чертами не отражалось ни одного чувства. Равнодушный взгляд холодных серых глаз скользил по высокой прическе, умело собранной из черных локонов, по венцу, украшавшему высокий лоб повелительницы риората. После скользнул на черное платье с высоким воротником. Серебряная отделка платья создавала причудливый орнамент, и, глядя на струящуюся ткань, казалось, что тело лиори обнимает сама ночь, усыпанная звездами. На Перворожденной была надета лишь нитка жемчуга, свернувшаяся змеей вокруг шеи в два витка. На тонких длинных пальцах поблескивал перстень власти, и больше украшений не было. К безделушкам Альвия была

равнодушна. Закончив осмотр, лиори развернулась и направилась к дверям. Девушки низко склонились, провожая повелительницу. За всё время не было произнесено ни слова...

– Перворожденная.

Литы, личная стража лиори, склонили головы, приветствуя госпожу. Она подняла руку, отвечая воинам, и прошла дальше, литы бесшумными тенями скользнули следом. Альвия давно научилась не замечать телохранителей, но всегда чувствовала их присутствие. Это было подобно щиту – крепкому, непробиваемому, надежному. Лиори сама отбирала и пестовала свою стражу. Более искусного воина в риорате, чем его повелительница, не было. Мужчины безропотно признавали ее превосходство, силу и власть...

* * *

– Перворожденный, девочка.

Лиор обернулся, смерил непроницаемым взглядом повитуху, принимавшую роды у его жены, и стремительно прошел в покои, где, сидя на кровати, рыдала роженица. Увидев мужа, женщина простерла к нему руки и воскликнула:

– Я не смогу убить ее, возлюбленный. Я слишком слаба.

– Мы исправим оплошность, – склонилась повитуха и сделала знак своей помощнице.

Та нагнулась над кричавшим младенцем, собираясь закончить то, что не сумела сделать мать.

– Не смей! – прогрохотал голос лиора.

Он приблизился к дочери. Склонившись над ней, упер широкие ладони по обе стороны от младенца, и вгляделся в краснолицее создание, в могучем крике обнажившее беззубые десны.

– Богам было угодно послать мне первой дочь, кто я, чтобы оспаривать их решения? – произнес Перворожденный.

Мужчина осторожно поднял на руки младенца, еще некоторое время рассматривал и, наконец, улыбнулся.

– Альвия, – сказал отец. – Я нарекаю тебя «единственной», потому что ни братьев, ни сестер у тебя не будет, никто не посмеет оспорить твое право первородства. Я откую тебя, мое дитя, заточу твои грани, и не будет ни одного клинка, который сможет противостоять тебе. Альвия – первая и единственная Эли-Борг. И будет так до тех пор, пока твое чрево не произведет на свет твоего наследника. – После посмотрел на жену, в чьих глазах зажглась надежда: – Ты вскормишь ее, поможешь окрепнуть, но после воспитывать буду я сам.

– Благодарю, возлюбленный, – прижав руки к груди, склонила голову женщина.

– Пусть мою дочь завернут в пеленки, народ Эли-Борга должен приветствовать свою госпожу, – произнес лиор, ответив на слова жены легким кивком.

Так начался земной путь Перворожденной Альвии – лиори Эли-Борг...

* * *

Замок еще спал, но спустя час он наполнится голосами и жизнью. Лежебок в Борге не было, подданные старались походить на свою госпожу. Она всегда вставала рано, еще с того возраста, когда другие дети смотрели на мягких перинах сладкие сны. Даже мальчики, из которых в Эли-Борге растили воинов, едва ли не с рождения.

Перворожденный был строг с дочерью, порой жесток, но спроси, кого юная госпожа любит больше, она не задумываясь, ответила бы: «Моего отца и повелителя». И скупая похвала лиора значила для Альвии намного больше всех ласк матери. А когда на ее десятилетие отец подарил меч, откованный для маленькой воительницы самым умелым кузнецом риората, девочка радовалась так, как не радовалась ни одному другому подарку. Это был ее первый

настоящий клинок, и лиори сохранила этот дар и по сей день. Впрочем, оружие Перворожденная носила редко, его заменяли литы.

Альвия полуобернулась и щелкнула пальцами. Один из воинов ускорил шаг, уже зная, чего хочет госпожа. Он первым сбежал вниз по лестнице и исчез из поля зрения, неспешно спускавшейся вниз лиори. Когда лит вернулся, дыхание его осталось ровным, не сбившись от стремительного шага.

– Он вас ждет, Перворожденная, – поклонившись, произнес воин.

Она кивнула, принимая доклад, и продолжила путь, закончившийся у двери покоев чародея. Лиори вошла без стука.

– Перворожденная. – Чародей согнулся при виде госпожи. – Вы почтили меня своим вниманием.

Лиори бросила короткий взгляд на литов, и они остались стоять за дверью, дожидаясь появления своей повелительницы. Альвия прошла в каморку, где чародей держал свои зелья. Она села на стул с высокой резной спинкой и подняла взгляд на немолодого мужчину.

– Что скажешь, Ферим? – спросила лиори, глядя на хозяина покоев пристальным взглядом.

– Что вы хотите узнать, лиори? – спросил тот, нервно потеряв ладони.

– Я хочу знать ответ на свой вопрос, – сухо ответила Альвия.

– Будущее сокрыто от моего взора, Перворожденная, – опустил голову чародей. – Мне неведом ответ на ваш вопрос. Это может означать лишь одно, Боги еще не приняли решение, и исход дела неясен.

– Снадобье, – узкая ладонь требовательно раскрылась.

– Отраву? – уточнил Ферим.

– Если мне будет нужна отрава, ты узнаешь об этом первый. – Холод, сквозивший в голосе повелительницы, пробежался по позвоночнику чародея змейкой мурашек. – Я хочу знать скрытые помыслы.

– Конечно, лиори, – Ферим вновь поклонился. – Я просто подумал...

– Думай над своими зельями, чародей, об остальном позабочусь я.

– Да, моя госпожа, – мужчина вновь низко поклонился, и в ладонь лиори легла склянка со снадобьем желтого цвета. – Чем я еще могу служить Перворожденной?

– Мне нужен ответ на мой вопрос, – жестко произнесла лиори. – Он мне нужен. Ответ или новый чародей, решай сам.

После поднялась со стула и покинула покои Ферима. Тот протяжно выдохнул и утер рукавом внезапно выступивший пот. Ему было подвластно многое. Чародей мог предвидеть, мог навести морок, мог даже открыть врата пространства, если соберет силу, но перед Перворожденной он неизменно ощущал себя беспомощным щенком, несмотря на то, что был старше в два раза. Последние слова и вовсе вызвали трепет, прогневать лиори Ферим не желал. Он развернулся к котлу, стоявшему на треноге, и пробормотал:

– Видят Боги, я делаю всё, что в моих силах. Но сделаю даже то, что лежит за пределами моих возможностей. Может попробовать призыв? – Лиори было всё равно, что станет делать чародей, она ждала результата.

Альвия остановилась за дверями покоев Ферима и устремила рассеянный взгляд в пустоту, продолжая раздумывать над терзавшими ее сомнениями. Предчувствия никогда не обманывали лиори. Звериное чутье, свойственное всему роду Эли-Борг, не раз выручало представителей этой династии, и сейчас оно нарушило привычный покой Перворожденной. Лиори зябко повела плечами, пытаясь скинуть липкое ощущение опасности. Литы, казалось, всегда безошибочно чувствовавшие настроение госпожи, придвинулись ближе, ладони легли на рукояти коротких мечей, но Альвия отрицательно качнула головой, и воины отступили.

Перворожденная сделала шаг вперед, и ее тени послушно скользнули следом. Женщина неспешно вернулась к лестнице, окинула пустым взглядом спины челяди, склонившейся в низком поклоне, после посмотрела на стражу, застывшую, подобно каменным истуканам, и направилась к своему кабинету. Тонкий слух правительницы риората улавливал звуки пробуждения замка. Она прибавила шаг, спеша скрыться от взглядов придворных до того, как они заполнят коридоры.

– Риора Дин-Талья ко мне, – велела Альвия, приблизившись к дверям кабинета. Но вдруг остановилась, задумалась и покачала головой: – Нет, призовите риора Дин-Вара.

Один из литов склонил голову и поспешил исполнить приказание лиори. Если Альвия хотела, чтобы ее повеление исполнилось быстро и точно, она отправляла своих телохранителей. Сейчас был именно тот случай, и литы это легко уловили, не дожидаясь, пока прислуга откликнется на призыв и отправится за высокородным риором. Остальные воины остались за дверями кабинета, их присутствие лиори не требовалось.

Альвия прошла к столу, взглянула на кресло и, приблизившись к нему, любовно огладила спинку, но садиться не стала. Она вновь направилась к окну и замерла там, скрестив на груди руки. Сейчас Перворожденная могла бы показаться хрупкой и беззащитной... тому, кто не знал ее. В гибкой фигуре скрывалась сила, и пальцы, дарившие ласки любовнику, также легко сворачивали чужие шеи. Лиори была воином, и оставалась им, даже будучи одета в изящное платье из дорогой ткани.

Женщина полуобернулась, и взгляд ее вновь остановился на кресле. Всё в этом кабинете осталось так же, как было при покойном лиоре. И в этом кресле отец не раз держал на коленях дочь, пока занимался делами риората. Маленькая Альвия была частым гостем в этом кабинете, слушала, наблюдала, запоминала, училась. Скучала? Поначалу. Потом, когда отец начал спрашивать ее мнение, девочка старалась ничего не упускать, чтобы дать повелителю ответ. Позже она поняла, что мнение ребенка не волновало отца, но так он приучал ее быть внимательной и не бояться высказываться. Приучал к будущей роли правителя. А когда Альвия сменила колени отца на место рядом с ним, тогда он начал слушать ее внимательней, поправлял и указывал на ошибки. Высокородные риоры с почтением наблюдали за тем, как Перворожденный вылепляет из податливой глины свою смену, не спорили и не вмешивались. Впрочем, самоубийц и дураков лиоры рядом с собой никогда не держали. Любое неповиновение давили в корне, не отступала от этого правила и Альвия.

– Перворожденная.

Она обернулась. Риор Дин-Вар замер у дверей в поклоне.

– Приветствую, высокородный, – произнесла лиори и указала на стул.

Риор, еще молодой и крепкий мужчина, почти бесшумно приблизился к стулу и присел, положив на колени мешочек со свитками, приготовленными для доклада.

– Слушаю вас.

– Тот десяток, – начал Дин-Вар, и, получив подтверждение, что верно понял, о чем желала поговорить госпожа, продолжил: – Десяток миновал Лорейское распутье. Они направляются в Борг, лиори, теперь уже точно. Возможно, во второй половине дня горцы окажутся под воротами ваших чертогов.

– Как думаете, высокородный, что им нужно?

– Это посольство, никакого сомнения, лиори, – она вновь кивнула, соглашаясь. – Но о цели мы ничего не знаем.

– Мне не нравится этот визит, – Перворожденная повернулась к риору. – За этим что-то кроется, и это что-то является настоящей целью посольства. Опасаюсь, о ней нас в известность не поставят. Приставьте к посланникам Эли-Харта ваших людей. Пусть прислуживают им.

– Да, лиори, – склонил голову Дин-Вар. – Что еще тревожит мою госпожу?

– Что мы знаем о делах Эли-Харта? Их противостояние с дайрами закончено?

– По последним сведениям, лиор Эли-Харт заключил перемирие с дайрами. Не думаю, что дикари вынудят его пойти на дружественный союз с Эли-Боргом. Тайрад знает, что тут его ждет отказ. Торговые пути хартиев пролегают через наш риорат, и эти договоренности ни разу не нарушались ни нами, ни горцами. Налоги мы не увеличивали, значит, и это не может быть целью посольства...

– Кто ведет десяток? – прервала риора Перворожденная. – Вы выяснили?

Высокородный запнулся. После взглянул на лиори, и Альвия поняла.

– Он?

– Да, госпожа.

– Ублюдок, – коротко выплюнула лиори.

– Приказать устроить ему... несчастный случай? Как посла, открыто мы его не можем тронуть.

Перворожденная хмыкнула, но отрицательно покачала головой:

– Искушение велико, но, возможно, Эли-Харт и рассчитывает на то, что мы уничтожим его посла. Нет, я не доставлю такой радости Тайраду. Как считаете? – пристальный взор серых глаз лиори остановился на высокородном.

– Возможно, – не стал спорить Дин-Вар. – Но Эли-Борг силен, и в нападении смысла нет. Горцы уже много раз ломали о нас зубы. Хотя... Мы не знаем, может быть, Тайраду удалось найти новых союзников.

– А почему мы не знаем? – выражение взгляда Перворожденной неуловимо поменялось, и риору показалось, что ему в горло уперлось острие кинжала. Он осторожно выдохнул и постарался не выдать волнения:

– Новые сведения шпионов уже должны быть на подходе. Возможно, из них мы узнаем о внешних делах Эли-Харта.

– Я хочу знать обо всем в ближайшее время, высокородный, – ровным тоном произнесла Альвия, но Дин-Вар почувствовал, что давление невидимого кинжала на горло стало сильнее.

– Необходимые сведения будут у вас, моя госпожа. Скоро.

– Я верю в вас, риор, – дружелюбно улыбнулась Перворожденная. Дин-Вар гулко сглотнул, кинжал уже резал кожу. И пусть это происходило лишь в воображении мужчины, но он знал, что так и будет, если он подведет лиори. – Вы свободны... пока.

Высокородный поднялся со стула, поклонился и поспешил к выходу. Альвия проследила взглядом, как за ним закрылась дверь, после сузила глаза и прошипела:

– Стало быть, предатель решил вернуться в родные земли? И что же тебе нужно, Райверн Одел? – вдруг сжала кулак и с силой ударила по стене: – Лживая тварь!

Лиори медленно выдохнула, и ярость, на мгновение исказившая правильные черты ее красивого лица, улеглась. Перворожденная прошла к своему креслу за столом, уселась и позвала:

– Тиен! – резкий вскрик стал единственным, что обнажило гнев, бурливший в крови лиори.

Дверь вновь открылась, и вошел Дин-Таль, ожидавший позволения войти. Любовники обменялись взглядами. В ее взоре сквозила надменность власти, в его – почтение и внимание. Сейчас она была его госпожой, он ее верным слугой, всё прочее осталось за дверями опочивальни. Лиори махнула рукой, позволяя приблизиться, и указала на стул, на котором только что сидел Дин-Вар. Тиен исполнил повеление, но его взгляд замер на лице Альвии, и тень тревоги скользнула по высокому челу риора.

Он слишком хорошо знал свою госпожу и повелительницу, чтобы усомниться в ее дурном настроении. Поджатые губы, взгляд, устремленный мимо собеседника, и тонкие пальцы отстукивают по поверхности стола дробь. И то, как она призвала его. По имени Альвия обращалась к любовнику только наедине. Лиори отступила от своего правила, это само по себе

означало немало. Однако задавать вопросы Дин-Таль не спешил, ждал, когда Перворожденная сама выскажет, что рассердило ее.

Альвия сохраняла молчание. Она поднялась на ноги, обошла стол и остановилась рядом с риором. Холеная рука опустилась на его плечо, чуть сжала, словно отыскивая поддержку, и Тиен накрыл пальцы лиори своей ладонью. Он поднял взгляд, Перворожденная покусывала губы, но всё еще молчала, и Дин-Таль нарушил заведенный порядок. Обхватил госпожу за талию и рывком усадил себе на колени, рискуя заполучить вспышку ярости, адресованную кому-то другому.

– Что расстроило мою госпожу? – мягко спросил мужчина, любуясь лиори.

– Я не расстроена, Тиен, – отмахнулась Перворожденная и попыталась встать с колен любовника. – Я в бешенстве.

Дин-Таль не стал удерживать, попасть под горячую руку госпожи не хотелось даже ему. И всё же риор поднялся следом и встал за ее спиной, глядя сверху вниз на лиори, которая успела вернуться к окну. Она застыла там, упершись ладонью в стену. Тиен провел по плечам Альвии пальцами, скользнул по спине и сжал талию.

– Ублюдок возвращается, – вдруг охрипшим голосом произнесла лиори.

Высокородный на мгновение замер, ему не нужно было объяснять, кого имеет в виду госпожа.

– Кейр, – сказал Дин-Таль. – Значит, осмелился.

– Теперь он – Одел, – мрачно усмехнулась лиори. – Не позорь славный род, равняя с ним лживую тварь. – После замолчала на мгновение и продолжила уже ровным тоном: – Он едет во главе посольства, Тиен.

– Я заставлю его затеять ссору, – произнес риор. – Если зачинщиком станет он, я буду иметь полное право убить его на поединке...

– Нет, – Перворожденная мотнула головой. – Эта тварь моя и только моя.

– Моя госпожа отнимет у меня честь преподнести ей голову предателя?

– Он мой!

Альвия стремительно развернулась и, схватив мужчину за подбородок, вынудила склонить голову.

– Он мой, – повторила она, твердо глядя в глаза Дин-Талья. – И я всё равно пока не могу добраться до гадины. Но он сдохнет, клянусь кровью Боргов, предатель сдохнет в муках. Пока он счастливо избежал всех покушений, но бегать вечно не сможет. Я приговорила его, и я же заберу его жизнь. Она принадлежит мне по праву. Ты услышал меня, Тиен Дин-Таль?

– Услышал, лиори, – ровно ответил высокородный.

Они еще некоторое время мерились взглядами, и Перворожденная вдруг прижалась к мужским устам в злом остервенелом поцелуе. Она выплескивала свою ярость через это короткое соприкосновение, прикусила губу любовнику и отпрянула, ощутив на языке вкус его крови. Риор не поморщился, лишь утер рот тыльной стороной ладони.

– Тебе нужно успокоиться, Али, – сказал Дин-Таль, наблюдая за тем, как Перворожденная облизывает губы.

– К его появлению я буду холодна, как первый снег, – криво усмехнулась лиори.

– Я чем-то могу помочь моей госпоже? – тон риора был по-прежнему ровным, но Альвия уловила знакомую нотку. Смысл вопроса не укрылся от женщины, но она лишь отмахнулась:

– Нет, ты расслабишь меня, а я хочу быть твердой, как сталь.

– Ты всегда тверда, жизнь моя, – Тиен все-таки позволил себе вольность, однако Перворожденная не обратила на это внимания.

Она вновь посмотрела на высокородного, протянула руку и провела ладонью по его щеке. И вопрос, вдруг сорвавшийся с ее языка, оказался неожиданным:

– За что ты любишь меня, Тиен?

– Мне сложно дать ответ, – ответил он. – В тебе нет изъяна, жизнь моя. Ты – совершенна.

– Ты слеп, риор, – усмехнулась Альвия, отступая от Тиена.

– Иной слепец видит больше зрячих.

– Но я не люблю тебя, – она обернулась, на лице риора не отразилось никаких чувств.

Он смотрел выше головы лиори. Наконец опустил на нее взгляд, и в глазах высокородного мелькнула затаенная боль.

– Я готов довольствоваться только своей любовью, Перворожденная, главное, что ты засыпаешь в моих объятьях.

– Что будет, когда двери моей опочивальни закроются для тебя?

Их взгляды скрестились, и Дин-Талю показалось, что он услышал лязг стали.

– Моя душа принадлежит моей госпоже, – вдруг севшим голосом ответил Тиен. – Она принимает решение, казнить или миловать своего пса. Но, даже подыхая, пес остается верен своему хозяину. Моя преданность неоспорима.

Альвия вернулась к риору, вновь ухватила его за подбородок и заставила склониться к себе. Ее пыливый взор некоторое время изучал глаза высокородного. Он молчал и ждал, что скажет лиори. Но она так и не произнесла ни звука. Выпустила лицо мужчины из захвата и вернулась к столу. Присела на его край и поманила риора. Высокородный приблизился, однако новых попыток обнять госпожу не предпринял, понимая, что минуты откровений закончены.

– Ты старший над моей ратью, Тиен, – Альвия провела ладонью по поверхности стола, затем сжала его край и подняла взгляд на Дин-Талю. – О чем говорят мои воины, каковы их помыслы? Ходят ли опасные разговоры? Не обленились ли они за время мира и покоя, царящее в Эли-Борге?

Высокородный склонил голову.

– Ваши воины всегда готовы к войне, лиори, – ответил он.

– Меня волнуют пограничные крепости. Давно ли ты проверял их?

– Мою госпожу что-то тревожит? Слухи, донесения? По моим сведениям, которые я получаю два раза в месяц, нареканий нет. Дозоры исправно объезжаю границу, воины не разнежены, их дух силен. Стычек с горцами не происходило уже давно...

– Это-то и смущает, – задумчиво произнесла Альвия. – Еще и это посольство. И его глава, – последнее слово вышло резким, и чело лиори опять помрачнело. – Разошли по крепостям гонцов, Тиен, пусть будут внимательней.

– Да, лиори, – риор прижал ладонь к груди и поклонился. – Я могу быть свободен, или есть еще повеления?

– Пока всё, – ответила Перворожденная. – Ты можешь идти.

Бросив на госпожу последний взгляд, высокородный удалился, и Альвия вновь осталась одна. Сейчас, когда никого рядом не было, она позволила себе ссутулиться, опустила голову и закрыла глаза. Перед внутренним взором Перворожденной встала арена, где всегда тренировались воины. В Борге имелось несколько арен, и одна из них была отдана юнцам, за которыми смотрели наставники...

* * *

– Али! Али уходи! Али, не поддавайся, он заманивает, Али!

Юная Альвия вскрикнула и упала на спину. Над ней склонился риор, превосходивший ее возрастом всего на пару лет. Его темно-медные волосы были собраны в хвост, на раскрасневшемся лице выступили капли пота, и глаза лихорадочно сияли азартом схватки. Губы риора кривились в ухмылке. Острие меча юноши упиралось в грудь Перворожденной, клинок девушки, выбитый из ее рук противником, лежал на расстоянии вытянутой руки.

Альвия скосила глаза на узкий меч, после вновь посмотрела на риора и улыбнулась ему... А в следующее мгновение оттолкнула рукой его меч, порезав ладонь, сбила юношу на землю сильным ударом ноги под колени, и перекатилась к своему оружию. Тут же схватила его и вскочила на ноги, опять готовая к схватке.

– Загляделся на красивые глазки, Райв? Умница, дочь!

Лиор смеялся, не скрывая издевки над незадачливым юнцом. Альвия приподняла уголки рта, обозначив улыбку, и риор, сжав губы, бросился на нее, не желая сдаваться. Мечи скрестились, оповестив всех, кто находился на арене, что схватка возобновилась. И вновь зазвучал голос лиора. Его указания были сухими и четкими, словно удары хлыста. Наставник юного риора вторил Перворожденному, направляя подопечного. На арене не было поблажек, никому и никогда. Всегда равное отношение, всегда жестко, порой жестоко, но из юнцов отковывали воинов, которые шли до конца, забыв о ранах и боли.

И лиор так воспитывал дочь. В учебных схватках для нее не доставали деревянных мечей, чтобы не поранить девочку, палки были забыты с десяти лет. Альвия была на равных с мальчиками, теперь юношами, и когда острая грань скользила по ее телу, Перворожденная лишь сильнее стискивала зубы.

– Я готов признать поражение, – вдруг негромко произнес ее противник.

Девушка вскинула взгляд на его лицо, но юноша смотрел на изрезанную ткань рубашки на ее предплечье, и на кровь, выступившую из неглубоких порезов. Он жалел ее, и Альвия это осознала. Глаза Перворожденной сузились.

– Тебе жалко меня, Райверн?

– Не хочу делать тебе больно.

Она опять улыбнулась, с холодной насмешкой. И, пользуясь тем, что он стал невнимателен, ударила локтем в лицо. Из разбитого носа риора потекла кровь. Он мазнул по лицу тыльной стороной ладони, посмотрел на алую дорожку и усмехнулся. Альвия поддела острием меча его подбородок и заглянула в глаза:

– Каждый воин – это клинок в ладони лиора Эли-Борга.

– Да, Перворожденная, – ответил юный риор, не пытаясь избавиться от острия, упершегося ему в горло.

– Мой господин! – крикнула Альвия, продолжая глядеть в глаза Райверна. – Схватка не окончена. Клинок затупился, его следует заточить заново.

Лиор приблизился к ним, с интересом посмотрел на юношу и усмехнулся:

– Ты вдруг разглядел, что моя дочь – женщина? Не так ли, Райв?

– Я всегда знал это, мой господин, – вдруг охрипшим голосом ответил риор.

– Знать и видеть – не одно и то же, мой мальчик. Отпусти его, Али. Ты права, этот клинок требует заточки. Схватка будет продолжена через два дня.

Альвия опустила меч, развернулась и направилась вслед за отцом, но через пару шагов обернулась, Райверн провожал ее пристальным взглядом...

* * *

Лиори криво усмехнулась, возвращаясь мыслями в свой кабинет, подняла голову и расправила плечи. Мгновение слабости минуло. Перворожденная отошла от стола, провела ладонью по бедру, словно хотела погладить свой меч, после вздернула подбородок и направилась в коридор. Литы отступили от стены и пристроились за своей госпожой, готовые сопровождать ее хоть на край света, хоть к Пропasti Архона со всеми ее мерзкими чудовищами.

Однако Альвия не собиралась так далеко, она направлялась в трапезную залу, где уже собрались ее приближенные, пришло время завтрака. Лиори не любила этого сборища, но традиция была старой, и правительница Эли-Борга не собиралась ее упразднить из собственной

прихоти. Такие мелочи вообще мало волновали Перворожденную, у нее были заботы поважней. Но эту обязанность исполняла исправно, не собиралась отступить от установленного обычая и сейчас.

Когда лиори вошла в трапезную, приближенные дамы и риоры уже стояли у своих стульев, пустовало только два места: самой Альвии и Тиена Дин-Таля. Придворные согнулись в поклонах, Перворожденная приподняла уголки губ, обозначая улыбку:

– С наступлением нового дня, высокородные риоры и благородные лейры Эли-Борга. Вы можете занять свои места, приятного насыщения.

После этого знать заняла предназначенные им стулья. Лиори села во главе стола, снова посмотрела на пустующее место Дин-Таля, но отправлять за ним никого не стала, она знала, чем сейчас занимается высокородный. Оглядев лица придворных, Перворожденная поманила к себе слугу.

– Как прошла ночь? – спросила лиори, ни к кому не обращаясь.

– Ночь была спокойной, – ответила одна из дам, слабо улыбнувшись. – Как вам почивалось, лиори?

– Благодарю, без кошмаров, – произнесла Альвия, вновь бросив взгляд на дверь.

Сложно было признать это, но присутствие Дин-Таля стало для Перворожденной чем-то сродни ощущения покоя и надежности. Его лица и взгляда, наполненного затаенным чувством, Альвии не хватало. Эта мысль заставила женщину нахмуриться, и тут же тихий разговор, начавшийся было, прервался. Придворные чутко улавливали настроение госпожи, зная, что она может быть резкой, и принятого даже в запале решения, не меняла.

– Ирэйн.

– Я здесь, лиори.

Альвия перевела взгляд на девушку, сидевшую по левую руку. Их разделял риор Дин-Вар. Девушка показалась Перворожденной рассеянной, и лиори внимательной вгляделась в нее.

– Ты здорова?

– Немного болит голова, лиори, – ответила Ирэйн. – Возможно, я простыла, когда вчера вечером вышла на крепостную стену без накидки.

– Ты призывала Ферима?

– Не успела, моя госпожа, – девушка посмотрела на Перворожденную и опять опустила взгляд в свою тарелку. – Не всем Боги дали такое отменное здоровье, как вам, Перворожденная.

– Ты упрекаешь меня? – тонкие дуги бровей лиори приподнялись.

– О, нет! – воскликнула Ирэйн, вдруг заливаясь краской. – Я лишь хотела сказать, что моя госпожа крепка не только духом, но и телом. Наверное, я и вправду нездорова, раз сумела расстроить лиори глупыми словами. – Девушка сникла.

Альвия машинально посмотрела на дверь в залу, затем мягко улынулась:

– Я не расстроена, Ирэйн. Если тебе нездоровится, ты можешь отправиться к себе и позавтракать там. Ферим вскоре навестит тебя.

– Благодарю, лиори, – Ирэйн поднялась из-за стола, поклонилась. – Еще раз прошу простить мне необдуманные слова.

Дождавшись кивка лиори, девушка направилась прочь из трапезной залы. Уже выходя в двери, она столкнулась с Дин-Талем. Встреча оказалась неожиданной для обоих, и руки риора придержали Ирэйн за хрупкие плечи. Она вдруг зарделась, бросила взгляд на госпожу и, что-то буркнув, поспешила скрыться. Высокородный риор направился к столу, на ходу склонив голову – приказание Перворожденной было исполнено. Альвия никак не отреагировала. Она задумчиво смотрела сквозь Тиена, и взгляд ее был устремлен на дверь.

– Моя госпожа.

Лиори едва заметно вздрогнула и перевела взор на Дин-Таля, он вопросительно приподнял брови, но Альвия чуть поморщилась, махнула рукой, и завтрак возобновился. Однако зародившаяся мысль уже не отпускала. Перворожденная несколько раз смотрела на Тиена, но так больше не произнесла ни слова, и переговаривались за столом только придворные. Дин-Таль в их беседе участия не принимал. Он пытался угадать, что творится в голове госпожи, однако пока так и не понял, но, кажется, ее мысли сейчас были далеко от посольства Эли-Харта...

Глава II

К вечеру хмурая затянула небо, словно вторя дурному расположению духа лиори. Темно-серые тучи напозли на Борг, нависли сверху, цепляясь жирными брюхами за шпили древних башен. Поднялся холодный ветер. Он кидался на стражу, швырял им в лица пыль и песок. Гроза ясно угадывалась в воздухе, но не спешила обрушиться на Эли-Борг, продолжая нагнетать напряжение. Лиори, снова стоявшая у окна, смотрела на небо и ждала...

И гром ударил. Он прокатился над крышами замка, возвещая о начале светопреставления, заставил содрогнуться стекла в узких окнах, и небо прочертила кривая стрела молнии. Слетела вниз и вонзилась в землю под стенами Борга. И тут же сплошной стеной ударил дождь, заглушив шорох шагов за спиной. Гроза все-таки разразилась.

– Перворожденная.

Лиори на мгновение прикрыла глаза, уже зная, о чем ей сейчас сообщат. Она вновь посмотрела на бушующую грозу и ответила, так и не обернувшись:

– Пропустить.

– Посольство от лиора Эли-Харта...

– Я сказала – пропустить, – в голосе лиори звякнул металл.

– Куда провести их?

– В тронный зал, – сказала она, и добавила с издевкой: – Где же еще принимать посольство?

– Да, лиори.

Альвия дождалась, когда шаги за спиной стихнут, после этого развернулась и окинула взглядом большой кабинет, где собирался Совет. Сегодня она не стала созывать риоров, пока говорить с ними было не о чем. Завтра... завтра, возможно, повод появится, а сегодня Перворожденная зашла сюда, ища отдохновения от роя мыслей, осаждавших ее. Женщина долго сидела на том месте, которое занимала, когда ее отец был еще жив, смотрела на его кресло и пыталась ни о чем не думать. Выходило плохо.

Поначалу лиори атаквали воспоминания о далеком отрочестве, и она, чтобы избавиться от них, вернулась к той мысли, которая возникла в трапезной. Тиен Дин-Таль... Кажется, она слишком привязалась к нему, начала замечать отсутствие. И этот разговор сегодня утром... Альвия ни в ком не была так уверена, как в этом риоре. Он многократно доказал свою преданность ей. Первый союзник, первый помощник, правая рука – вот, кем был высокородный, и лиори всегда ценила его именно за это.

Тиен был предан ей не ради наград, он не искал выгоды от своей связи с госпожой. Награды он получал за службу, а не за ласки, которые дарил Перворожденной. Просто любил и шел за ней, что в сражении, что на Совете, что на шумном пиршестве. Всегда рядом, всегда делил с лиори каждый ее вздох. И никогда не позволял себе прилюдно хоть как-то подчеркнуть, кем он является для правительницы Эли-Борга.

Альвия не любила его, но ей нравилась его страсть и желание заставить госпожу метаться в его руках, объятую огнем наслаждения. Альвии нравилось в Дин-Тале многое, но она никогда не искала его взглядом, не думала, оставаясь наедине с собой, не скучала. И вдруг поняла, что между ними что-то начинает меняться. Возможно, это была всего лишь привычка, появившаяся за четыре года, что они были любовниками, но лиори не понравилась неожиданная потребность увидеть Тиена, это уже было чувством, а чувства Альвия считала слабостью. Правитель не может быть слабым.

– Его надо женить.

Такое решение приняла Альвия, глядя на то, как Дин-Таль столкнулся в дверях трапезной с Ирэйи. Если он будет мужем другой женщины, его связь с Перворожденной прервется,

и возобновить ее будет невозможно. Традиции и порядки Эли-Борга были суровы, и прелюбодеям их блуд обходился слишком дорого. А то, что сама лиори удержится от желания возобновить встречи, она была уверена. Более стального нрава в риорате не было. Альвия выросла тем, кем хотел ее видеть отец – клинок, закаленный в схватках и жизненных уроках, заточенный наукой отца и собственным опытом. И судьба Тиена Дин-Талья отныне была решена, оставалось только узнать о ней самому риору. Позже... Мысли лиори вновь вернулись к Эли-Харту, его еще непонятным устремлениям и главе чужого посольства – Райверну Дин-Оделу.

Сейчас лиори покинула кабинет и направилась в сторону тронного зала. Она не собиралась проявлять учтивость и предлагать посольству сначала обсохнуть и обогреться. Пусть предстанут, как есть.

– Перворожденная.

Альвия остановилась, литы пропустили Дин-Талья к госпоже.

– Могу ли я сопровождать вас?

Она некоторое время смотрела на риора, наконец, коротко кивнула, его поддержка будет не лишней. Впрочем, Альвия не опасалась сорваться и утратить свою вечную маску, но все-таки присутствие Тиена даровало чувство надежного плеча рядом. Сейчас Перворожденная не стала упрячиться. Ей предстояла непростая встреча. И тот, кто томился под дверями тронного зала, ожидая, пока ему позволят войти, должен был понимать, что радушного приема не будет.

Войдя в тронный зал через узкую малоприметную дверь, Альвия направилась к широкому трону из черного мрамора, на сиденье которого была подложена такая же черная бархатная подушка. Спинку трона украшали скрещенные мечи, покрытые позолотой, и над ними замер в прыжке варлах – опасный хищный зверь, обитавший в лесах Эли-Борга.

Перворожденная поднялась по ступеням возвышения, села на трон и устремила взгляд на дверь. Дин-Таль встал за спинкой трона, почти полностью скрывшись в сумраке. Он молчал, но Альвия ощущала присутствие риора так ясно, словно его рука покоилась на ее плече. Медленно выдохнув, лиори взмахнула рукой, и тяжелые высокие двери расползлись в стороны.

– Высокородное посольство лиора горного риората Эли-Харт! – возвестил распорядитель.

И они вошли. Безразличный взгляд лиори следил за приближением трех человек. Остальные семеро были простыми воинами, они остались ожидать своих риоров под укрытием от дождя в замковом дворе. Никто не спешил провожать чужих ратников в тепло, не предлагали снять промокшую одежду и просушиться у огня с доброй чаркой горячего вина. Посланников Эли-Харта встречали неприветливо, почти враждебно, но иного хартии не ожидали. Отношения между двумя риоратами всегда были напряженными, балансируя на тонкой грани войны и мира. Последний период тишины тянулся уже четыре года, и сколько продлится еще, знали только Боги.

И пока воины старались не показывать озноба и раздражения, риоры шествовали к трону лиори, у изножья которого встали литы. На горцах не было оружия, его забрали еще при входе в Борг, и все-таки они были внушительными, как и все знатные мужчины, жившие в этих суровых краях. Одеты они были в кожаные доспехи, с нашитыми на них металлическими пластинами, в высоких сапогах без каблуков. Хартии ступали мягко, почти бесшумно. На их плечах были накинуты мокрые плащи, отороченные рыжеватым мехом. На могучих шеях золотые цепи с круглыми медальонами, глядя на которые, любой мог сказать, что эти мужчины едут не воевать, они всего лишь несут волю своего господина и повелителя.

Первым выступал хартий с темно-медными волосами, остриженными до основания шеи. В Эли-Харте мужчины не носили длинных волос, некоторые и вовсе брились наголо. Лицо посланца пересекал кривой шрам, изуродовавший некогда привлекательные черты высокогородного. Шрам рассек надвое правую бровь, зацепил переносицу, прошел левую щеку, но глаза не повредил. Второй шрам пересекал первый на левой щеке и уходил к тяжелому волевому

подбородку, зацепив и краешек рта. Проницательный взгляд бирюзовых глаз не отрывался от женщины, восседавшей на троне.

Прямая, как стрела, равнодушная, словно зимняя стужа и величественная, как Тархольдские горы, у подножия которых раскинулся Эли-Борг. Лиори почти не изменилась с тех пор, когда риор видел ее в последний раз, и одновременно изменилась до неузнаваемости. Той Али уже не существовало, ее сменила повелительница риората – Перворожденная Альвия Эли-Борг. Прекрасная, опасная и отталкивающе-холодная, будто на троне восседал не живой человек, а его статуя. И все-таки Райверн на мгновение ощутил трепет волнения, но заставил себя отвести взгляд от лиори и склониться перед ней, приложив правую ладонь к груди.

– Что привело посланцев Эли-Харта в мой риорат? – не приветствуя и не тратя времени на пустые любезности, спросила Альвия. Ее спокойный голос не смог заглушить раскат грома, прогремевший за окнами тронного зала.

Взгляд серых глаз скользил по трем риорам, особо ни на ком не задерживаясь. Полыхнула молния, вырвав из сумрака лицо старшего в посольстве, и уголки губ лиори дрогнули в неприметной ухмылке, когда Боги показали ей лицо предателя. Но ухмылка растаяла во вновь сгустившихся тенях и осталась никем не замеченной.

– Перворожденная, – заговорил Райверн Дин-Одел. Голос его стал сильнее и глубже с тех пор, когда он покинул Эли-Борг. Тон высокородного был ровным и учтивым. Если его и взволновала встреча, то он этого никак не показал, и, кажется, всё более осваивался с каждой минутой. – Наш господин, лиор Тайрад – повелитель риората Эли-Харт, шлет вам пожелания доброго здоровья и процветания Эли-Боргу.

– Милостью Богов, высокородный риор, молитвы вашего господина будут услышаны. – Ни злости, ни ехидства не отразили слова лиори, лишь ответ любезностью на любезность. – Что еще прислал мне ваш господин?

– Позволено ли мне будет передать вам послание лиора Эли-Харта? – спросил Райверн.

Один из литов приблизился к хартию и протянул руку раскрытой ладонью вверх, на которую лег запечатанный свиток. Воин мазнул взглядом по лицу Одела и поспешил передать свиток своей госпоже. Впрочем, Перворожденная не торопилась открывать послание. Она встретилась взглядом с бывшим подданным.

– О чем пишет мне Тайрад? – спросила Альвия, продолжая прожигать прямым взглядом Райверна.

– Если лиори откроет...

– О чем пишет Тайрад?

Вопрос прозвучал хлестко, хоть тон и не был повышен, и риор не стал упрямиться.

– Мой господин просит у вас руки вашей родственницы для своего племянника, – ответил риор.

Тонкие дуги бровей Перворожденной чуть приподнялись, она ожидала иного.

– Лior Эли-Харт считает, что эта свадьба поможет укрепить дружбу между нашими риоратами. Но, думаю, лиор расскажет о своих намерениях лучше, чем его слуга, – Райверн вновь склонил голову.

Альвия сжала свиток и поднялась с трона. Она снова окинула взглядом горцев, более не задерживая его на Оделе.

– Вам позволено остаться в Бorge до завтрашнего утра. О вас и ваших людях позаботятся, – провозгласила лиори. – О моем ответе вы узнаете, когда я призову вас. Вы свободны, высокородные риоры.

Альвия осталась стоять на месте, сама не спеша покинуть тронный зал, чтобы обозначить окончание аудиенции. Она стояла и смотрела, как горцы пятятся задом, вынужденные оставаться лицом к повелительнице Эли-Борга. Лицо Перворожденной не выражало эмоций:

ни издевки, ни раздражения, ни пренебрежения. Кажется, ей было всё равно. И все-таки лиори щелкнула по носу посольство Эли-Харта, заставив гордых воинов отступать, склонив головы.

Дин-Одел бросил взгляд исподлобья на Альвию и успел увидеть, как из тени к ней шагнул Дин-Таль. Риор кривовато усмехнулся, ощутив, как раздражение, пробившее ледяной панцирь посла еще во время короткой беседы с Перворожденной, перерастает в настоящую злость. Райверн скользнул в последний раз взглядом по прямой, словно клинок, фигуре повелительницы риората, и дверь тронного зала закрылась, отрезав хартиев от лиори и ее адера – старшего над ратью риората.

Альвия сделала короткий жест, и литы покинули залу, оставив госпожу наедине с высококородным.

– И что ты скажешь, Тиен? – спросила лиори, продолжая сверлить закрывшуюся дверь пристальным взглядом.

– На первый взгляд причина посольства безобидна, – чуть помедлив, ответил риор. – Я пока не вижу скрытой выгоды Эли-Харта, кроме укрепления связи с Эли-Боргом. Лейра Борг не имеет веса. Она – ваша младшая родственница, Перворожденная. После свадьбы Ирэйн отправится к мужу, и ее связь с риоратом прервется. Она не имеет влияния ни на вас, ни на политику Эли-Борга. И единственная выгода – это новые договоры с нами, уже на родственных правах. Вкупе с этим Эли-Борг становится из противника союзником горцев. И это работает в обе стороны. Если добавить ко всему прочему прекращение извечного противостояния, то это замужество несет для нас одну сплошную выгоду. Но...

– Но? – лиори обернулась к Дин-Талю.

– Но Тайрад слишком коварен, чтобы не заподозрить наличие подвоха, – закончил Тиен. – Нужно подумать.

– Да, нужно подумать, – не стала спорить Перворожденная. – И для начала я ознакомлюсь вот с этим, – она подняла сжатый в руке свиток. – Даже любопытно, о чем шипит горный змей – Тай Харт. – Лиори шагнула на ступень, чтобы спуститься вниз, но вдруг остановилась и обернулась к Дин-Талю. – Как тебе показался Одел?

Риор на мгновение поджал губы и пытливо взглянул на госпожу, она продолжала ждать ответа, ничем не выдавая того, что творится у нее на душе. Тиен коротко вздохнул и протянул руку Альвии, она накрыла тыльную сторону мужской ладони прохладными пальцами, и лиори с адером продолжили спуск.

– Он сильно изменился, – наконец заговорил Дин-Таль. – Возмужал... Научился скрывать свои чувства. Держался уверенно, голос ни разу не дрогнул и это его «мой господин»... Он – наш враг.

– Да, – вновь согласилась Перворожденная. – Если нам доведется встретиться на поле брани, Райв, не задумываясь, обнажит меч против Эли-Борга. Впрочем, моему риорату он уже давно не принадлежит, и однажды доказал это.

Взгляд лиори вдруг полыхнул яростью. Она сжала пальцы, впиваясь ногтями в руку риора, но Тиен не поморщился, такую незначительную боль он научился не замечать еще в одиннадцать лет, когда наставники пестовали мальчиков, затачивая будущие «клинки» лиора. Альвию воспитывали также...

– Шелудивая шавка, – с ненавистью прошипела лиори и... расслабилась. – Нужно понаблюдать за ними. Возможно, хартии попытаются связаться с кем-то из моих советников. Дин-Вар уже приставил к ним своих людей. Впрочем, не думаю, что Одел и его люди наивны и не понимают, что ими занимается Тайная служба. И все-таки лучше так. Пожалуй, я продержу их в стенах Борга некоторое время, может быть, мы сумеем разгадать тайный замысел Тайрада. Очень надеюсь на это. Доверять Эли-Харту у меня нет никакого желания, сколько бы выгоды не сулила его идея со свадьбой.

– И все-таки выгода имеется, – заметил Дин-Таль.

– И немалая, – кивнула Альвия.

– Это-то и смущает больше всего, – усмехнулся риор.

– Именно, Тиен, именно, – рассеянно ответила Перворожденная, и пара покинула тронный зал.

Они дошли в сопровождении литов до покоев лиори. Уже у двери Дин-Таль остановился, ожидая позволения войти. Альвия махнула рукой, и риор последовал за ней. Здесь, уже не спрашивая, уселся в кресло, но молчания не нарушил. Речи об удовольствии сейчас не шло, потому адер не спешил перейти грань, оставаясь верноподданным Перворожденной и ее советником.

Лиори подняла со стола колокольчик, и он тонко звякнул, призывая прислугу. Почти сразу же открылась дверь, на пороге гостиной возникла одна из девушек.

– Свечи, – приказала Альвия.

Прислужница склонилась в низком поклоне и поспешила исполнить повеление госпожи. Гроза уже пошла на убыль, но сумрак за окнами не развеялся, и в покоях было темно. Пока не принесли свечи, лиори сломала печать Эли-Харта, раскрыла футляр и достала свиток. Женщина разложила его на столе, после прижала края ладонями и нависла сверху. В слова послания она не спешила вчитываться.

В это мгновение вернулась прислужница со свечами, и пока она вновь не исчезла, лиори хранила молчание.

– Тиен, – не оборачиваясь, произнесла Перворожденная, как только они снова остались наедине с высокородным.

– Да, лиори, – отозвался он, поднимаясь с кресла.

– Мне есть, о чем поговорить с тобой, – чуть помедлив, продолжила Альвия, остро ощущая за своей спиной присутствие близкого ей мужчины. – Я приняла решение, и хочу, чтобы ты принял его без споров.

– Что прикажет моя госпожа? – спросил Дин-Таль.

– Я хочу, чтобы ты... – взор Перворожденной упал на свиток, и она поджала губы. После мотнула головой: – Позже. Есть дела поважней.

– Как прикажете, лиори, – риор задержал взгляд на затылке Альвии, однако госпожа уже читала послание, и Тиен вернулся в кресло.

И все-таки Дин-Таль ошибся, лиори не читала, она слепо смотрела на ровные строчки из угловатых букв и хмурилась. Почему вдруг оборвала себя? Всего несколько слов: «Я хочу, чтобы ты выбрал себе жену», – и всё, к этому разговору можно было уже не возвращаться. Риор покорился бы. Даже если бы его душа протестовала, и боль выжгла сердце. Он выбрал бы себе невесту в указанный срок и женился, оставив Перворожденной ее покой и одиночество. И все-таки язык отказался повиноваться лиори. Перед внутренним взором вдруг так ясно встала картина, в которой высокородный всходил на ложе с другой женщиной, и это вызвало прилив раздражения. Стиснув зубы, чтобы не выругаться, Альвия медленно выдохнула. Нет, она не изменила своего решения, но... потом. Еще будет время...

– Перворожденная.

Лиори подняла руку, не обернувшись на призыв, и Дин-Таль снова замолчал. Альвия, наконец, вчиталась в первую строчку послания и уже не прерывалась, полностью сосредоточившись на том, что было важнее ее собственных чувств. Добравшись до подписи Эли-Харта, Перворожденная повторно пробежала письмо глазами и оттолкнула его в сторону.

– Слишком много сладкого нектара, – усмехнулась она. – Тайрад умеет красиво складывать слова, не скрыв тайного помысла даже между строк. Будем наблюдать за его посланниками. Впрочем, – Альвия обернулась к своему адеру, – стоит узнать мнение невесты. Возможно, она уже нашла кого-то, кто ей по сердцу.

– Когда говорит политика, голос сердца превращается в тихий шелест, – усмехнулся Тиен.

– И все-таки я хочу узнать, что думает об этом Ирэйн.

Лиори вдруг вспомнила, как смутилась девушка, когда оказалась в вынужденной близости от Дин-Талья на выходе из трапезной залы. Быть может...

– Тебя привлекает моя сестра? – Альвия внимательно посмотрела на риора.

– За сиянием моей госпожи я не вижу иных женщин, – ответил тот.

Перворожденная передернула плечами и отвернулась. Она была недовольна собой. Нужно было довести до конца начатое сразу. Чувства – не то, чем руководствуется правитель. Наверное, всё дело во времени. Они слишком долго были вместе...

– Брось, Тиен, – вновь заговорила лиори, развернувшись к высокородному. – Твои слова звучат слишком громко. Ты – зрелый мужчина и не можешь не замечать женщин, которые окружают тебя. Каждая будет рада, если ты назовешь ее своей женой. Годы идут, а ты тратишь их в моей постели. Тебе пора подарить своему роду наследника.

– Я не единственный сын в роду Таль, – неожиданно глухо ответил риор.

Он поднялся на ноги и приблизился к Перворожденной. Его пытливый взгляд прошелся по ее лицу и остановился на глазах.

– Ты не можешь не желать рождения твоих детей, – твердо продолжила Альвия.

– Мои желания слишком несбыточны, – Тиен протянул руку и коснулся щеки лиори тыльной стороной ладони. – Я не желаю другой женщины.

– Ложь.

– Моя госпожа видит людские души, и если она говорит, что я лгу, значит, я лгу и себе самому, – слова высокородного оказались пропитаны горечью. – Ты желаешь, чтобы я нашел себе невесту?

– Да, – Альвия смотрела ему в глаза.

– Сколько у меня времени на выбор?

– До зимы.

Дин-Таль молчал. Он жадно всматривался в глаза лиори, она взора не отвела.

– Я прошу лишь об одном, – голос риора отдал хрипотцой.

– Проси, – негромко ответила Альвия.

– Не навязывай мне невесту по собственному выбору. И...

– И?

– И не оглашай своего решения прилюдно, пока я не назову тебе имя моей избранницы.

– Хорошо, – чуть помедлив, согласилась лиори. – Я услышала тебя, Тиен.

Дин-Таль склонил голову, после отвернулся от Перворожденной, сделал несколько шагов в сторону, но вдруг вновь развернулся и стремительно приблизился к ней. Обхватил лицо лиори ладонями:

– Почему? – резко спросил Тиен.

– Ты делаешь меня слабой, – неожиданно для себя ответила правду Альвия. – Я слишком привязалась к тебе.

– То есть ты приговариваешь меня потому, что я стал тебе дорог? Так? – лиори промолчала, и риор воскликнул: – Но это же чушь, Али!

– Хватит! – оборвала его Перворожденная. Дин-Таль опомнился и сделал шаг назад. – Вы услышали мое повеление, высокородный риор, больше мне сказать вам нечего. Ступайте.

– Как прикажет моя госпожа, – ровно отозвался адер Эли-Борга. Он отвесил поклон, порывисто развернулся на каблуках сапог и направился на выход из покоев.

Уже оказавшись за дверью, Дин-Таль сжал кулак и с силой ударил по стене, не обращая внимания на литов.

– Проклятый Архон и все его твари, – выдохнул высокородный. – Лучше бы уж вогнала нож в сердце, это было бы милосердной.

Лиори коротко вздохнула – решение было объявлено и назад хода уже не было... Тем лучше. Альвия вновь посмотрела на свиток, резким движением подхватила его со стола и сжала в кулаке, безжалостно смяв пергамент. Решение объявлено...

– Довольно, – хлестко произнесла она, заставляя себя вернуться к тому, что было важнее собственных чувств и переживаний.

Риорат – вот, о чем следовало думать, и лиори выкинула на время из головы мысли о Тиене Дин-Тале. Она покинула покои и направилась к той, по чью душу хартии прибыли в Борг. Альвия шла, гордо подняв голову, неприступная и величественная, в окружении своих постоянных спутников. И мысли Перворожденной были заняты теперь исключительно правительством горного риората.

Тайрад Эли-Харт... Хитрый, сладкоречивый змей. Он был старше Альвии на десять лет. Когда-то Тайрад просил руки дочери лиора Эли-Борга, но получил отказ. Отец Перворожденной сослался на то, что невеста слишком мала и не может дать разумного ответа. Альвия не была разменной монетой, ей предстояло наследовать трон и править риоратом. Будь она второй дочерью, племянницей, кем угодно, только не наследницей, и сватовство могло бы закончиться иначе. Впрочем, была бы она тогда нужна Эли-Харту? Вряд ли.

Однако горец ответ отца Альвии принял и больше не возобновлял сватовства, не пытался переубедить Эли-Борга, не желал настаивать. И когда юная лейра надела на свое чело венец власти и стала называться лиори, Тай Харт поспешил заверить ее в вечной дружбе, но разговор о свадьбе не возобновил... Лжец! Он протягивал Перворожденной руку, с которой стекала кровь ее отца! Ублюдок...

Единственный ответ, который тогда получил Эли-Харт – это голова подосланного им убийцы. Тайрад прислал в ответ гневное письмо, в котором назвал себя оскорбленным «сопливой девицей». Это был прямой вызов, и лиори Эли-Борг его приняла. Ха! Тай прекрасно знал, какой ответ получит, шпионы успели донести, что горцы собирают рать. В тот момент, когда Альвия читала письмо своего недруга, его воинство уже подступало к границе Эли-Борга. Тайрад ожидал легкой победы, но столкнулся с ожесточенной ненавистью юной лиори и яростью ее воинов, и горцы отступили.

Эли-Харт прикрылся плащом лживого добросердечия, «милостиво простив» юную соседку. Они встретились в шатре Альвии, куда горец явился собственной персоной в сопровождении лишь двух своих воинов. Знал, тварь, что так его не тронут. Рисковал конечно, слишком велика была злость Перворожденной, и все-таки решился. Тайрад вновь протянул руку «дружбы», и лиори... приняла ее. Ярость, выжигавшая ее, была выплеснута на поле брани. Альвия собрала свой урожай смертей, хотя бы так утолив жажду мести. Теперь она была готова к политическим играм.

С тех пор два риората сходились на поле брани еще один раз, спустя четыре года после вступления на трон лиори Эли-Борг. Напал опять Эли-Харт, используя особо кровопролитную стычку на границе между риоратами. Боржцы увлеклись и продолжили сражение на землях горцев. Тайрад тут же обвинил Альвию в вероломстве, и его рать опять напала.

Тогда ему удалось продвинуться, захватив пограничные селения и несколько городов. Но отчаянное сопротивление крестьян и знати задержало Эли-Харта, дав время лиори собрать рать и двинуться навстречу врагу. Два воинства сошлись в Духовой пустоши на кровавой заре зачинающегося дня. Альвия, вела свою рать, как вел бы любой лиор, рубилась наравне с мужчинами, охрипнув от криков, когда отдавала приказания. И последние мужчины ее рода бились вокруг нее, не допуская удара в спину Перворожденной. И все-таки к ней сумели подобраться. Кто знает, что было бы, если бы Тиен Дин-Таль не увидел убийцу, поднявшего арбалет. Риор закрыл собой повелительницу, приняв в грудь тяжелый болт.

– Если он умрет, ты тоже умрешь, чародей, – сказала после сражения Альвия, глядя на колдуна из Духовграда, стоявшего неподалеку от Духовой пустоши. – Выходишь, заберу в Борг и осыплю золотом. Как звать?

– Ферим, – ответил чародей, с благоговением глядя на растрепанную окровавленную госпожу.

– Спаси его, Ферим.

– Он – не жилец. Не в моих силах...

– Значит, возьми чужие! И мне плевать, как ты это сделаешь, чародей. Когда я вернусь, сердце моего риора должно биться.

Ферим исполнил приказание лиори, и Дин-Таль встретил госпожу слабой улыбкой на еще бескровных губах. Но это было позже. А вначале после битвы рать Эли-Борга погнала хартиев к границе и обратно в горы. Могли бы и дальше, в отместку забрав часть земель чужого риората, но змей Тайрад нашел союзников, которые выступили на его стороне за прекращение войны. Сориться с сильным противником Альвия не стала, но выдвинула требование:

– Я хочу получить Райверна Одела. Пусть Тайрад выдаст мне предателя, и я не трону ни пяди его земель.

– Как мне отдать моего лучшего риора? – расстроился Эли-Харт. – Он честно служит мне, как же я могу ответить ему черной неблагодарностью?

Перворожденная пожала плечами:

– Хорошо, если Тайрад так дорого ценит предателя, тогда я выставлю счет Эли-Харту на ту сумму, которую считаю равноценной меной. Триста тысяч золотых лириев, и пока я не получу этой суммы, Хартийское предгорье останется под властью Эли-Борга. Поселения и города в Пограничье разрушены, их нужно восстановить. Это грех лиора Тайрада, пусть он за него и расплачивается.

– Сто тысяч, – начал торг Тай.

– Согласна. Сто тысяч золотых лириев и Хартийское предгорье в вечное владение Эли-Борга, – покладисто согласилась Альвия.

Лиор Эли-Рохт – союзник Тайрада, чьи земли соседствовали с обоими враждующими риоратами, неожиданно нашел требования лиори Эли-Борг справедливыми. Эли-Харту оставалось согласиться с условиями Альвии. И по непонятной причине он выплатил триста тысяч золотых, но предателя так и не выдал, хотя это было проще и выгодней для горца. Значит, Одел был ему еще зачем-то нужен, но помыслы Тайрада были ведомы только Тайраду. На том последняя война закончилась, и вот уже четыре года на землях Эли-Борга царили мир и покой. Короткие стычки, конечно, случались, но нечасто, и к осложнениям не приводили. И вдруг это сомнительное, но вроде бы выгодное предложение породниться...

– Что же ты задумал, гаденыш? – тихо спросила пустоту Альвия, но ответа, разумеется, не получила.

Она остановилась перед дверями покоев Ирэйн, подняла руку, жестом приказав литам ожидать ее в коридоре, и вошла в комнаты кухни. Лейра Борг порывисто поднялась с кушетки, на которой сидела с пальцами в руках. Она отложила и вышивку и, склонив голову, прижала к груди правую ладонь.

– Моя госпожа, вы удостоили меня великой чести...

– Довольно, – отмахнулась Альвия, приближаясь к девушке. – Как твое здоровье, Ирэйн?

– Намного лучше, благодарю, Перворожденная, – лейра Борг снова поклонилась.

Лиори присела на кушетку и мягко похлопала ладонью рядом с собой. Ирэйн покорно присела рядом. Альвия взяла в руки пальцы и некоторое время рассматривала вышивку.

– Варлах, – отметила Альвия. – Красивый зверь. Красивый и опасный.

– Как вы, моя госпожа, – улыбнулась девушка, вдруг зарумянившись и опустив глаза. – В вас живет душа варлаха.

– Ты чудесно передала образ, – произнесла лиори, не обратив внимания на комплимент – Но почему все-таки варлах? Обычно девицы вышивают цветы, портреты возлюбленных, а ты выбрала хищника.

– У меня нет возлюбленного, – Ирэйн повела плечами и отвела взгляд.

– Разве твое сердце не бьется чаще при взгляде на кого-нибудь из высокородных? – улыбнулась Альвия. – Разве они так дурны собой, что ты осталась холодна к гордой стати и мужественным чертам риоров?

– К чему вы спрашиваете меня, кузина? – лейра Борг вскинула глаза на Перворожденную. – Кто-то донес вам дурную сплетню обо мне?

Альвия снова улыбнулась и коснулась плеча родственницы, провела ладонью до локтя и отстранилась.

– Тебе уже исполнилось достаточно лет, Ирэйн, чтобы мы начали вести этот разговор, – ответила лиори, не спеша перейти к сути своего визита. – Ты уже вошла в брачную пору, и, если имеешь сердечную склонность, я хочу, чтобы ты сказала мне об этом. В отличие от многих высокородных девиц, моя кузина наделена правом выбирать, и я поддержу твой выбор, Ирэйн. Потому я еще раз спрашиваю тебя – имеешь ли ты сердечную склонность?

Лейра Борг снова отвела взгляд. Ее щеки стали пунцовыми, но вместо ответа, Ирэйн отрицательно покачала головой:

– Нет, моя госпожа, я не имею склонности.

– Ты сейчас лжешь, Ирэйн, – тон лиори неуловимо поменялся, стал жестче, и девушка вздрогнула.

– Я не лгу, – ответила она так тихо, что Альвия едва расслышала кузину. – Мне и вправду когда-то нравился один из риоров, но это прошло.

– Кто он?

– Он несвободен, кузина.

Ирэйн, наконец, совладала с собой и посмотрела на Перворожденную, однако не выдержала ответного прямого взгляда и сникла.

– У него есть женщина, моя госпожа, и я не хочу мешать их счастью. Нет, у меня нет сердечной склонности.

– Значит, если я укажу тебе жениха сама, ты примешь мой выбор безропотно? Даже если тебе придется покинуть Борг?

Лейра порывисто обернулась, глаза ее увеличились, но возражать девушка не посмела. Она просто кивнула, подтверждая слова кузины.

– Вы – моя госпожа, лиори, и я приму любой ваш выбор. Что до Борга... Здесь я гостья, хоть и живу в замке уже четыре года.

Альвия поднялась с кушетки, сложила на груди руки и прошлась по гостиной. Ирэйн следила за кузиной взволнованным взглядом.

– Вы уже выбрали мне жениха? – не выдержала она. – Кто он? Какой он?

Лиори обернулась, и на устах ее появилась ироничная улыбка.

– Что для тебя главное в выборе мужа, Ирэйн? Молодость, красота, богатство? Или ум, честь и благородство?

– Хотелось бы всё это разом, – негромко рассмеялась лейра Борг.

– Понимаю, – усмехнулась Перворожденная. – Могу сказать тебе, что твой жених молод, знатен, богат. Что до красоты, каждый видит ее по-своему.

– Но вы сказали, что мне придется покинуть Борг, – вспомнила Ирэйн. – Он не служит при вашем дворе, – уверенно закончила она.

– Нет, он служит при чужом дворе, кузина.

Лейра вздрогнула, заметно побледнела и опустила взгляд на стиснутые на коленях ладони. Альвия коротко вздохнула, вернулась к кушетке и присела рядом с Ирэйн. После взяла ее за руки, заставив развернуться к себе лицом.

– Сегодня прибыло посольство от Эли-Харта. Тайрад просит твоей руки для своего племянника. Если мы ответим согласием, ты отправишься в горы и останешься подле своего мужа. Не знаю, какая судьба ждет тебя при дворе лиора Эли-Харта, потому я спрашиваю тебя, готова ты принять этот выбор? Или же ты озвучишь имя своего возлюбленного, и я отдам тебя тому, кто тебе дорог, и тогда ты останешься здесь, продолжая пользоваться моей милостью и покровительством? Что скажешь ты, кузина?

Девушка открыла было рот, но вновь закрыла его и судорожно вздохнула:

– Я в смятении, лиори, – призналась она дрогнувшим голосом. – Эли-Харт никогда не славился добрым отношением к нам, но... если это принесет пользу Эли-Боргу, то...

– Я еще не знаю, насколько нам будет полезен этот союз, Ирэйн. С этим сватовством стоит разобраться, – Альвия на мгновение поджала губы. – Нас никто не торопит. Я даю тебе время обдумать свое будущее. Не потрать его на пустые мечты. Я желаю, чтобы сердце и разум в тебе говорили одним голосом. Когда придет время, я спрошу снова, и ты дашь мне свой ответ.

Перворожденная поднялась на ноги, Ирэйн последовала ее примеру:

– Я поняла вас, моя госпожа.

Рассеянно улыбнувшись родственнице, Альвия покинула ее покои. Уже стоя в коридоре, лиори задумалась на мгновение, что делать дальше. Затем накрыла ладонью живот и ощутила твердость сложенного и скрытого за поясом послания от Эли-Харта. Усмехнувшись новой мысли, Перворожденная махнула рукой литам:

– К Фериму.

Послушные «тени» скользнули следом. Чародей нашелся в своих покоях за составлением какой-то схемы. Выглядел он странно, но забавно. Светлые волосы Ферима торчали в разные стороны, глаза лихорадочно блестели, и шальной взгляд ясно говорил о том, что чародей со всем усердием старался исполнить приказ лиори.

– Перворожденная, – выдохнул колдун, то ли испуганно, то ли с досадой.

– Успокойся, Ферим, – усмехнулась Альвия, – мне есть, чем тебя порадовать. – Она вытащила послание Эли-Харта. Вытащи из него всё, что сможешь. Быть может, это поможет тебе в поиске ответа.

– О-о-о, – протянул чародей. – Отпечаток писавшего не мог не остаться на пергаменте. Возможно, я смогу прочесть его мысли.

– Это было бы весьма кстати, – прохладно улыбнулась лиори. – Не затягивай, но и не слишком торопись. Я хочу, чтобы ты тщательно поработал с посланием.

– Да, моя госпожа, – Ферим склонился перед Перворожденной.

– Жду твоего доклада, – произнесла Альвия.

Она покинула покои чародея и потеряла руки. Кажется, всё еще может быть не так плохо, как шептало предчувствие. И все-таки бездействовать, пока шпионы и чародей роются в тайных помыслах Тайрада, лиори не хотела. Она вспомнила о снадобье, которое утром взяла у Ферима, и криво усмехнулась.

– Кажется, мне есть чем заняться вечером, – негромко произнесла Альвия и вдруг протяжно вздохнула: – Пошлите мне терпения, Боги. И хладнокровия, сегодня оно мне необходимо.

Глава III

Борг укутался в черноту подступающей ночи, замок готовился ко сну. Небо расчистилось, открыв людскому взору далекое мерцание равнодушных звезд и узкий серп зачинающейся луны. Стражи на стенах неспешно расхаживали взад и вперед, порой останавливались и перекидывались несколькими фразами, посмеивались над шутками друг друга и возобновляли свое хождение. Легкая тревога, вызванная появлением посланниками горного риората, улеглась, и в душах людей воцарился покой.

В переходах древней твердыни стихли оживленные голоса, и лишь изредка еще слышались шепотки прислуги и негромкие смешки праздной знати, да шорох шагов ночной стражи нарушали сонную тишину замка. Гости Борга тоже безмолвствовали в отведенных им покоях, отдыхая после дороги. И если риоры вели беседу за кубком доброго вина, то их воины уже сладко спали на жестких кроватях в общих комнатах.

Стук в дверь оторвал мужчин от их неспешного разговора. Старший в посольской троице обернулся и, повысив голос, позволил:

– Войдите.

– Риор Дин-Одел, – на пороге стоял прислужник. Он коротко кивнул, обозначив поклон, после вновь распрямился и, не глядя на того, к кому обращался, закончил: – Вас ожидает лиори Эли-Борга.

Мужчины переглянулись. В глазах своих спутников Райверн уловил удивление и тревогу.

– За каким Архоном? – нахмурился один из хартиев.

– Райв, мы проводим...

– И тем выкажем Эли-Боргу свое недоверие? Нет, – Одел покачал головой, – мы не оскорбим лиори. Она призывает меня одного, значит, я пойду один.

– Райв...

– Нет, – сухо ответил Райверн. – Я иду один. Не желаю видеть в глазах Перворожденной насмешку. Я не трус и не малое дитя, чтобы передвигаться в сопровождении нянек.

Один из риоров понизил голос:

– Райверн, лиори тебя приговорила, и если тебе подстроит падение с лестницы или удар ножом...

– Язвить языком Альвия умеет не хуже, чем иной убийца кинжалом, – на губах Одела заиграла кривоватая ухмылка. – Я знаю лиори лучше многих, потому уверен, что сейчас мне ничего не грозит. Она хочет побеседовать со мной, я не собираюсь отказывать Перворожденной в ее желании. Я иду один, – твердо закончил высокородный.

Больше с ним никто не спорил, однако несогласие с таким решением ясно читалось на лицах обоих горцев. Райверну было плевать на то, что думают его спутники. Он подхватил камзол, висевший на спинке кресла, надел его и направился к прислужнику.

– Веди, – коротко велел бывший боржец.

Слуга развернулся и первым вышел из гостевых покоев. Райверн скользнул взглядом по сторонам, иных сопровождающих не было, только прислужник, шествовавший впереди с бесстрастным выражением на лице. Риор вдруг усмехнулся и покачал головой. Высокородный помнил этого мужчину, он служил в Борге еще со времен правления отца Альвии. Только сейчас слуга не спешил показать, что узнал бывшего подданного лиоров Эли-Борга. Для него Райверн Дин-Кейр стал чужаком и изгнанником... предателем.

Подзабытая горечь вдруг всколыхнулась и обожгла душу риора. Однако с этим ненужным чувством Райверн тут же справился. Он коротко выдохнул и вновь заскользил взглядом по стенам, с затаенным удовлетворением отмечая, что Борг не изменился за те восемь лет, что он здесь не был. Восемь лет... Боги, минуло восемь лет с тех пор, как он в последний раз шел

по этим коридорам! Восемь проклятых лет! Целая пропасть между настоящим и прошлым, и всего один краткий миг...

Райверн мог с закрытыми глазами пройти весь путь, он до сих пор помнил устройство Борга. Наверное, он смог бы указать на все шербохатые ступени по пути к арене, если бы кто-то попросил об этом. Он смог бы перечислить не только шербохатые ступени, Одел помнил прожитые в Борге годы так четко, словно не покидал замок на долгое время. Когда-то он был здесь, как рыба в воде, а теперь стал чужаком. Чужак... И вновь со дна души поднялась муть воспоминаний и щемящей тоски. По детству, по юности, по тем годам, которые так и не прожил в этих стенах, и по несбывшимся мечтам.

– Довольно, – фыркнул мужчина и независимо передернул плечами.

Пустая блажь, ничего больше. Он не стал скитальцем, был признан новым господином, оценен им, и служил по совести. Лиор Эли-Харта принял беглеца, приблизил и обласкал. Тайрад ни разу за эти годы не унижил риора упреком или насмешкой, высокородный платил господину верностью... пусть и вынужденной. Да, он стал хартием, Эли-Боргу этот клинок оказался не нужен. Что ж, для него нашлись ножны и рука, готовая направить острие в грудь врагу. Значит, так было угодно Богам, и роптать на судьбу и сожалеть о чем-то Райверн Дин-Одел больше не собирался.

Прислужник вел посланника Эли-Харта на половину, которую издревле занимали лиоры. Райверн удивленно хмыкнул. Он ожидал, что беседа состоится в кабинете лиори, в одной из многочисленных гостиных, где угодно, но только не в святой святых замка Борг. Однако прислужник не остановился, признавая ошибку, они вошли на половину Перворожденной. Взгляд изгнанника скользнул по литам, растянувшимся цепью до дверей покоев. В глазах воинов застыло безразличие, и все-таки каждый повернул голову вслед горцу. Райверн не обманулся фальшивым равнодушием. Он знал точно, что все эти воины без раздумий вонзят в него свои клинки, если только решат, что их госпоже угрожает опасность.

На мгновение риор подумал, что Альвия призвала его, чтобы исполнить свою клятву. После можно объявить, что предатель пытался напасть на нее и пал под карающими ударами ее телохранителей. Но тут же отмахнулся от этой мысли, усмехнувшись собственной мнительности. Альвия была умна, и падение с лестницы могло бы стать ее мезьей, но никак не нарочитое убийство. Впрочем, даже падение она не устроит... пока он является послом Эли-Харта. Однако обольщаться, что он прощен, Райверн не стал. Альвия обид не забывала, не меняла решений и разила без пощады. Если бы у покойного лиора первым родился мальчик, он не смог бы стать тверже лиори Эли-Борг, в этом Одел был уверен. Если бы лиор был всё еще жив, он мог бы гордиться своей дочерью. Она выросла такой, какой отец хотел ее видеть.

– Лиори готова принять... вас, – сцедил сквозь зубы лит, успевший сделать доклад госпоже. – Оружие?

– У нас забрали оружие на входе в замок, – ровно ответил Дин-Одел.

Лит продолжал сверлить взглядом высокородного, и тот раскинул руки, подчиняясь безмолвному требованию. Сноровисто обыскав гостя, его, наконец, пропустили. Райверн подавил короткую вспышку раздражения. Он тряхнул волосами и шагнул в распахнувшуюся дверь...

– Доброго вечера, высокородный риор.

И Райверн запнулся. Мягкое звучание ее голоса оказалось неожиданным. Обволакивающие нотки коснулись сознания высокородного, мгновенно проникли в поры и заставили судорожно вздохнуть. Он даже не знал, что Альвия может разговаривать... так. Она могла быть жесткой, могла быть насмешливой, могла чеканить слова, словно вбивала их ударами кнута, в ее голосе можно было расслышать звон металла, но сейчас с ним разговаривала... женщина, а не правитель. Изгнанник даже на мгновение зажмурился, чтобы избавиться от наваждения. Это бархатистое звучание никак не могло принадлежать Альвии Эли-Борг, и уж тем более относиться к нему – ненавистному предателю...

– Вы пустили корни, риор Дин-Одел? Мне позвать лесорубов, чтобы вы могли сдвинуться с места? – насмешливо спросила Перворожденная, и Райверн очнулся.

Нет, это была всё та же Альвия Эли-Борг, и стоило взять себя в руки, чтобы не превратиться в мишень для ее острога. Жалеть его лиори не будет, скорей с удовольствием нашьпигует ядом издевки.

– Благодарю за заботу, Перворожденная, – усмехнулся Дин-Одел, склоняясь перед ней. – Лесорубы излишни, пусть спокойно спят в своих постелях.

– Замечательно, что вы бережете сон моих лесорубов, высокородный. Надеюсь, вас не расстроило то, что я не столь заботлива и помешала заснуть вам самому, – теперь ее голос звучал суше.

– Ваше приглашение – честь для меня, лиори, в любое время дня и ночи, – ответил Райверн, вновь приложив руку к груди и склонив голову.

– Вы что-то знаете о чести, риор? – язвительно спросила Альвия, но сразу же растянула губы в прохладной вежливой улыбке: – Вы ведь не обиделись на меня за этот вопрос?

– Ну, что вы, Перворожденная, какие обиды? Говорят, языком лиоров с нами общаются Боги, – учтиво ответил риор, чувствуя новый виток раздражения. Вечер обещал быть непростым.

– Прошу, – она указала на накрытый стол.

Лиори первая прошла к своему стулу и, не дожидаясь помощи, села. Прислуги в покоях не оказалось, они были совершенно одни. Или же молчаливый наблюдатель остался за дверями опочивальни? Райверн хмыкнул своей мысли и ощутил неприязнь. Он даже порывисто обернулся к внутренним дверям, но они были плотно закрыты.

– Вас что-то беспокоит, высокородный риор?

– Нет, – ответил Дин-Кейр, усаживаясь на второй стул. Взглянул на кубки и не удержался от ироничного вопроса: – Желаете отравить меня?

– А вам бы хотелось яда? – Альвия приподняла брови. – Прошу меня простить, не ожидала, что у вас изменились вкусовые пристрастия. Впрочем, зная, кому вы служите... Так мне распорядиться насчет отравы?

– Обойдусь обычным вином, – усмехнулся Райверн. – Я у вас дома и ни к чему менять установленный порядок.

– Тогда поухаживайте за мной, риор Дин-Одел, наполните мой кубок, и ваш заодно.

– С удовольствием, лиори.

Их взгляды встретились, и риору показалось, что воздух заискрился от напряжения. Улыбка на губах Альвии вдруг показалась оскалом, и от прямого взгляда по коже прошелся озноб, вызвав неприятные мурашки. Нет, высокородный не боялся Перворожденной, но легко уловил угрозу и опасность, исходившие от женщины. Так зверь чувствует хищника, готового к броску. Только Райверн Дин-Одел сам был хищником, и, внутренне ощетинившись, был готов к ответному нападению.

Лиори откинулась на спинку стула, вопросительно приподняла брови, и ледяная корка, сковавшая пространство, пошла трещинами. Бывший боржец медленно выдохнул, расслабляясь, поднял кувшин с вином и наполнил оба кубка. После подал один кубок хозяйке покоев. Она приняла с дружелюбной улыбкой, причем, не спеша сделать глоток. Взгляд серых глаз остановился на госте, словно лиори чего-то ожидала. Риор ответил учтивой улыбкой, следуя примеру Перворожденной – пить он тоже не торопился. Альвия усмехнулась и сделала глоток.

– Мы пьем из одного кувшина, Райв, – она неожиданно перешла на сокращенную форму его имени. – Ты стал так подозрителен при дворе своего хозяина? Или же риоры Эли-Харта совсем забыли об отчаянной смелости?

– Ваши уста сочатся сладким нектаром, – с иронией ответил Райверн и сделал глоток из кубка.

Альвия скрестила руки на груди и с интересом осмотрела гостя.

– Что чувствуешь, Райв? Огонь уже выжигает твоё нутро? Быть может, твоё горло сузилось до игольного ушка, и ты не можешь вдохнуть? Ты ещё жив, высокородный риор?

– Ваш язык всегда был подобен кинжалу, Перворожденная, – усмехнулся Одел. – Да, я жив. И нет, я не ожидаю, что вы захотите отравить меня. Не сейчас.

– Не сейчас, – согласилась лиори. – К сожалению.

Мужчина ощутил прилив жгучей злости. Он посмотрел в глаза лиори, поднял кубок и осушил его до дна. После с силой опустил на стол, утер губы тыльной стороной ладони.

– Для чего вы призвали меня, Перворожденная? Поиздеваться, раз не имеете возможности убить меня?

Альвия поднялась на ноги, уперлась ладонями в стол и склонилась, приблизив лицо к лицу изгнанника:

– У меня тысяча способов убить тебя, Райв, – произнесла она, глядя ему в глаза. – Но я оставлю тебе возможность и дальше отравлять воздух своим дыханием. Пока что. – После, оттолкнувшись от столешницы, распрямилась и отошла от стола. – Нет, высокородный риор, я призвала вас не для того, чтобы насмеяться над вами. Я хочу побеседовать.

– О чем?

Райверн смотрел на прямую спину лиори, скользнул взглядом к округлым бедрам, скрытым тканью платья и гулко сглотнул, поймав себя на мысли, что у Альвии крепкое гибкое тело. Затем вспомнил ее приветствие, точней, голос, каким оно было произнесено...

– Архон, – пробормотал мужчина, ожесточенно растерев лицо ладонями, пока Перворожденная стояла к нему спиной.

Альвия прошла по своей гостиной и остановилась у камина, глядя в жаркую сердцевину пылающего огня. Она прикрыла глаза и постаралась усмирить ярость, бушевавшую в ней. Так близко... Только протяни руку, и можно сжать пальцы на горле ублюдка, или вогнать нож ему в грудь...

– Архон, – прошептала лиори, загоняя вглубь сознания свои видения.

Не сейчас. Придет время, когда она спросит с предателя за всё, а пока нужно терпеть. Выждать, затаиться... Проклятье! Она и так уже давно ждет, а живая тварь продолжает топтать землю! И теперь сидит напротив и рассматривает ее, словно зверушку на ярмарке.

– О чем вы хотели поговорить со мной, лиори?

Перворожденная обернулась. Она сделала несколько шагов обратно к столу, всматриваясь в глаза риора. Зрачки расширились, снадобье, которым она смазала его кубок, уже начало действовать.

– Зачем вы приехали сюда, Райв? – Альвия вернулась на стул.

– Привезли послание от Тайрада, – он пожал плечами. – Вы разве еще не прочли его, лиори?

– Я хочу знать истинную цель. Зачем ему эта свадьба?

Райверн поднялся из-за стола. Альвия следила за ним, невольно отмечая насколько возмужал юный риор, когда-то следовавший за ней взглядом. Раздался в плечах, кажется, стал еще выше. Даже шрамы придавали лицу высокородного какое-то мрачное очарование. Затем взгляд Перворожденной скользнул на шею Кейра, и она представила, как удавка стягивает горло риора. Женщина закусила нижнюю губу, наслаждаясь своим видением.

– Али...

Лиори вздрогнула и подняла изумленный взор на изгнанника. Тот замер напротив и сверлил ее пристальным взглядом. Глаза Альвии сверкнули гневом. Она порывисто встала со стула и ударила ладонью по столу:

– Вы забываетесь, риор, – прошипела она.

– Борг совсем не изменился, – вдруг севшим голосом произнес Райверн. – Он всё такой же.

Лиори поджала губы и снова взглянула в глаза нежеланному гостю. Снадобье действовало, никаких сомнений.

– Что задумал Тайрад? – чеканно спросила Перворожденная. – Отвечай.

– Он хочет объединить два риората, – ответил высокородный, не сводя взгляда с Альвии. – Это сделает нас сильнее. Союз с Эли-Боргом выгодней войны.

Лиори отвернулась от риора и отошла к окну. Не знает замыслов хозяина? Или же Эли-Харт действительно пытается заполучить на выгодных условиях союз с ее риоратом? Впрочем, Тайрад мог предвидеть, что его посланников опоят, чародеи жили и при дворе горца. Проклятый Архон! Что же задумал этот змей? Нужно было иначе поставить вопрос, возможно, на оговорках, намеках и недосказанностях Тай все-таки обнажил свои тайные помыслы. Главное, правильно спросить...

Альвия развернулась и уперлась взглядом в грудь Райверна. Занятая размышлениями, она даже не заметила, как риор приблизился. Высокородный поднял руку и коснулся волос Перворожденной. Затем провел заглубевшими кончиками пальцев по ее виску, скользнул по щеке, к подбородку, задев уголок губ.

– И ты не изменилась, – с хрипотцой произнес Райверн. – Всё такая же... Гордая, неприступная, красивая...

– Что? – изумилась лиори.

– Всегда восхищался тобой.

Альвия помотала головой, словно пыталась отогнать наваждение.

– Я готов был сдохнуть за тебя, Али. Дал бы порвать себя на куски...

– Так почему же не сдох? – с холодной яростью спросила Перворожденная, отталкивая от себя Одеда. – У тебя был прекрасная возможность, но ты почему-то решил выжить.

Она сделала шаг в сторону, но Райверн ухватил лиори за локоть и рывком развернул к себе.

– У меня было много возможностей, – криво усмехнулся мужчина. – Ты ведь всегда была упорной.

– Тогда за каким Архоном ты еще жив, ублюдок?

Лиори вырвала руку из захвата, опять попыталась отойти, и вновь риор перехватил ее, теперь сжав плечи.

– Кто был первым? – спросил он, буравя Перворожденную взглядом лихорадочно горящих глаз.

– Что? – опешила Альвия.

– Кто стал у тебя первым, Али? Кому ты позволила касаться себя?

– Ты в своем уме, Кейр?! – воскликнула лиори, понимая, что зелье Ферима вытаскивает сейчас из высокородного его затаенные мысли.

– Ответь.

– Жить надоело? – прошипела Альвия. – Хочешь доставить мне радость и, наконец, сдохнуть?

– Кому выпала честь познать твою страсть первым? Дин-Талиу? Он сейчас здесь? – взгляд Райверна Дин-Одеда становился всё злей. – Я хочу знать!

– Вот Архон, – сквозь зубы выругалась лиори. А идея с зельем была хороша...

– Али...

Она подняла голову, и лицо Альвии оказалось в захвате горячих мужских ладоней. Райверн мгновение смотрел на нее и порывисто склонился, прижался к губам... И тут же охнул, когда зубы Перворожденной сомкнулись на его губе. Риор не успел отпрянуть, удар лиори вышел сильным и точным. Кровь полилась из разбитого носа Дин-Одеда.

– Пошел прочь, – отчеканила Альвия.

Райверн размазал тыльной стороной ладони кровь по лицу, криво усмехнулся и отступил на шаг. Он еще мгновение смотрел на взбешенную лиори, затем развернулся и направился к выходу из покоев. Однако остановился, уже взявшись за ручку, и обернулся:

– Мы еще не закончили, Перворожденная, – хрипло произнес он.

– Убирайся!

И он покорился. Альвия мотнула головой:

– Немыслимо!

Затем опомнилась и стремительно приблизилась к дверям. Литы уже обступили риора.

– Не трогать, – приказала лиори. – Проводите высокородного до его покоев. И не трогать, – еще раз добавила Перворожденная и, скрывшись обратно в покоях, с досадой выругалась: – Дери его твари Архона!

Что сейчас чувствовала повелительница Эли-Борга? Негодование? Безусловно. А еще растерянность. Она ожидала, чего угодно, даже защиту на предателе, только не того, что произошло.

– Что творится в голове этого мерзавца? – изумилась лиори.

Она перевела взгляд на стол, задумчиво посмотрела на кубок и фыркнула. Снадобье еще никогда не подводило Перворожденную, она всегда узнавала от собеседника всё, что ей было нужно. На ее вопросы отвечали четко и правдиво, даже осознавая, что выдают свои тайны. А что за тайну выдал Одел? Что он всё еще помнит ее? Неужели страсть юности по-прежнему горит в очерствевшем сердце предателя?

– Дурость какая! – лиори передернула плечами. После подошла к столу, оперлась ладонями о его поверхность и опустила голову...

«Почему ты так пристально смотришь на меня, Райв? Отвернись».

«Не могу. Мои глаза сами находят тебя и не хотят отпустить».

«Что за дело до меня твоим глазам?».

«Они любят свою госпожу».

«Разве им есть, чем любоваться? Если они посмотрят вокруг, то увидят много прекрасного».

«Самое прекрасное для них – это ты, Али».

«Если ты будешь смотреть слишком долго, то можешь ослепнуть».

«Тебя я найду, даже если ослепну. Мне станет подсказывать сердце».

«Довольно, Райв!».

«Как прикажет моя госпожа...».

Лиори мотнула головой, избавляясь от ненужных воспоминаний.

– Дурость какая, – повторила она.

Перворожденная прошла по покоям, зябко обняв себя за плечи. Она ощущала ярость, которая так и не нашла выхода. Воспоминания о юности всколыхнули в душе лиори черную волну, и единственное, чего ей хотелось сейчас, это схватить меч, ворваться в покои изгнанника и выплеснуть на него свое бешенство.

Альвия остановилась у стены, уперлась ладонями в ее холодную поверхность, закрыла глаза и выдохнула:

– У-уф.

Нужно было успокоиться, взять себя в руки. Она не может убить посланца Тайрада и развязать тому руки для новой бойни. Эли-Харт не упустит такой шанс, ни за что не упустит. В глазах остальных соседей он будет прав, и тогда легко найдет союзников, которые поддержат любые его требования. Нет-нет. Надо взять себя в руки. Прямо сейчас. Отвлечься, переключиться на что-нибудь другое...

«Кто первым познал твою страсть? Дин-Таль?», – всплыл в голове вопрос Райверна. Альвия криво усмехнулась и покачала головой. Она оттолкнулась от стены и устремила слепой взгляд перед собой. Нет, Тиен не был первым. Тот, кому лиори позволила первому познать ее тело, оказался ошибкой. Глупой и досадной ошибкой, и Перворожденная исправила ее, как только осознала...

* * *

– Запомни, дочь, любовь и счастье – не те чувства, о которых должен мечтать правитель.

Лиор похлопал своего коня по лоснящейся шее и посмотрел на Альвию, ехавшую рядом.

– Но ведь вы любите мою матушку, отец, – возразила девушка. – Почему же мне говорите о том, что чувства правителю непозволительны?

Отец усмехнулся.

– Я – мужчина, Али. Я всегда и во всем главный. Так устроена жизнь, дитя мое. Мужчин Боги создали сильными, чтобы защищать и управлять. Женщин же сотворили нежными и слабыми, чтобы они радовали взор своего мужа, оберегали его дом и подчинялись установленным им законам. Твоя матушка – хрупкий цветок. Моя любовь к ней не несет угрозы риорату. Она не полезет в мои дела, побоится строить козни. Рядом с ней я могу позволить себе некоторую слабость. Женщине же, возвысившейся над мужчинами, придется быть сильной всегда. Женщины легче и быстрее верят в красоту слов и попадают в ловушку чувств. Они способны полностью отдать себя избраннику, но кем окажется избранник? Ты не должна позволять управлять собой, не должна идти за своим мужчиной послушной овцой, потому что ты другая. Я воспитывал тебя так, как воспитывают мужчин, чтобы ты была не просто равной им, ты должна быть над ними. Запомни, Альвия, выбирая себе мужа, ты должна получить слугу, а не хозяина. Поэтому я отказывал все эти годы вторым сыновьям, братьям и племянникам других лиоров. Не смей допускать борьбы за власть, не вздумай возвысить мужчину, но главное, не позволяй себе его любить. А если Богам будет угодно послать тебе испытание страстью, твой мужчина должен запомнить раз и навсегда, что он останется под твоей властью. Ты сильна не только телом, но и духом, потому я знаю, что в этой битве ты одержишь победу. Я научил тебя не бояться боли телесной, но ты сможешь выдержать и боль душевную. Ты услышала меня, дочь?

– Да, отец, я услышала вас и запомнила каждое слово...

* * *

Да, она запомнила. И когда пришло время, после первой войны с Эли-Хартом, после того, как ее душа перестала кровоточить, Альвия задумалась о том, что Эли-Боргу нужен наследник. Оглядевшись, лиори заметила одного из молодых риоров. Он был мил, улыбчив, смотрел на госпожу с обожанием, умел развеселить ее и, кажется, даже нравился. К тому же он заметно уступал в твердости духа остальным, чем-то напомнив Альвии ее матушку. Перворожденная сочла, что этого достаточно. Впрочем, огласить свое решение она не спешила, продолжала присматриваться к избраннику.

Лиори приблизила к себе молодого мужчину, позволяла сопровождать себя во время поездок по риорату и на прогулках. Они скакали рядом на охотах, на пиру Альвия не отказывала ему в возможности ухаживать за собой и с удовольствием танцевала. Всё это привело к тому, что Перворожденная поняла, что не устояла перед обаянием риора. И однажды ночью они стали близки. К чему стеснения, когда в этом мужчине ты видишь будущего мужа? Так подумала тогда Альвия.

Любовник был нежен и нетороплив. Лиори почти не ощутила боли, и утро впервые встретила в мужских объятьях. И первым неприятным сюрпризом был игривый шлепок по мягкому

месту. Это показалось так... неуважительно. Увидев гнев в глазах госпожи, риор умерил прыть. Продолжал угождать и веселить.

Через некоторое время лиори донесли, что ее избранник похвалялся их связью. Он возомнил о себе столь много, что умудрился вести себя вызывающе с приближенными Перворожденной. Сам же риор уверял, что это зависть и пустой навет, и был столь искренен, что Альвия растерялась, не зная, кому верить. Постельные утехи еще больше сблизили ее с выбранным высокородным, и в сердце лиори зажглась опасная искра, которую она не спешила погасить, думая, что в силах не дать вспыхнуть пожару любви. Впрочем, теперь она знала, что это была страсть и потребность в чужом тепле, но вряд ли могла назвать то чувство влюбленностью.

Следующим огорчением стало осознание, что любовник начал пользоваться выгодами своего положения. Ненавязчивое восхищение новым жеребцом в конюшнях Перворожденной, и конь сменил хозяина. Восторг при виде богато отделанного меча, и вот он уже в руках наложника госпожи. Рассказ с удрученными вздохами о тяжелом положении родственника или знакомого риора, и те получают более доходные места. В какой-то момент Альвия осознала происходящее и отправилась спросить ответа с любовника. И успела вовремя.

– Когда лиори объявит меня своим мужем, я подарю тебе ожерелье, какого нет даже у Альвии, – вещал риор, лежа в постели с одной из придворных лейр.

– Ты слишком торопишься, – возразила дама.

– Она ест с моих рук, я делаю с ней, что хочу.

– Вот как, – холодно произнесла Альвия, останавливаясь на пороге опочивальни. – Риор Дин-Тьер, я освобождаю вас от обязанности кормить вашу госпожу с рук. Она в этой услуге больше не нуждается. – И ушла, не слушая отчаянных возгласов в спину.

Он умер. Слетел с лестницы со свернутой шеей, а уж когда повредилась шея высокородного глупца: до падения или после – никто этим вопросом не озадачился. Приближенные вздохнули с облегчением – их госпожа не утратила ни разума, ни стержня, легко покарвав мерзавца. Всё, что было получено риором от Перворожденной, отправилось по приютам и в хранилища Борга. Люди, занявшие доходные места через его протекцию, были лишены должностей и попали под следствие. А любовница покойного подверглась порке прилюдно и была выдана обманутому супругу, дальше участь прелюбодейки решал ее муж. Альвия исправила свои ошибки, запомнила и больше их не повторяла. Она уже не спешила приближать к себе кого-то, и о чувствах позволила себе думать лишь как о помехе ее власти.

Тиен Дин-Таль стал вторым и пока единственным мужчиной лиори Эли-Борг, задержавшись в ее жизни на целых четыре года. Впрочем, всё это никак не касалось Райверна Дин-Одела, и посвящать его в свою жизнь Альвия не собиралась.

Тряхнув головой, лиори избавилась и от этих воспоминаний. Она ощутила, что гнев пошел на убыль, и голова начала проясняться. Перворожденная вернулась в ту часть покоев, где был накрыт стол, но там уже царил порядок. Прислужницы знали свою работу, и как только лиори исчезла за внутренними дверями, они успели всё убрать, не привлекая внимания госпожи.

– Спать, – велела себе Альвия.

Она направилась в опочивальню, но, уже стоя на пороге, замерла, глядя на пустую кровать. Осознание того, что эту постель больше некому согреть, вызвало неприятный озноб. Лиори поежилась, обняла себя за плечи, откинула голову назад и прикрыла глаза.

– Я всё сделала правильно, – прошептала она. – Мои решения верны и неоспоримы.

Покой не вернулся. Перворожденная снова посмотрела на кровать, прикусила нижнюю губу и решительно шагнула вперед. Она заставила себя думать о завтрашнем Совете, о докладе шпионов Дин-Вара, о чем угодно, только не об отвергнутом ею мужчине...

– Да за каким Архоном?! – вдруг воскликнула Альвия, взмахнув рукой.

Она стремительно развернулась и направилась прочь из покоев. Ей нужно было просто переговорить со своим адером и советником, ничего больше! Всего лишь выплеснуть напряжение в короткой беседе, потом можно вернуться в свои покои и спокойно заснуть. Уже дойдя до лестницы, Альвия вдруг остановилась. Зачем? Что изменит ночной разговор? Только породит ненужный соблазн и сожаления. Нет, надо вернуться и прекратить думать о том, о чем уже стоит забыть. Сомнения – слабость.

Лиори обернулась, литы застыли за ее спиной, ожидая окончательного решения госпожи: идти, куда она вознамерилась, или вернуться в покои. Альвия поджала губы и... продолжила путь, возвращаться в пустую опочивальню она не спешила. Уже не уговаривая себя, что всего лишь хочет поговорить с верным ей риором, Перворожденная уверенно шла к его покоям.

– Это всего лишь привычка, – шепнула лиори, найдя взглядом нужные двери. А привычки имеют свойство забываться... со временем. Забудется и эта.

Альвия не стала посылать вперед литы с предупреждением, она сразу вошла в покои Дин-Талья и увидела его. Тиен сидел в кресле перед затухающим камином. Он широко расставил ноги, уместил на разведенных коленях локти, но руки, как и голова риора, безвольно свисали вниз. Тяжесть его раздумий и уныние ощущалась и в позе высокородного, и в самом воздухе. Лиори облизала вдруг пересохшие губы и сделала еще один шаг. Дин-Таль вскинул голову и обернулся. Брови его удивленно поползли вверх, и уже через мгновение адер стоял на ногах.

– Моя госпожа, – он склонил голову, однако тут же вскинул ее, и в глазах риора отразилась тревога: – Что-то случилось?

Лиори пожалла плечами. Она прошла до камина и поворошила угли кочергой, после подкинула полено и обернулась к Дин-Талю, он продолжал ждать ответа.

– Я встречалась с Оделом, – заговорила Альвия. – Опоила его снадобьем нашего чародея, но так ничего и не узнала. Он нес только чушь.

– Какую чушь? – глухо спросил риор, не сводя взгляда с Перворожденной.

– Чушь, – отмахнулась лиори, не желая говорить о том, что произошло в ее покоях. – Одна надежда на Ферима. Вряд ли шпионы сумеют узнать что-то полезное.

– Что говорит Ирэйн?

– Кажется, не против предложения Тайрада. Я дала ей время подумать...

Лиори резко оборвала себя. Альвия вдруг почувствовала себя неуютно и глупо. Зачем она всё это говорит сейчас? Впрочем, если не говорить хоть о чем-то, тогда как объяснить самой себе этот поздний визит? Перворожденная отвернулась от риора, ее взор устремился к разгорающемуся огню. Небольшое пламя уже лизало новую пищу, которую ей подбросили, и еще не остывшие угли вокруг подмигивали лиори красными всполохами. Женщина прикрыла глаза и вздрогнула, когда за ее спиной послышались стремительные шаги. Широкие мужские ладони накрыли плечи и рывком развернули ее к Тиену Дин-Талю. Альвия откинула голову назад, не спеша открыть глаз. И ее губы обожгло жадным поцелуем.

Руки Альвии уперлись в грудь высокородному и почти сразу безвольно скользнули вниз, повиснув вдоль тела.

– Ты пришла, – услышала Перворожденная срывающийся шепот.

– Я хотела поговорить, – негромко ответила лиори.

– Ложь, – усмехнулся высокородный.

Альвия медленно открыла глаза и встретилась со взглядом Тиена. Она вновь уперлась ему в грудь и несильно толкнула. Дин-Таль отшатнулся и замер, чуть склонив вперед голову. Его взгляд исподлобья остановился на губах лиори, еще влажных после поцелуя.

– Ты забываешься, риор, – холодно произнесла Перворожденная.

– Забываюсь, – не стал спорить адер. – Когда ты так близко я забываю самого себя.

Лиори приподняла уголки губ в улыбке и неспешно шагнула к риору. Гибкая, грациозная, опасная... Альвия скользнула взглядом по открытой части мужской груди, видневшейся в распахнувшейся в ворота рубашки, затем посмотрела в глаза и ухватила пальцами за подбородок.

– Почему ты еще не спишь?

– Я спал, – хрипло ответил высокородный, продолжая смотреть на губы лиори.

– Сидя?

– Сидя, стоя, во время беседы с Дин-Варом, пока шел по Боргу, и когда отдавал распоряжения. Ты отправила меня в нескончаемый кошмар, лиори.

– А сейчас? Ты всё еще в кошмаре, Тиен?

– Кошмар прервался сладкой грезой, я получил вдохновение.

– Сладкие грезы слишком быстро тают, риор.

Ладони высокородного сжались на талии Альвии.

– Я удержу свою грезу подольше, раз уж она явилась ко мне.

– А если я прикажу отпустить?

Дин-Таль ухмыльнулся одним уголком губ, и правая его ладонь накрыла затылок Перворожденной.

– Ослушаюсь.

– Новолуние лишает мужчин разума? – изломила бровь лиори.

– Ты, Али, ты, – с вымученной улыбкой ответил риор и вновь завладел ее губами.

Альвия не сопротивлялась. Она подалась навстречу мужчине, с жаром прижалась к крепкому сильному телу, оплела руками шею и прерывисто вздохнула под напором губ высокородного.

– Мучительница, – застонал Тиен, отрываясь от податливого рта. Его жадный взгляд блуждал по лицу госпожи. – Жестокая... моя...

Альвия закрыла глаза, прячась от взгляда риора, слишком много всего таилось за зеленью пронзительных глаз высокородного: мука, жажда, боль и нежность. Его чувства будоражили, пугали, подавляли и... манили.

– Али...

Ресницы Перворожденной дрогнули, и глаза открылись. Лицо Дин-Талья вдруг исказилось:

– Я не смогу без тебя, – сдавленно выдохнул он.

Альвия порывисто подалась ему навстречу, сжала голову риора ладонями и прижалась к губам, не давая ему продолжить. Она целовала его с ожесточенной отчаянностью, словно приняла вызов на битву, выплескивая напряжение, ярость и тоску, которая пригнала ее в покои адера в ночной час. И он, поддавшись порыву безумства госпожи, забыл о нежности. Пальцы Тиена, до этого покоившиеся в волосах лиори, сжались в кулак. Он оттянул голову Альвии, заглянул в глаза и вновь набросился на нее, теперь целуя шею. На коже госпожи заалели пятна засосов.

Дин-Таль опустился к ключицам...

– Ах! – вскрикнула Альвия, когда риор укусил ее.

Она ухватила риора за волосы, рывком оторвала его голову от себя и криво ухмыльнулась. Дин-Таль ответил такой же усмешкой, больше похожей на оскал. Ему тоже было что выплеснуть, и эта скрытая ярость и боль, которые он испытал, услышав приказ о женитьбе, сейчас отразились в его глазах обжигающими всполохами.

– Злишься, – удовлетворенно произнесла лиори.

– Убил бы, – признался адер Эли-Борга.

– И что потом?

– Потом сдох бы, скуля над твоим трупом, как шелудивая дворняга, – закончил Дин-Таль.

– Хорошо, что ты не осмелишься тронуть меня.

Усмехнувшись, Альвия с силой толкнула риора в грудь. Он отшатнулся и упал на стол. Тут же выпрямился и снова хищно ухмыльнулся, когда она шагнула к нему и сжала в кулаках ткань рубахи на широкой мужской груди.

– Потому что ты нужен мне живым, Тиен Дин-Таль.

– Я тебе нужен, – ответил он, обхватил лиори за талию и, развернувшись, усадил на стол...

А когда всё закончилось, и сладкая судорога отступила, лиори отвела волосы Дин-Талья, сжала его голову ладонями и улыбнулась, глядя ему в глаза. После притянула к себе и затихла, ощущая опустошение, легкость и... покой. Ей было хорошо, уютно. Альвия вновь улыбнулась своим мыслям и провела пальцами по спутанным волосам любовника. Он поднял голову, посмотрел на лиори и все-таки произнес то, что ему так и не дала договорить Перворожденная:

– Я люблю тебя.

– Я знаю, – негромко ответила Альвия, продолжая улыбаться.

Чуть позже, когда она лежала на постели Тиена, куда любовники успели перебраться, лиори смотрела на своего адера и продолжала о чем-то думать. Дин-Таль, лежа на боку, подпер голову кулаком. Он поглаживал второй рукой обнаженное бедро Перворожденной и, кажется, тоже думал. Только его мысли были заметно тяжелей. Мужчина немного хмурился, и Альвия, протянув руку, разгладила кончиком пальца складку, залегшую между бровей любовника. После блаженно потянулась и села, подтянув колени к груди.

– Тиен, я все-таки нарушила слово, – сказала она.

Дин-Таль поднял на госпожу вопросительный взгляд.

– Я нашла тебе невесту, Тиен. Но, раз я нарушила свое слово, то ты можешь отказаться от моего выбора.

Глаза риора сердито сверкнули. Он тоже сел и теперь сверлил взглядом лиори.

– Почему сейчас? – глухо спросил Тиен. – Почему не днем, когда я вновь стану только твоим приближенным?

– Я хочу сейчас, – пожала плечами лиори.

– Тогда я воспользуюсь данным мне правом и откажусь, – резко ответил высокородный и встал с кровати.

– Даже не узнаешь про мою избранницу для тебя? – насмешливо Альвия. – Возможно, мой выбор не так плох. К тому же оглашение и свадьба – это дело не пары дней.

– Нет, – твердо произнес адер Эли-Борга.

– Даже не любопытно узнать ее имя?

– Мне плевать на имя той курицы, которую ты хочешь мне подсунуть, – раздраженно отмахнулся Дин-Таль, направляясь на выход из опочивальни.

– Высокородный риор, – ледяной тон лиори заставил мужчину остановиться и обернуться. Перворожденная поднялась с ложа, гордая и величественная, несмотря на отсутствие одежды. Она вздернула подбородок и сухо закончила: – Если вы считаете свою лиори курицей, то я, пожалуй, прикажу вас казнить за оскорбление достоинства повелительницы риората.

После прошла мимо остолбеневшего адера и направилась к остаткам своего платья. Накинула его и удрученно покачала головой, так идти по собственному замку было нельзя. Альвия обернулась, в поисках плаща риора и встретила с ним взглядом.

– Плащ, – потребовала Перворожденная, Дин-Таль, молча, указал на гардеробную. – Принеси.

Риор поднял свои штаны, натянул их и отправился исполнять приказание, но, уже накинув плащ на плечи лиори, развернул ее к себе лицо и заглянул в глаза:

– Почему не сказала, как есть, сразу? – хриловато спросил Дин-Таль.

– Какой смысл говорить о том, от чего ты отказался? – пожала плечами Альвия.

– Я не знал имени невесты...

– Ты не хотел его знать.

– Это несправедливо! – воскликнул риор. – Ты убедила меня в том, что о тебе не стоит даже мечтать, потом приказала найти себе невесту в указанный срок. Как мне могло прийти в голову, что ты сейчас говоришь о себе?

Альвия склонила голову к плечу, с подчеркнутым интересом рассматривая своего адера, наконец, поцокала языком:

– Того ли риора я поставила во главе своей рати? – спросила она. – Не выслушав и не обдумав, вы, высокородный, принимаете решение и объявляете о нем. Так в чем же несправедливость, риор Дин-Таль? В том, что вы отмахнулись от сведений и поспешили вынести суждение? Или же в том, что, узнав суть дела, осознали, что собственным языком произнесли решительное – нет?

– Проклятый Архон, – пробормотал мужчина с досадой. После вновь поднял взгляд на Перворожденную: – Моя госпожа во всем права, и я поступил глупо и неосмотрительно. Но на то у меня имелись причины, и лиори о них прекрасно известно.

Альвия приподняла брови и усмехнулась:

– Мне неизвестны причины, по которым стоит пренебрегать тем, что до вас хотят донести, высокородный риор. Вы занимаете должность столь ответственную, что для вас не может существовать такого слова как «поспешность». Чувства не могут служить оправданием скорому решению. Я желаю, чтобы вы запомнили мои слова, адер. Если я обнаружу подобную неосмотрительность еще хоть в чем-то, я буду... разочарована. Доброй ночи, риор Дин-Таль.

И она, обойдя помрачневшего мужчину, направилась на выход из его покоев.

– Я не имею права забрать свое «нет»? – услышала лиори и обернулась. Тиен стремительно приблизился к ней, вновь сжал плечи: – Али, не казни меня.

– Разве вы слышали указ о вашей казни? – удивилась лиори.

– Услышал. Еще днем. – Он мотнул головой и шумно выдохнул. – Я прошу тебя о снисхождении. Ты же знаешь, что я не вижу рядом с собой другой женщины. И ты знаешь, что я мечтаю о тебе не ради власти и благ. Мои чувства неоспоримы, и только они являются причиной того, что из тысяч женщин я выберу тебя. Жизнь моя, умоляю, не наказывай меня за глупую поспешность.

Перворожденная вежливо улыбнулась.

– Поговорим завтра, риор Дин-Таль. Этот день был нелегким, и я устала. Добрых снов.

– Боги, Али, ты наказываешь меня...

– Доброй ночи, высокородный риор, – твердо повторила лиори.

Он судорожно вздохнул, отступил и склонился:

– Доброй ночи, Перворожденная.

Альвия дошла до двери, но вдруг замерла на мгновение, обернулась и взглянула на хмурого мужчину:

– Как вы знаете, риор Дин-Таль, я своих решений не меняю. Во-первых, я желаю, чтобы вы женились. Во-вторых, я желаю, чтобы вы женились на мне. И ваш отказ – это такая мелочь, которая меня мало волнует. Я сказала о нем из доброго расположения к вам, не больше. Да или нет, сути не меняет – я собираюсь выйти за вас замуж и родить от вас своего наследника. Надеюсь, ваши кошмары с этой минуты прекратятся. Добрых снов, Тиен, – она озорно улыбнулась и вышла прежде, чем риор успел хоть что-то сказать.

Дин-Таль еще с минуту слепо смотрел на закрывшуюся дверь, после протяжно выдохнул и усмехнулся:

– Эта женщина сведет меня с ума. – Вдруг широко улыбнулся и тепло произнес: – Моя лиори... Моя! – подошел к креслу, упал в него и уставился шальным взглядом в темноту за окном, понимая, что уснуть ему после всего вряд ли удастся.

Глава IV

Рассвет застал Райверна Дин-Одела в постели. Мужчина, так и не раздевшись, лежал поперек ложа, слепо глядя в потолок широко распахнутыми глазами. Снадобье уже прекратило свое действие, но мысли... Мысли, зародившиеся еще в покоях Перворожденной, никуда не исчезли. Они тащили за собой воспоминания, которые давно подернулись пеплом. Воспоминания эти будоражили, толкали туда, откуда он выкарабкивался долгие годы, заставляя себя не думать, не сожалеть. Пропасть Архона вновь разверзлась перед высокородным риором, и душа его стонала, балансируя на самом краю между прошлым и настоящим.

– Опоила, – усмешка скривила губы риора. – Взбудоражила!

Он порывисто сел и яростно растер лицом ладонями. После встал с постели, прошелся до окна, и взгляд его нашел арену, доступную взору из этой части замка. Сейчас там было пусто, время тренировок и обучения еще не пришло. Борг спал. Райверн прижался лбом к прохладному стеклу и закрыл глаза...

* * *

– Девчонка на арене!

Десятилетний Райв смотрел с удивлением на девочку, замершую на краю арены. Она прижимала к себе деревянный меч, и взгляд ее серых глаз метался от одного мальчика к другому. Девочка неуверенно переступила с ноги на ногу, но вдруг задрала нос и шагнула на площадку для учебных боев.

– Тихо, дурак, – зашипел один из товарищей Райва. – Это лейра Альвия.

И, как подтверждение его слов, перед девочкой склонился риор-наставник:

– Моя госпожа, – произнес он, мягко улынувшись. Своим подопечным высокородный никогда не улыбался. Всегда был суров и требователен. – Позвольте проводить вас к месту вашего обучения.

– Доброго дня, риор-наставник, – ответила Али, накрывая пальчиками тыльную сторону ладони высокого широкоплечего мужчины. Ему пришлось идти, полусогнувшись, чтобы маленькой госпоже было удобно.

Мальчишки проводили взглядами необычную пару. И когда остальные уже отвернулись, спеша обсудить появление будущей лиори, Райверн продолжал смотреть ей вслед.

– Лиор! – приятель толкнул его в бок локтем.

Дин-Кейр порывисто обернулся и спешно склонил голову, приветствуя господина.

– Доброго дня, высокородные риоры, – произнес лиор глубоким низким голосом, в котором не было и тени насмешки над мелюзгой, ожидавшей возвращения своего наставника. Перворожденный здоровался со своими подданными, и неважно, сколько лет им было.

Господин удалился вслед за дочерью и риором-наставником, и кто-то из мальчишек завистливо вздохнул:

– Сам учить будет. Везет же.

– Ага, – согласились с ним остальные.

Райв промолчал, он пожал плечами и взялся за рукоять своего меча, уже настоящего меча. К мальчикам возвращался их учитель. А еще через четверть часа он уже не думал, что где-то за их спинами лиор пестует свою дочь, превращая ее в будущего воина...

* * *

Райверн распахнул глаза, снова взглянул на арену и подышал на стекло, скрывая от себя туманным облачком видения из далекого прошлого. Он вернулся к постели, посмотрел на нее и усмехнулся, понимая, что мечтать о сне уже не приходится. Развернулся, уселся на пол и, откинув голову назад, уперся затылком в мягкое ложе.

– Проклятье, – проворчал он, глядя в пустоту.

Почему-то совсем не думалось о том, что лиори пыталась выведать тайные помыслы его господина, это вообще сейчас не волновало. Господин... Райверн невесело усмехнулся и покачал головой. Он никогда не мечтал служить другому риорату и другому лиору. Когда-то юному риору грезилась сражения и победы во славу Эли-Борга. Кейр – был одним из древнейших высоких родов, приближенные к лиорам. Они занимали важные должности, обладали доверием повелителей...

– Червоточина, – прошептал Райверн.

Он оказался той самой гнильцой, которая опорочила безупречное прошлое рода, бросила тень на славных предков. Если бы Райв вздумал появиться на пороге родного замка, ему бы накинули на шею петлю и столкнули с крепостной стены, не раздумывая и не сомневаясь. Должно быть, они уже давно уничтожили память о рождении предателя. Самого имени: Райверн Дин-Кейр – уже не существует. Это призрак, пустотелое ничто, исчезнувшее с лица земли еще несколько лет назад.

– Поганный Архон и все его твари, – выдохнул риор, подтягивая колено к груди.

Ненависть... Не о том он грезил, сидя на одной из самых высоких башен Борга и любясь призрачным лунным ликом. Не об этом молил Богов, замерев перед их статуями. Сколько ему тогда было? Кажется шестнадцать... Да, шестнадцать. Совсем еще щенок, мнивший себя взрослым мужем, Райв стоял перед холодными изваяниями и шептал...

– Пусть она заметит меня, пусть обратит свой взор, и почувствует то же, что чувствую я, – вполголоса повторил нынешний Райверн за тем юношей, что замер перед ликом Богов. – Зажгите в душе ее искру... Глупец! – с неожиданной яростью воскликнул мужчина, ударив сжатым кулаком по полу.

Глупец тогда, глупец сейчас. К чему эти воспоминания? К чему эта горечь? К чему терзания и боль? Зачем затеплились остывшие угли в душе, разжигая угасшее пламя заново?!

– Не хочу, – мотнул головой риор.

Райверн поднялся на ноги и, вернувшись к окну, вновь прижался лбом к стеклу. Теперь он глаза не закрыл. Это было лишним. Взгляд высокородного и без того был устремлен в минувшую пору, когда в нем жила наивная вера в то, что жизнь прекрасна и готова осыпать дарами свое дитя.

– Глупец, – простонал горец и горько усмехнулся.

Всё рухнуло в один вечер. За один проклятый час прошлое истаяло, забрав с собой гордого, но наивного юнца. Судьба растоптала, размазала, уничтожила... Вера в будущее, надежда на счастье – всё, что теплилось в сердце молодого риора, рассек надвое острый меч, без жалости вырезая всё лучшее, что было в его жизни.

– Боги, – сишло выдохнул изгнанник и вдруг застыл, глядя на пустую арену.

Мысль, мелькнувшая в его голове в этот момент, заставила риора поджать губы. Грудь его несколько раз взволнованно поднялась и опала, Дин-Одел уже овладел собой. Один уголок его рта дернулся в ухмылке, и Райверн сорвался с места. Он подхватил камзол, на ходу натянул его и вышел за дверь выделенных ему гостевых покоев. Его товарищи из Эли-Харта сейчас спокойно досыпали в своих комнатах, никто не остановил высокородного риора на пути, известном лишь ему одному.

Мужчина осторожно выглянул в коридор. Стража здесь была, но не перед дверями, это было бы намеком на недоверие со стороны Эли-Борга. Они стояли дальше, забывшись в утренней полудреме. Райверн усмехнулся и прикрыл за собой дверь. После, несмотря на мощное телосложение и немалый вес, бесшумно прошел по коридору и скрылся за поворотом, который вел к черной лестнице для прислуги.

Райверн знал Борг. Когда-то, будучи мальчишкой, он излазал его вдоль и поперек. Был и в гостевом крыле. Тогда же узнал о нескольких переходах, которыми не пользовались уже какое-то время. Челядь поддерживала их в исправном состоянии, но ходили через другие лестницы и галереи. Борг давно разросся до размеров большой крепости, и безлюдных уголков в нем хватало.

Помнил изгнанник не только устройство древней твердыни, но и его уклад. Сейчас начинала просыпаться прислуга, знать будет смотреть сладкие сны еще часа два-три. Прежний лиор вставал с рассветом, в это же время открывала глаза и его дочь. Изменилась ли эта привычка у нынешней правительницы Эли-Борга, Одел не знал, но отлично понимал, что на пути ему вряд ли кто-то встретится, особенно здесь, где из жильцов всего лишь три чужака. Кто поспешит к ним, кроме приставленных слуг? При этой мысли риор нахмурился. Он понимал, что Альвия скорей всего приставила к ним Тайную службу, значит, его отсутствие может быть обнаружено слишком быстро. Лиори не доверяла посланникам Эли-Харта, как и их господину, только не могла открыто выказать это недоверие. Значит, шпионы, и они следят пристальней стражей, дремавших на своем посту. И всё же... И всё же, раз еще никто не спешит за ним, время у Райверна было. И медлить он не стал.

Память услужливо подкидывала воспоминания о проходе во внутренний двор, а оттуда, через подвал, к арене. Райверн усмехнулся и покачал головой, оценивая их с приятелями пронырливость и любопытство. Где они только не бывали во времена строгого, но все-таки беззаботного детства, где только не пролезли в пору отчаянной юности, куда только не сунули свои носы. Сейчас этот опыт неожиданно пригодился отверженному риору, и он вспомнил его, стараясь не углубляться в картинку, мелькавшие перед глазами. Боги, как же давно всё это было! Как давно...

Дин-Одел остановился перед ржавой дверью, ведущей в подвал, решительно ухватился за кольцо и потянул на себя, молясь о том, чтобы замок был открыт. Дверь поддалась, оглушительно заскрипев.

– Архон, – выругался Райверн. – Ничего не меняется. Не закроют и петли не смажут.

Но вместо злости он испытал нечто сродни восторгу, словно только что открыл дверь в свое детство. Тихо хмыкнул и протиснулся в образовавшуюся щель. Сделать это оказалось непросто, того щуплого мальчишки уже не было, вместо него «хулиганил» мужчина, чье тело налилось мощью и немалой силой. Но греметь снова Райв не стал, опасаясь привлечь к себе внимание. Удивительно, что сюда еще не мчались слуги и стражи...

– Там же покои безумной двоюродной прабабки Али, – прошептал он, вспоминая, что должно находиться сверху. Да, там никогда не было стражей. Эта часть замка была наглухо закрыта, и только маленькие проныры лазали там, куда им запрещали пробираться.

Выдохнув с облегчением, изгнанник выставил перед собой руки и осторожно пошел дальше в кромешной тьме, отсчитывая шаги, чтобы не пропустить нужный поворот.

– Восемь, девять, десять, одиннадцать, – шептал риор, ведя ладонью по холодной стене. – Твари Архона, – выругался он, смахивая с лица паутину. – Тьфу. Гадость.

Свернул и снова вел свой счет, теперь направляясь к небольшому окошку, из которого можно было вылезти недалеко от арены. Сомнения в том, что он там попросту не протиснется, посетили Райверна, когда появился скудный свет, падавший через щели в ставнях. Оценив проем, изгнанник все-таки решился, уже представляя себе, как будут насмехаться над ним

стражи, челядь и сама лиори, если незадачливого лазутчика обнаружат застрявшим в окне подвала.

– Да уж, картина будет знатной, – хмыкнул Райверн, открывая хлипкие деревянные створки.

Он выглянул наружу, после поджал губы и... выломал одну ставню. Сделать это было несложно, петли давно и безнадежно прогнили. Снова выглянул и расширил проем на вторую ставню.

– Так-то лучше, – удовлетворенно потер руки разрушитель замков, когда оценил увеличившийся проем. – Должен пролезть. – Выдохнул и, пробормотав: – Не оставьте, Боги, – выбрался на волю.

Здесь высокородный прижался к стене, прислушался к звукам утреннего замка и шагнул за густую поросль кустарника, почти скрывшего его. Добрался до арены, где должны были гонять молодняк, прерывисто вздохнул и поспешил скрыться за постройкой между двумя аренами. На второй занимались уже подросшие юнцы и взрослые воины. «Детская» арена осталась за спиной, и Райверн, наконец, стряхнул с себя следы прохода по подвалу. Он уселся на короткое бревно, скрытый от чужих глаз стойками с мишенями и редкой порослью. Теперь можно было выдохнуть, оглядеться и понять, зачем он вообще проделал весь этот путь, рискуя быть обнаруженным. Да в Архон, ему ведь придется еще возвращаться! Что взбредет в голову Перворожденной? В чем она обвинит его на этот раз? Еще и шпионом Эли-Харта объявить может, тогда всё посольство полетит в бездну, и Тайрад собственноручно снесет им головы.

– Я совсем лишился разума, – покачал головой изгнанник.

И вправду, к чему весь этот риск? Что ему с того, что он прошел дорогой своих воспоминаний и теперь сидит здесь, притаившись в кустах словно крыса? И как скоро обнаружат его отсутствие, приставленные Перворожденной соглядатаи? Впрочем, это могут быть и горцы, которые захотят узнать, что с ним. Вечером, когда литы сопроводили Одела в гостевое крыло, хартии поспешили справиться о цели позднего приглашения и проверить, что с их товарищем.

– Я хочу побыть один, – едва сдерживая еще кипевшую в крови ярость, сухо произнес Райверн.

– Что тебе сказала эта змея?

– Райв, ты не в себе...

– Я хочу остаться один! – заорал Дин-Одел с силой, отбрасывая в сторону стул, спинку которого сжимал до побелевших костяшек.

– Райв...

– Прочь!!!

И горцы ушли, больше не терзая его вопросами. Но сейчас, когда проснутся, они непременно проверят, что творится с их спутником. И что же увидят они, когда войдут в покои? Ничего. Там никого нет. Томимые подозрениями, хартии поднимут шум, требуя выдать им старшего посла.

– Дурак! Каков дурак! – Райверн постучал себе ладонью по лбу. – Ну, за каким Архоном я притащился на эту проклятую арену?

Куда делся хладнокровный и рассудительный риор. Где остался его хваленый ум?

– В покоях лиори Эли-Борг, – сам себе ответил Райверн и вдруг хрипло рассмеялся, издеваясь над самим собой. Также неожиданно оборвал смех, ударил кулаком по стене постройки и поднялся на ноги.

За каким Архоном прятаться в кустах, когда скрыть свой побег из покоев всё равно не удастся? Даже если не обнаружат отсутствие, то возвращаться придется по пробудившемуся замку, когда переходы заполнятся людьми. Вот-вот начнут сновать слуги, спеша обслужить своих хозяев. Поджав губы, Райверн вышел из укрытия и почувствовал себя гораздо уверенней. Он никогда не бежал от опасности, никогда не прятался за чужими спинами, не будет этого

делать и сейчас. Уж лучше встретить гневный взор лиори прямым взглядом, чем отсиживаться в кустах и передвигаться перебежками, как трусливая шавка. В конце концов, он готов ответить за своеволие, а что уж там подумает Альвия...

– Плевать, – мотнул головой изгнанник. – Она и без того не думает обо мне ничего хорошего, так чего я теряю?

Кроме головы, ему терять было нечего. Эта мысль вновь заставила рассмеяться.

– Поздно сожалеть о том, чего уже лишился, – с издевкой произнес Райверн и отмахнулся от прочих размышлений. Будь, что будет. Однажды содеянного исправить невозможно, уж он-то это знал лучше многих.

Дин-Одел расправил плечи и неспешно обвел арену взглядом, позволяя воспоминаниям вновь захватить его и унести в ту пору, когда жизнь еще не раскололась на две половины, и в спину ему не несло мерзкое слово «предатель». Взор риора остановился на стойках с мишенями...

* * *

– Райверн! Альвия! Орин!

Двое молодых людей и девушка выступили вперед, прижали ладони к груди и склонили головы перед лиором. Он стоял на краю арены, широко расставив ноги и заложив руки за спину, незыблемый, как горы, чьи пики можно было увидеть, выйдя за крепостные стены. Перворожденный коротко кивнул, и названные риоры и лейра направились к черте, за которой стояли соломенный мишени. Они скинули с плеч приготовленные луки, вытянули стрелы из колчанов и наложили их на тетиву.

«Вжик» услышал Райв и скосил глаза. Орин. Он всегда спешил, и результатом его желания быть первым стал неточный выстрел. Стрела застряла на краю мишени, риор тихо выругался и потянул следующую стрелу.

– Райв.

Дин-Кейр обернулся. Лиор покачал головой. Молодой риор досадливо поджал губы, он был слишком медлителен сегодня. Альвия уже накладывала на тетиву третью стрелу. Первые две торчали из центра ее мишени. Райверн едва заметно улыбнулся и все-таки выстрелил, чтобы не вызвать нареканий больше того, чем уже заслужил. Он отправил одну за другой три стрелы в центр своей мишени и снова скосил глаза. Нет, Орин его не интересовал, взгляд риора был направлен на дочь Перворожденного. И вновь он замер, любясь ею. Ее позой, осанкой, серьезным лицом и быстрыми отточенными движениями. Стрелы Альвии ложились рядом друг с другом. Она вновь заслужила похвалу своего отца. Гордость так часто читалась на его суровом лице...

– Райверн Дин-Кейр! За каким Архоном ты крутишь головой вместо того, чтобы стрелять?!

Орин дернулся от окрика, и последняя стрела ушла за мишень. Али на посторонние звуки внимания не обращала. Она опустила лук и повернулась к Райву. Он заметил в глазах девушки насмешку, но злости не было. Ответив ей широкой улыбкой, риор развернулся к мишени и всадил стрелу за стрелой в мишень, прочертив ими крест в соломенном круге.

Альвия посмотрел на мишень Дин-Кейра, хмыкнула, рассмотрев забаву риора, закинула лук на плечо и, поклонившись отцу, вернулась на свое место. Орин последовал за ней, бросив на Райва косой взгляд. Сам высокородный уходить не спешил, он упер лук одним концом в землю и обернулся к лиору.

– Дурень, – махнул тот рукой. – Потом поговорим. Тиен! Арнальд! Ларон!

Следующая тройка направилась к мишеням и замерла у черты, пока простые воины очищали соломенные круги от стрел. Дин-Таль незаметно сжал запястье Райверна, когда тот проходил мимо, и приятели обменялись веселыми взглядами...

* * *

Одел мотнул головой, возвращаясь в настоящее, тряхнул рукой, словно освобождаясь от невидимого захвата, и направился к стойкам. Забрав одну, он перенес ее на то же место, где обычно расставляли мишени и направился к каменной постройке. У учеников всегда было свое оружие, но мечи, луки, арбалеты, булавы и прочее оружие имелось и на арене. Дверь почти никогда не запирали, и взять что-то из учебного арсенала можно было быстро, не тратя времени на поиски ключа.

– И здесь всё по-прежнему, – пробормотал Райверн, толкнув деревянную дверь.

Он сразу нашел лук и колчан со стрелами. Закинул свою добычу на плечо и вернулся назад. Вновь прислушался, но пока никто не спешил нарушить покой наглеца, хозяйничавшего там, куда ему хода не было.

– Райверн Дин-Кейр, если снова начнешь дурить, будешь опять вычищать конюшни, – произнес себе под нос риор, подражая голосу наставника. И закончил ворчанием: – Ну и чистил, ничего. Руки не отвалились.

После потрогал пальцем тетиву, прищурился, прикидывая силу и направление ветра, и вытянул стрелу из колчана. Звякнула отпущенная тетива, и первое жало умчалось к мишени, вонзилось в центр, и мужчина криво усмехнулся. Райверн снова достал стрелу, неожиданно скривился, ощущая новый прилив горечи и раздражения. На себя, на Альвию, на сам замок Борг и на Тайрада Эли-Харта...

– Хочу отправить посольство в Эли-Борг, – сказал лиор, сидя как-то вечером перед камином с кубком в руках. – Не знаю, кого послать. Как думаешь, Райв, кто лучше всего справится с этим делом?

Эли-Борг... Дин-Одел оторвался от созерцания языков пламени, остервенело лизавших друг друга, словно истосковавшиеся любовники. Перед внутренним взором риора встали темные леса его покинутой родины, дороги, выложенные серым камнем, который привозили со скалистых горных склонов, Борг... Он так давно не был там. Высокородный даже забыл, как сильно успел соскучиться по родным краям.

– Райв, ты уснул? Я жду твоего совета, – напомнил о себе господин.

Дин-Одел пожал плечами. Лior перечислял имена, кого хотел выбрать, но сам же опровергал себя. Он вел свой монолог, кажется, не замечая, что его собеседник находится сейчас далеко от покоев в замке Харт. Только время от времени вспоминал, что не один и требовал внимания Райверна. Риор не слушал, его память продолжала следовать по забытым дорогам, и душа замирала от желания вновь увидеть всё это, хотя бы один-единственный раз...

– Я поеду, – вдруг произнес Дин-Одел, оборвав господина на полуслове.

– Что? – лиор удивленно приподнял брови. – Нет, Райв. Мало того, что эта ледышка Альвия не доверяет нам, так еще и ты привезешь ей мое послание. Да меня даже волнует не это. Эта змея нашпигует тебя своим ядом, изрубит на куски и вышлет мне в корзине. Нет, исключено. Я слишком привязался к тебе, чтобы потерять из-за злопамятной стервы.

– Повод злиться у нее есть, – усмехнулся риор. – Тай, я по-прежнему настаиваю на том, чтобы в Эли-Борг ты отправил меня. Трим и Холлер также отлично подойдут для твоего дела. Они достаточно сдержаны и не сотворят ошибок, как те, кого ты назвал до этого. У боржцев царят строгие нравы, и они не потерпят вольностей.

– Нет, Райв, я против. Пусть едут Трим и Холлер, но ты останешься здесь. Не хочу, чтобы гадюка дотянулась до тебя, – скривился Тайрад.

– Я не малое дитя, – сухо заметил Райверн. – И Альвия далеко не глупа, она не станет портить отношения с Эли-Хартом из-за мести. Да, ей будет неприятно смотреть на меня, но такой выдержки, как у нее я больше ни у кого не встречал.

– Я уже сказал – нет, – отчеканил лиор. Но через два дня он все-таки принял решение, и отправил Дин-Одела, велев воинам и риорам охранять своего приближенного и наперсника...

И вот он здесь. Риор, опустивший было лук, вновь наложил стрелу...

– Что здесь происходит?!

Голос лиори прокатился над ареной снежной бурей, и Райверн порывисто развернулся. Стрела по-прежнему лежала на натянутой тетиве, и литы стремительно шагнули вперед, закрыв госпожу живым щитом.

– Твари Архона, – выругался Кейр, отбросив лук. После поднял кверху раскрытые ладони: – У меня нет оружия! – выкрикнул он и, приложив к груди руку, склонился: – Приветствую, Перворожденная.

– Мое утро испорчено, – ледяным тоном ответила Альвия, выходя из-за спин литов. – Что, в Архон, ты тут делаешь, и кто привел тебя сюда?

– Память, – коротко ответил риор, невесело усмехнувшись. – Прошу прощения и позволения вернуться в выделенные мне покои.

– Память? – голос лиори стал глухим и низким. – Стало быть, память...

Она неспешно приблизилась к риору, и он на мгновение зажмурился, так ясно ему вдруг представилось, что к нему направляется варлах. Мягкая крадущаяся поступь Перворожденной, пристальный взгляд льдистый глаз, изучавший добычу, и то, как она повела плечами, будто зверь, когда готовится к прыжку. На ум Райверну пришла мысль, что легенда Эли-Борга может быть и не так далека от истины, уверяя, что первым правителем этих земель был варлах., которому Боги даровали человеческий облик. Было в правителях предгорного риората что-то такое... И сейчас Альвия, по-женски грациозная, еще больше усилила ощущение сходства.

Литы двинулись за госпожой, но короткий взмах рукой, и они замерли изваяниями, там, где их остановил жест лиори. Она не опасалась мужчины, не сводившего с нее взгляда, и своего взора не отвела, скреживая с ним невидимые клинки. Остановилась в шаге от высокородного, гордо вздернув подбородок, и продолжила смотреть в его необыкновенные бирюзовые глаза, вымораживая холодом презрения и брезгливости. Кейр тяжело сглотнул, но сдаваться не спешил. Лишь ниже наклонил голову, и теперь глядел на правительницу Эли-Борга исподлобья. Губы лиори растянулись в злой усмешке.

– Стало быть, память, – повторила она.

– Вы не ослышались, Перворожденная, – чуть хриловато ответил риор.

Лиори сделала шаг в сторону, кажется, собираясь обойти мужчину по кругу. Но как только она оказалась сбоку, изгнанник вновь повернулся лицом к Альвии. Они так и заскользили по кругу, заново изучая друг друга. Словно два зверя, не позволяя противнику оказаться за своей спиной, плавно переступая с ноги на ногу, они кружили и кружили посреди арены под напряженными взглядами литов. Казалось, еще миг, и хищники схлестнутся в схватке.

Взгляд Дин-Одела скользил по Перворожденной: от кончиков сапог из мягкой кожи до высокого чистого лба, по которому проходил плетеный кожаный ремешок, сменивший венец власти лиори. Конечно, на ней сейчас была мужская одежда. Удобные полотняные штаны, заправленные в сапоги, рубаха, поверх которой были надеты легкие доспехи из плотной кожи. Нарукавники защищали руки до локтей, на поясе меч – еще один подарок отца. Рукоятью ему служила фигурка варлаха, замершего в прыжке с оскаленной пастью. Глаза зверя сверкали «ледяными камнями», напоминая глазами лиора и его дочери. Заговоренный меч – лучшее, что любящий отец мог подарить Альвии...

Волосы лиори были заплетены в косу и туго скручены на затылке. Она менее всего напоминала женщину и... была ею до мозга костей. От нее исходило мрачноватое очарование, оно

пробирало до костей, будоражило кровь, будило нечто животное, первозданное... В это мгновение Райверн до конца осознал всю силу притягательности нынешней Альвии. Воздух, вдруг ставший вязким, с трудом протолкнулся в пересохшее горло высокородного, и мужчина тяжело сглотнул. Взгляд его остановился на губах Перворожденной, и воображение нарисовало жаркую картину, слишком неуместную здесь и сейчас.

– Что привело тебя сюда, Райв?

Риор с трудом вернулся в реальность, заставил себя оторвать взгляд от губ лиори, посмотрел ей в глаза и тут же ощутил волну ледяной воды, накрывшую его с головой. Альвия смотрела на высокородного с нескрываемой издевкой, похоже, она прекрасно понимала, о чем он сейчас думает. Быть может, это только казалось Райверну, но он вдруг почувствовал себя мальчишкой, которого застали у женской умывальни, когда он подглядывал в щелку приоткрытой двери. Стыд и гнев опалили лицо мужчины неприятным жаром. Он ответил надменным взглядом, пряча свое смятение за вызовом.

– Ты оглох, Райв? Что привело тебя сюда?

– Твари Архона, – глухо выругался риор себе под нос.

– Что ты там бормочешь, риор? Или твоя сила иссякла, и голос стал подобен мышинному шороху? – насмешливо спросила Перворожденная.

– Зря лиори недооценивает силу обычной мыши, – заставил себя усмехнуться Дин-Одел. – Эти зверьки способны рушить стены замков. Они лишают сна и провианта.

– Ты прав, риор, мыши способны выгрызть дыры в стенах и... душах, – глаза Перворожденной сверкнули злостью и вновь затянулись ледяной коркой.

– Души грызет ненависть, – чуть севшим голосом ответил Райверн.

– О, нет, Райв, ты не прав, – мрачно усмехнулась Альвия. – Ненависть дает цель, неудовлетворенная ненависть сжигает душу до пепла. Ненависть – это сушь в горле, это дикая жажда, риор. Моя жажда стала невыносимой, я задыхаюсь от потребности сделать хотя бы глоток живительной мести...

Альвия остановилась, замер и Дин-Одел, не понимая, что задумала лиори. Молчание затягивалось, и тишина, разлившаяся над ареной, стала угрожающей.

– Я вызываю тебя на поединок, Райверн Без Рода, – наконец, произнесла Перворожденная.

Ну, вот она и низвела его из потомков высокого рода до простолюдина... Впрочем, нет, даже у простолюдина есть имя его отца, лиори отобрала у беглеца и это, превратила в Райверна Ничто. И жгучий протест поднялся в кровотокающей душе мужчины, разом уничтожая оторопь от неожиданной встречи. Риор вздернул подбородок, взгляд его стал непроницаемым, и на устах появилась вежливая улыбка.

– Если лиори угодно сразиться со мной в стрельбе из лука по мишеням, я готов принять вызов. В ином же случае, кем бы ни сочла меня госпожа земель Эли-Борга, я буду вынужден отказаться. Поднимать оружие против Перворожденной я не буду.

– Откажешься? – изломила тонкую бровь Альвия.

– Откажусь, лиори, – склонил голову Дин-Одел.

– Сбежишь подобно трусливой шавке?

– Как вам будет угодно, Перворожденная. Мне нет нужды кому-то доказывать свое мастерство и отвагу. Я давно не юнец, и пустые оскорбления не горячат мою кровь.

Тон Райверн был ровным и спокойным, не горячилась и Альвия. Лишь отстраненное любопытство читалось в ее глазах, и что на самом деле творилось у нее на душе, угадать было невозможно. Лиори приблизилась вплотную к изгнаннику, около минуты изучала его непроницаемым взглядом чуть суженных глаз. Он не отвел взора, только загнал поглубже вновь всколыхнувшееся волнение от ее близости. Перворожденная ухватила риора за подбородок и вынудила его склонить голову. Теперь их лица были настолько близко, что Райверн чувствовал

теплое дыхание Альвии, он даже мог бы поцеловать ее, но подобное безрассудное желание решительно отогнал, не желая осложнять и без того накаленную обстановку.

– Послушай меня, Райв, – негромко произнесла Альвия, почти касаясь мужских губ своими губами, – у тебя нет права отказывать мне. Это моя земля, моя власть, и она неоспорима даже для послов. Ты услышал меня?

– Да, лиори, – ответил Дин-Одел. Он спрятал руки за спину, чтобы не поддаваться искушению и не дотронуться до повелительницы Эли-Борга.

– Сейчас ты возьмешь меч и встанешь против меня.

– Я не хочу причинять вам зло, лиори.

– Ты его уже причинил, Райв, и это зло проросло в моей душе нескончаемой болью, – Перворожденная резко оттолкнула от себя мужчину и выкрикнула: – Принесите мечи! – После вновь посмотрела на риора и закончила: – Деревянные.

Брови риора взлетели вверх.

– Что бы вы ни решили сделать со мной, я не причиню вам зла, – повторил он, но Альвия только коротко и зло рассмеялась:

– Я причиню тебе зло, Райв! – воскликнула она, но сразу успокоилась: – А я пока не могу себе этого позволить. Я берегу вашу драгоценную шкуру, риор Безродный.

Она вновь рассмеялась со злостью и горечью, и Одел почувствовал себя уязвленным. Не палкой, обструганной под меч, но последними словами. Меньше всего Райверн думал о том, как сохранить шкуру. Он даже мог бы подставить грудь под ее удар, сейчас он вообще был готов на многое, но только не прятаться за свою неприкосновенность, как посол Эли-Харта. Райверн не искал защиту, и то, что когда-то уполз, истекая кровью, и цеплялся зубами за жизнь, было лишь следствием желания вернуться и доказать! Но...

– Бери меч, Райв, – произнесла Альвия, забирая из рук лита свой фальшивый клинок. Ее собственный меч уже держал один из верных стражей и телохранителей.

Изгнанник поджал губы, выхватил второй деревянный меч у лита, и, криво усмехнувшись, сделал несколько шагов назад. Лиори перекинула с руки на руку деревяшку и застыла напротив Райверна, сверля его взглядом, в котором всё стремительней таял лед. Мгновение, и риору показалось, что он видит в расширившихся зрачках Перворожденной вспыхнувшие искры.

– Тогда всё было иначе, – с невеселой усмешкой сказала она. – Тогда была сталь...

– Посмотри на мое лицо, Али, – негромко произнес Одел, отбрасывая прочь церемонии. – Если тебе этого мало, я могу показать свое тело, ты хорошо постаралась. Если тебе станет легче, я выжил только чудом. Ты почти убила меня...

– Почти, – лиори вскинула взгляд на риора. – Почти – это так мало... А я хочу до конца! – Гневный вскрик разнесся над ареной. – Ты должен мне свою жизнь, Райв, и однажды я заберу ее. Слышишь?! Однажды я приду и заберу твою проклятую жизнь, предатель!

Ее бросок был стремительным, нападение яростным, и мужчина отступил, ошеломленный градом ударов, обрушившихся на него.

– Не смей отступать! – выкрикнула Альвия, загоня риора к краю арены. – Нападай!

– Я не хочу нападать...

– Нападай, ублюдок!

– Али...

Лиори с силой ударила Райверна по шее плоской стороной меча. Затем еще раз, но уже по плечу, ощутимо ткнула в живот, и когда деревянное острие мелькнуло у глаза, Дин-Одел блокировал выпад Альвии, отбиваясь от опасной атаки. Она хищно ухмыльнулась:

– Хорошо, продолжаем.

Перворожденная снова напала. Отчаянно, зло. Глухие удары деревяшки о деревяшку казались горестными всхлипами, заменившими звон стали, более уместный между этими противниками. Райверн болезненно поморщился, вяло отбиваясь от очередной атаки.

– Дерись, тварь, дерись! – закричала Альвия.

Изгнанник мотнул головой и полетел на землю, сбитый с ног ударом под колено. Он вскинул голову и тут же на него обрушился новый удар, теперь по лицу. Райверна откинуло назад, и во рту появился привкус крови. Альвия била жестко, без жалости. Ноздри лиори раздувались, в расширившихся глазах уже тлели не искры, там полыхало пламя. Она крутанула в руке меч и замерла, пригнувшись, словно варлах перед нападением.

– Нанавиж-шу, – прошипела Перворожденная.

Риор сел, провел по губам рукой, посмотрел на кровь и сплюнул красный сгусток на арену. После поднялся на ноги, размял шею и криво ухмыльнулся.

– Значит, хочешь драки?

– Нет, – мотнула головой Альвия. – Смерти. Я хочу твоей смерти, Райв.

– Я виноват, – не стал спорить Дин-Одел. – Но я не таил злого умысла против господина...

– Ты убил моего отца, – глухо произнесла лиори и бросилась на Райверна.

Деревянные мечи стукнулись друг о друга, и Одел поморщился, глядя в перекрестье на Перворожденную.

– Я не убивал, – мотнул головой риор и упал на одно колено, получив новый удар ногой, теперь по голени.

– Ублюдок, – сплюнула Альвия.

– Я не убивал! – выкрикнул Дин-Одел.

– Ты привел убийцу к своему господину, ты!

Риор откатился из-под очередного удара лиори и вскочил на ноги. Он встретил выпад Альвии, отбил его и увернулся от новой атаки, теперь стараясь не подпускать к себе разъяренную женщину.

– Я не знал о его намерениях, – произнес изгнанник. Ответная злость вновь подняла голову, заставив кровь вскипеть, и мужчина выкрикнул: – Я не знал, Али, не знал!

Альвия презрительно усмехнулась, опустила меч и приблизилась к Райверну. Она снова ухватила его за подбородок. Дин-Одел сглотнул. Он не знал, что можно смотреть так... Риору вдруг показалось, что пламя, бесновавшееся в глазах лиори, рвануло к нему и в одно мгновение испепелило внутренности, иссушило артерии и выжгло саму душу.

– Ты стал рукой Тайрада, направившей клинок в горло моего отца, – тихо произнесла Перворожденная, но Райверн услышал в ее голосе лязг металла и понял, что никогда не получит прощения лиори Эли-Борга.

– Я наказал убийцу, я убил его, – хрипло ответил Одел.

– Но сначала он убил твоего господина.

– Твари Архона, Али, я не знал, что он собирается сделать! – вдруг заорал риор.

Альвия усмехнулась и ответила:

– Ты не смел вести его в покои лиора, Райв. У тебя не было на это власти. Ты воспользовался доверием своего господина и привел к нему убийцу. Знал ты или нет – не важно. Ты сделал то, чего тебе не было позволено. О чем ты думал, когда вел к нему Ройфа?

– Ты знаешь, о чем я тогда думал, – Райверн заглянул в глаза Перворожденной.

Лицо лиори скривилось, на нем появилась маска гадливости. Этот удар оказался самым сильным за сегодняшнее утро.

– Али, я тогда вообще толком ничего не соображал, – все-таки продолжил изгнанник. – Тот день...

– Не смей! – выкрикнула Альвия.

Она наотмашь ударила риора по лицу, и тот отшатнулся, однако быстро выпрямился и замер, напряженно ожидая, что будет дальше. Но лиори вдруг шумно выдохнула. Ее глаза снова подернулись льдом, в один миг уничтожая в них пожар ярости. Перед Дин-Оделом стояла уже знакомая правительница Эли-Борга. Она отбросила меч.

– На сегодня довольно, – спокойно произнесла Перворожденная. – Сейчас вас сопроводят в выделенные вам покои, и вы не покинете их, пока на то не будет позволения. Если снова вздумаете бродить по моему замку, вы будете немедленно выдворены из Эли-Борга. Наперед скажу, это был последний раз, когда вы ступили на землю моего риората. Следующее ваше появление закончится смертной казнью. Надеюсь, вы меня услышали... высокородный риор.

Не дожидаясь ответа, развернулась и направилась прочь с арены. Райверн уронил на землю свой меч, поднял лицо к небу и закрыл глаза. Ни слушать, ни понимать его Перворожденная не собиралась. Смертный приговор давно был ее окончательным решением.

– Проклятье, – выдохнул риор и безропотно направился прочь, с окружившими его литами. Кажется, передвигаться по Боргу в сопровождении лучших телохранителей риората уже входило у Райверна в привычку...

Альвия удалялась прочь от арены, ни разу не обернувшись и не произнеся ни слова. Трое литов, взятых для утренних занятий лиори, следовали за госпожой безмолвными тенями. Что думали они о неожиданной встрече и скоротечном поединке на детских игрушках, понять было невозможно, да это и не волновало их госпожу, чье лицо превратилось в каменную маску, лишенную всяких эмоций.

Перворожденная вошла в замок чеканным шагом, стиснув в ладони ножны с отцовским подарком. Не обращая внимания на согнутые спины челяди и поклоны своих приближенных, успевших подняться с постелей, лиори стремительно направлялась в свои покои.

– Перворожденная, – перед госпожой появился риор Дин-Вар.

– Позже, – резко мотнув головой, ответила Альвия, и начальник Тайной службы отстал, вновь поклонившись.

Больше лиори никто не пытался задерживать. Достаточно было взглянуть на плотно сжатые губы, чтобы понять – соваться под горячую руку опасно для здоровья, да и для жизни, пожалуй, тоже.

– Никого не пускать, – приказала Альвии у своих покоев. – Без исключений.

И исчезла за дверями. Пройшла к столу, уложила на него меч, стянула с головы ремешок, затем самостоятельно сняла легкие доспехи и уронила их на пол. Следом полетели перчатки и нарукавники. После, упершись ладонями в поверхность стола, тяжело нависла над ним.

– Боги, – прошептала Перворожденная, зажмурившись до мушек перед глазами. – Дайте сил и терпения...

Лиори откинула назад голову, медленно выдохнула и вдруг горько рассмеялась.

– И заберите проклятую память, – хрипловато произнесла Альвия, резко оборвав смех. После вновь нависла над столом и протонала: – Ну, почему я помню? Почему?!

Стул, откинутый рукой лиори, отлетел в сторону и с грохотом упал на пол. Тут же приоткрылась неприметная дверца, и оттуда выглянула встревоженная прислужница.

– Прочь! – гаркнула Перворожденная, и девушка мгновенно исчезла. Альвия стиснула кулаки, судорожно вздохнула. После повернула голову к окну и прошептала: – Боги...

Кажется, давно угасшая и забытая боль, так неосторожно потревоженная всего лишь неоконченной фразой изгнанника, вдруг всколыхнулась и затопила женщину, возвращая ее на восемь лет назад...

* * *

– Али... Али!

Девушка, сидевшая у окна с книгой, опустила взгляд вниз и нахмурилась, глядя на сияющего риора. Впрочем, хмурилась она лишь для порядка. Когда этот высокородный смотрел на нее, лейра оставалась спокойной только внешне. И сколько бы Альвия не пыталась прогнать из головы образ веселого парня, он вновь и вновь всплывал перед внутренним взором, мешая думать и слушать поучения отца и наставников. Лиор всё чаще ловил дочь, когда она глядела в пустоту, и на устах ее играла мечтательная улыбка.

– Альвия, – строго произносил в такие мгновения повелитель риората. – Вернись в Эли-Борг.

– Я здесь, мой господин, – юная лейра вздрагивала и вскидывала на отца взгляд, пытаюсь вспомнить, о чем говорил Перворожденный.

– Если только на крыше самой высокой башни, – усмехался лиор и добавлял серьезно: – Соберись, дочь.

Альвия уже решила, что пора бы избавиться от этого наваждения с бирюзовыми глазами, как оно не замедлило объявиться во плоти. Лейра отложила книгу и строго взглянула на молодого человека. Луч солнца запутался в его волосах, и медно-красные брызги задорно разлетелись по его прядям, накрывшим широкие плечи высокородного риора.

– Чего ты хочешь, Райв?

– Сегодня чудесная погода, – ответил Дин-Кейр, щуря один глаз от яркого солнечного света.

– И что?

– Вредно быть умной в такую пору, – хмыкнул риор. – Оставь чтение непогоде, я знаю занятие получше, чем терять время в душевной комнате.

– Время, потраченное с пользой, невозможно потерять, высокородный, оно оставляет след в душах и обогащает разум, – поучительно произнесла Альвия.

– Когда разум обогащают слишком усердно, голова становится тяжелой, – возразил Дин-Кейр. – Если сильно поумнеешь, станешь медленной и неповоротливой.

Девушка хмыкнула:

– Теперь понятно, почему ты такой вертлявый.

– Почему? – заинтересовался риор.

– В твоей голове только ветер, Райв. Должно быть, его завывания мешали тебе слушать советы наставников, раз сейчас ты стоишь под моим окном, а не рядом со своим господином, – Альвия весело рассмеялась, глядя на преувеличенное возмущение высокородного.

– Я отлично усвоил советы наставников, Перворожденная, потому послушно оставил своего господина, дабы не отвлекать от дел.

– Отец чем-то занят?

– Да, он разговаривает со своим советником. Мне было велено убираться, куда глаза глядят. – Райверн широко улыбнулся. – Ты ведь знаешь, куда устремлен их взор. Так что я в точности исполнил приказ лиора.

– Убирайся прочь, Райверн Дин-Кейр, и устреми свой настырный взор куда-нибудь в другую сторону, – проворчала Альвия, снова поднимая книгу.

– Стало быть, ты упорно желаешь стать неповоротливой?

– Стало быть, желаю.

– Хорошо, пусть твоя голова раздуется от знаний, и ты не сможешь войти не в одни двери, а я пойду глядеть на что-нибудь не такое красивое, как ты, но интересное. – И, поклонившись, Райверн неспешно направился прочь.

Лейра открыла книгу, попыталась вернуться к чтению, но так и не смогла уловить смысл написанного. Она вновь устремила взгляд в окно. Молодой риор стоял к ней спиной у дерева, привалившись к нему плечом. Покусав губы, Альвия все-таки позвала:

– Райв!

Он с готовностью обернулся и склонил голову:

– Я слушаю, моя госпожа.

– Значит, лиор занят?

– Занят, Перворожденная.

– А куда ты собрался?

– Да есть тут местечко...

Альвия отложила книгу и надменно произнесла:

– Высокородный риор, я готова принять ваше приглашение. Ожидайте меня.

– Как прикажет моя госпожа.

Когда Альвия вышла к Дин-Кейру, на лице его застыла непроницаемая маска, однако девушка заметила лукавые смешинки в глазах Райва, и, вздернув подбородок, сухо приказала:

– Ведите.

– Не смею ослушаться, Перворожденная, – учтиво произнес риор и все-таки хмыкнул.

Альвия отвернулась, на губах ее играла улыбка...

* * *

– Довольно! – вскрикнула лиори и отчаянно замотала головой, отгоняя воспоминания.

Она порывисто развернулась и обвела комнату шальным взглядом. Кровь билась в висках, ярость требовала выхода. Альвия приблизилась к столу и вытащила меч из ножен. После размахнулась и рубанула по стулу. Заговоренная сталь срезала спинку, словно она была из бумаги. Перворожденная оскалилась, и по покоям понесся вихрь, уничтожавший всё, что подвернулось под руку. Прислужницы притихли, не смея сунуться под руку взбешенной госпоже. Такой им видеть лиори еще не доводилось. Литы замерли за дверями, чутко улавливая грохот, доносившийся из покоев, но и они не осмелились заглянуть. Приказы Перворожденной не подлежали сомнению.

И когда появился Тиен Дин-Таль, телохранители лиори встали плечом к плечу у двери, закрыв ему проход. Риор прислушался.

– Что там происходит? – с тревогой спросил он.

– Перворожденная сама всё объяснит, если пожелает, – равнодушно ответил один из литов.

– Дайте пройти, – потребовал Тиен.

Литы остались на местах, больше не давая никаких пояснений, и высокородный отступил. Порой ему оказалось, что чародей оживил для лиори камни и наделил их человеческими чертами. Ни разговорить, ни уговорить, ни подкупить. Литы хранили тайны своей госпожи, и готовы были расстаться с жизнью по первому ее требованию. Пожалуй, если бы Дин-Талю вздумалось искать тех, кто может поспорить с ним в верности Перворожденной, то литы были бы первыми. Даже он мог иногда поделиться какой-то мелочью из разговоров с Альвией, стражи лиори не обсуждали госпожу даже между собой. Правительница Эли-Борга слепила из литов именно тех, кого желала видеть подле себя.

Грохот прекратился неожиданно. Выдохшаяся Альвия замерла посреди гостиной с занесенным над головой мечом. Она обвела полубезумным взглядом учиненный разгром и шумно перевела дух, чувствуя опустошение. Усевшись прямо на пол, женщина утерла ладонью пот с лица, после отложила меч и слепо уставилась перед собой, вновь вспомнив тот день.

Они тогда находились в охотничьих угодьях лиора Эли-Борга. Мать осталась в замке, ей на охоте делать было нечего. Только Перворожденный со своей дочерью, придворные, кого он пожелал пригласить с собой, и несколько возмужавших риоров, на которых господин обратил свой милостивый взор. Впрочем, это было не пустое баловство. Лиор изучал молодую поросль, смотрел, кто на что годен. Были на той охоте и Райверн Дин-Кейр, и Тиен Дин-Таль. Сама же

Альвия получила возможность отдыха, отец позволил дочери проводить дни в угодьях так, как ей хотелось...

– Хватит, – оборвала саму себя Перворожденная и поднялась на ноги.

Она дошла до уцелевшего стола, вложила меч в ножны и хлопнула в ладоши. Прислужницы вышли к госпоже, опасливо косясь по сторонам.

– Умывальню и платье, – велела Альвия. – Здесь всё убрать.

Девушки склонились перед лиори, показывая готовность исполнить ее приказы. Перворожденная сжала ножны с мечом и направилась в опочивальню. Но уже на пороге обернулась:

– Да, если кто-то ждет меня, передайте, что я приму их в своем кабинете, когда спущусь туда.

Больше она не останавливалась. «Вернись на земли Эли-Борга, Али», – прозвучал в голове лиори голос ее отца.

– Я уже в пути, – прошептала она.

Из своих покоев Перворожденная выходила с гордо поднятой головой. Глядя на ее спокойные черты, было сложно представить, что еще совсем недавно эта женщина металась разъяренным зверем, круша всё, что попадалось ей под руку. Равнодушный взгляд скользнул по адеру, стоявшему неподалеку. Даже тени улыбки не появилось на губах лиори. Была ли она рада видеть избранного ею жениха, или нет, знала только Альвия.

– Моя госпожа, – шагнул к ней Дин-Таль.

– Я велела ждать меня у кабинета, – ровно произнесла лиори, проходя мимо риора.

– Прошу простить меня, Перворожденная, – склонил голову мужчина, пристраиваясь рядом. – Я был встревожен, потому решил дождаться вашего появ...

– Встревожены? – Альвия стремительно развернулась к Тиену. – Что же встревожило вас настолько, что вы, высокородный риор, осмелились ослушаться моего повеления?

Дин-Таль пытливо заглянул в глаза лиори, и она вопросительно приподняла брови, ожидая ответа.

– Мне сказали, что вы пребываете в дурном расположении духа, – все-таки ответил риор. – Я захотел узнать, что вывело из себя мою госпожу настолько, что это заметили ее подданные. Пришел сюда и понял, что дело и вправду серьезно. Это-то и встревожило меня.

Альвия отвернулась от адера и продолжила свой путь.

– Как видите, риор Дин-Таль, со мной всё хорошо. Предлагаю и вам успокоиться. В конце концов, вы воин, а не наседка.

Тиен вспыхнул, но подавил раздражение.

– Я – воин, моя госпожа, и имел честь доказать вам это. Моя тревога не является желанием опекать, лишь забота о душевном равновесии лиори.

– Я уравновешена от пальцев ног до тмени, эта забота излишня, – отмахнулась Альвия. – Кажется, риор Дин-Вар желал мне что-то сказать.

– Думаю, он желал доложить о наблюдениях своих шпионов за посланниками Эли-Харта.

– Мне тоже есть, что сказать о его шпионах, – зло усмехнулась Перворожденная.

Дин-Таль, перехватив руку лиори, сжал ее запястье, вынудив остановиться.

– Что произошло, Али? – негромко спросил риор.

Альвия окинула адера надменным взглядом, рывком освободила руку и устремилась вперед, так и не ответив на вопрос.

– Да я же не враг тебе, – пробормотал Дин-Таль, глядя на прямую спину лиори.

Он вновь нагнал ее, пристроился рядом, но задавать новых вопросов не рискнул. Настойчивость могла привести к непредсказуемым последствиям. Перворожденная и высокородный риор в сопровождении литов дошли до кабинета госпожи, где уже дожидался Дин-Вар. Альвия поманила обоих высокородных за собой, мужчины обменялись настороженными взглядами. Глава Тайной службы вопросительно кивнул, а дер раздраженно отмахнулся.

– Прошу, высокородные риоры, – бросила Перворожденная, усаживаясь в свое кресло за столом. – Слушаю вас. Риор Дин-Вар, – взгляд серых глаз остановился на главе Тайной службы.

Дин-Вар коротко вздохнул и хотел встать, но лиори удержала его жестом:

– Да вы сидите, мой дорогой, сидите, – обманчиво ласково улыбнулась она. – К чему нам эти церемонии? Возможно, вы желаете вина? Нет? Быть может, мягкую постель? Женщину?

– Моя госпожа! – изумился риор.

– А что такое? – Альвия невинно похлопала ресницами. – Вы как-то иначе предпочитаете проводить время на службе?

– Госпожа! В чем я провинился перед вами?! – возмущенно воскликнул Дин-Вар.

– Сколько негодования, какой гневный блеск в очах, – фыркнула Перворожденная. – Я оскорбила вас, высокородный риор? Простите великодушно, – язвительно закончила Альвия и поднялась с кресла.

Высокородный втянул голову в плечи, начиная понимать, что возмущение только еще больше разозлит лиори. Но главное, он прекрасно понял, почему Перворожденная готова наспиговать ядом верном слугу. Дин-Вар счел за благо помолчать. А вот Дин-Таль пока ничего не понимал, но явно желал узнать, чем вызван гнев госпожи. Потому продолжал наблюдать за ней.

Тем временем Альвия обошла стол, затем стулья с риорами и встала за спиной Дин-Вара. Ее ладони накрыли плечи главы Тайной службы, и тот вздрогнул. Такие дружеские знаки внимания от лиори не сулили ничего хорошего.

– Хотя почему вы обижаетесь, дорогой мой риор Дин-Вар? – полюбопытствовала Альвия. – Разве же не этому вы обучаете ваших шпионов? Вкусно есть, сладко спать – разве не в том их святая обязанность? – и вдруг резко рявкнула: – Отвечать!

Дин-Вар утер ладонью пот, вдруг обильно выступивший на лбу. Он вновь попытался встать, но руки лиори с силой придавили мужчину к стулу, лишней раз давая понять, насколько обманчива внешняя хрупкость Перворожденной.

– Госп-пожа, – с запинкой заговорил высокородный риор, – это случайность...

– Случайность?! – прогремел гневный голос лиори, и тут же опасно понизился: – Случайность? По моему замку свободно разгуливает чужак, за которым должны следить ваши люди, и это вы называете – случайность?

– Виновные будут наказаны...

Перворожденная перегнулась через плечо Дин-Вара и взглянула на него:

– Только будут?

– Немедля! – воскликнул глава Тайной службы Эли-Борга и вскочил со стула, как только Перворожденная освободила его от хватки. – Я могу идти?

– Вы, кажется, что-то принесли мне? – сухо осведомилась Альвия, протягивая руку ладонью вверх.

Дин-Вар вложил свернутые бумаги в ладонь госпоже, она сжала их в кулак, после вернулась к столу.

– Госпожа...

Лиори обернулась и изумленно вскинула брови:

– Вы еще здесь?

– Уже нет, – мотнул головой риор и стремительно покинул кабинет.

Перворожденная еще не успела вернуться в кресло, когда за главой Тайной службы захлопнулась дверь. Она никак не отреагировала на исчезновение Дин-Вара, развернула бумаги, принесенные им, и углубилась в чтение донесения соглядатаев. Казалось, она совсем забыла, что в кабинете остался еще один человек, и Дин-Таль решил напомнить о себе.

– Значит, Кейр гулял по замку, и ты наткнулась на него? Где?

– На арене, – ответила лиори, не отрываясь от чтения.

– Он был груб с тобой, непочтителен? Али, я хочу знать...

Перворожденная вскинула голову и с недоумением взглянула на адера. Тиен на мгновение поджал губы, но отступить не стал.

– Али...

– Вели позвать главу замковой стражи, – не слушая его, произнесла лиори.

– Проклятье, – тихо выругался Дин-Таль. – Ты поговоришь со мной?

Альвия отложила донесение и откинулась на спинку кресла. Она уместила ладони на столешницу и прищурилась:

– Мне проверить готовность моих воинов? Их содержание, оружие?

– Если госпоже угодно, – сухо ответил адер. – Вашим воинам проверка не страшна, вы это знаете, лиори.

– Умение исполнять приказы старшего, – продолжила Перворожденная.

– Они их отлично исполняют.

Альвия склонилась вперед, почти навалившись грудью на стол, и в глазах ее мелькнула ирония:

– И кто же научил их этому? – осведомилась она. – Уж точно не вы, риор Дин-Таль.

– Мою госпожу не устраивает моя исполнительность? – с вызовом спросил высокородный.

– А почему она должна меня устраивать? – изломила бровь правительница Эли-Борга.

– Потому что я еще ни разу не ослушался ваших приказов.

– Правда? Тогда где глава стражи? Вы хотя бы передали мое повеление?!

– Архон, – буркнул Тиен Дин-Таль и устремился к дверям.

Лиори проводила его взглядом и, повысив голос, добавила:

– И призови мне Ферима. Я приму его после Лорига.

Риор развернулся на каблуках и склонил голову:

– Как угодно моей госпоже.

Дождавшись, когда за адером закроется дверь, Перворожденная коротко вздохнула и вернулась к донесению. За исключением утренней прогулки Дин-Одела, больше придраться было не к чему. Горцы вели себя тихо, хмелем не злоупотребили, девок не требовали. Разговоры вели отстраненные, почти не упоминая ни лиори Эли-Борга, ни лиора Эли-Харта. Воины сопровождения также ничем не отличились. С боржцами ссор не заводили, нос никуда дальше выделенной общей комнаты не высывали, разве что выходили по нужде. И если риоры еще вели беседы, то ратники с чистой совестью отсыпались с дороги.

Лиори побарабанила пальцами по столу и откинула донесение.

– Слишком всё мирно, – произнесла она. – Одна надежда на Ферима. Иначе я подумаю, что Тайрада подменили. Ну, не может эта тварь не замыслить пакости. Не может.

Покинув кресло, Альвия отошла к окну, взглянула на чистое голубое небо и задумалась. Какие выгоды получает Эли-Харт в случае согласия на свадьбу своего племянника и Ирэйн? Кроме некоторого послабления в прежних договоренностях, единственная настоящая польза от союза с Эли-Борга – это рать.

– Замыслил напасть на кого-то из соседей и хочет и нас втянуть в свою войну, как союзников? – Альвия присела на подоконник. – Или... Серминская медь? Возможно и то, и другое.

Воины Эли-Борга славились выучкой и отвагой, лиоры этих земель нередко получали похвалы своим воинам, выслушивала их и Перворожденная. Да, военный союз – выгода для Эли-Харта. И еще медь. В Сермине находился единственный рудник, где медь обладала необычными свойствами. Говорили, что когда-то там стоял замок чародея, и его сила досталась земле, на которой он жил. Точней, ушла в землю и напитала жилу. Стоила Серминская медь дорого, и доход Эли-Борга в немалой степени зависел от этого рудника.

– Да, возможно... – кивнула себе Альвия.

Иной выгоды она не видела. Ирэйн, как верно заметил Дин-Таль, в политической жизни риората веса не имела. Кто подпустит женщину к такой тонкой материи?.. Не подпустили бы и Альвию, родись она вторым или третьим ребенком лиора. Но если лиори Эли-Борг ее отец и Боги начертали на роду управлять риоратом, то лейре Ирэйн Борг к власти дорога была заказана. Значит, надеяться наладить через нее связи с нужными людьми, было бы глупостью со стороны Тайрада. К тому же кара за мздоимство в Эли-Борге испокон веков не менялась. Корыстолюбцам рубили руки. Взял один раз и был пойман – кисть правой руки. Брал часто, но урон казне не нанес – кисти обеих рук. Влез в государственную казну – ополовинивали обе руки по локоть. Ну, а если уж в краже и взятках был усерден, тут уже руки не трогали, сразу рубили голову. Альвия старые законы читала, приговор выносила быстро, и своих решений не меняла, так что высокородные риоры, обитавшие в Борге старались избегать сторонних сделок. Впрочем, лиори умела и награждать, когда была довольна службой, потому дружить с ней было интересней и безопасней, чем ссориться.

– Нет, сплести паутину за моей спиной при помощи Ирэйн Тайрад не сможет, – еще подумав, пришла к выводу Альвия. – Хотя для этого ему кузина и не нужна...

Выходило, что Эли-Харта интересовали рать или медь, возможно, и то, и другое. Оставалось понять, какие существенные выгоды от этого союза может получить Эли-Борг, а вот их Перворожденная пока не видела...

– Перворожденная, – в дверях появился лит. – Глава замковой стражи.

– Пусть войдет, – кивнула лиори и вернулась за стол.

Риор Дин-Лориг вошел в кабинет... осторожно. Он встретился взглядом с госпожой, выдохнул и стремительно приблизился к столу, после резко склонил голову, и у Альвии появились опасения, что высокородный прямо сейчас расстанется с головой от собственного усердия.

– Итак, – многозначительно начала лиори после продолжительного молчания. – Что вы имеете мне доложить, мой дорогой риор?

– Я имею всё, – выпалил Дин-Лориг, преданно глядя на Альвию.

– Вот как, – Перворожденная поставила локти на стол и сложила пальцы домиком. – Стало быть, вы уже всё имеете. А что же тогда вам мешает, риор Дин-Лориг?

– Мне что-то мешает? – переспросил глава замковой стражи.

– Именно, высокородный, именно, – кивнула Альвия, откидываясь на спинку кресла. – Если вы имеете всё, стало быть, стремиться уже не к чему. А когда исчезает цель, появляется опасная лень. Вы со мной согласны, риор Дин-Лориг?

– Я всегда согласен с вами, лиори, – истово кивнул риор. – Ибо мудрость моей госпожи велика и неоспорима.

– Я рада, что мы думаем одинаково, – усмехнулась Альвия. – А раз так, значит, вы не станете возражать, если я кое-что у вас заберу.

В этот раз глава стражи соглашаться не спешил, он настороженно ждал, что еще скажет Перворожденная. Однако она тоже молчала, и риор все-таки спросил:

– Что хочет забрать у меня госпожа?

– Мелочь, – отмахнулась лиори. – Сущий пустяк, вам он всё равно без надобности, – и рывкнула Альвия, подаваясь вперед: – Вашу голову!

– Моя госпожа... – риор побледнел и бухнулся на колени. – Помилуйте!

– Пусть пожрут вас твари Архона, риор, если я желаю вас миловать! – Перворожденная поднялась на ноги и обошла стол. После ухватила Дин-Лорига за подбородок и вздернула его голову. – Как вы можете занимать свой пост, если ваши люди творят, что им вздумается?! Отвечать!

Высокородный гулко сглотнул и на мгновение зажмурился, чтобы избежать взгляда, обжигавшего холодной яростью.

– Виновные... – начал он, но лиори оборвала мужчину гневным возгласом:

– Молчать! Вы не в силах дать мне толкового ответа, тогда ни к чему засорять воздух невразумительным бляением, – она оттолкнула голову риора и отошла к окну. – Как посланник Эли-Харта мог спокойно передвигаться по моему замку и остаться незамеченным?! Как он смог выбраться из своих покоев, и не был остановлен стражей? За каким Архоном вы ставите на этот ответственный пост пустоголовых баранов? Впрочем, я даже благодарна горцу, теперь я вижу в своей охране огромные бреши. Если бы ему вздумалось, посол мог бы добраться и до моих покоев.

– Мою госпожу охраняют литы, – ляпнул Дин-Лориг, и Альвия стремительно развернулась, испепелив его взглядом.

Она нарочито медленно приблизилась к главе замковой стражи, склонилась к его лицу и угрожающе тихо спросила:

– Так в Борге можно положиться только на литов?

– Нет...

– Да-а, – протянула лиори. – Только на моих телохранителей, риор. И знаете почему? – Дин-Лориг снова сглотнул. – Потому что я занимаюсь своими людьми!

– Я всё исправлю, госпожа, – дрогнувшим голосом ответил глава стражи. – Я займусь...

– Очень на это надеюсь, риор, иначе я займусь вами, – отчеканила Альвия и вернулась к креслу. Усевшись, бросила взгляд на Дин-Лорига и закончила: – Тех, кто проспал посланника Эли-Харта, выпороть, чтобы разогнать их кровь. Слишком застоялась, раз засыпают там, где должно смотреть за десятерых. И прочь из Борга. Отправьте их в Харигар, в Черную крепость, пусть поспят на болотах.

– Заключениеми?

– Заключением туда отправитесь вы, если еще раз вызовете мое недовольство, – холодно ответила Перворожденная. – Стражники теперь будут там нести свою службу. – После поморщилась: – А теперь встаньте с колен и проваливайте прочь с моих глаз.

Дин-Лориг вскочил на ноги. Он в очередной раз попытался в поклоне лишиться своей головы, но она опять удержалась на плечах высокородного риора. Мужчина поспешил покинуть лиори, стирая с лица пот и вознося благодарственную молитву Богам. Впрочем, слова Альвии запомнил, она ими впустую никогда не сорила. И раз пообещала заточение на болотах Харигара, значит, туда и отправит, если вновь будет недовольна главой замковой стражи. Риор Дин-Лориг еще никогда так истово не желал угодить своей госпоже...

Перворожденная откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и сжала подлокотники. Нужно было поскорей заканчивать с этим посольством. Присутствие в замке предателя и невозможность дотянуться до него выматывали душу лиори. Она устало вздохнула и медленно подняла веки. Взгляд уперся в портрет отца, который повесили в кабинете по приказу госпожи еще восемь лет назад. Лиор смотрел на дочь спокойным, чуть надменным взглядом, таких же серых глаз, как у нее. Его губы были плотно сжаты, и Альвии почудились неудовольствие и укор покойного родителя.

– Он умрет, – сказала женщина, глядя в глаза лиору. – Я поклялась в этом, отец, стоя перед твоим гробом, и клятвы не нарушу. Рано или поздно кровь предателя прольется во имя твое. И когда ты будешь отомщен, я, наконец, вздохну полной грудью.

В дверь постучали. Лиори порывисто обернулась, гневно сверкнув глазами.

– Кто?

В дверях появился лит.

– Моя госпожа, высокородный риор Тиен Дин-Таль привел чародея Ферима и просит позволения войти.

– Позволяю, – кивнула Перворожденная.

Бросив еще один взгляд на портрет, лиори выпрямилась в кресле, отбрасывая прочь всякие переживания. Она вновь была собрана, и даже в обычном рабочем кресле казалась сидящей на троне. Взор Перворожденной остановился на двух мужчинах перешагнувших порог ее кабинета. Лицо Дин-Талья было непроницаемым. Нет, это была не обида, просто высокородный риор решил больше не соваться туда, где выставлен заслон из щитов. В кабинет лиори вернулся ее верноподданный и адер.

– Благодеяния Богов, Перворожденная, – склонился чародей.

– Проходи, Ферим, – скупно улыбнулась Альвия. – Тебе есть чем меня порадовать? Огорчений мне сегодня уже хватит. – Затем снова посмотрела на Дин-Талья: – Адер, присаживайтесь.

Риор занял тот же стул, на котором недавно сидел. Он лишь на мгновение задержал взгляд на лице лиори, но Альвия казалась совершенно спокойной. Она теперь глядела только на Ферима, ожидая, что он скажет.

– Моя госпожа, – заговорил чародей, возвращая Перворожденной послание Тайрада. – Я сделал, что вы велели. Писавший много думал, когда составлял послание, но его мысли... они непристойны...

– Хм, – недоумение и ирония смешались в глазах Альвии. – И что же думал писавший?

– Неловко такое произнести, еще и перед своей госпожой... – замялся чародей, и лиори уже открыто усмехнулась:

– Говори, Ферим, я выдержу.

Чародей бросил взгляд на адера, но тот сидел, скрестив на груди руки, и с интересом смотрел на Ферима.

– Ох, право слово... Ну, хорошо, – решился чародей. – Сей... писавший рассуждал о том, что недурно бы позвать некую даму, которая... – он вновь запнулся.

– Ну же, Ферим, – подбодрила чародея лиори. – Я хочу знать всё.

– Ох, госпожа, безжалостны вы в своем стремлении к знаниям, – удрученно покачал головой Ферим. – Неловко мне, но деваться ведь некуда?

– Некуда, – улыбнулась лиори.

– Стало быть, – вдруг монотонно заговорил чародей, подняв взгляд к потолку, – лиор Эли-Харт, едва начав писать свое послание, думал так: «Надо бы позвать Чармити, она недурно скрасит время своим ртом...», – Ферим все-таки бросил взгляд на Перворожденную, но та лишь кивнула, предлагая продолжить. Чародей вздохнул: – Сладкий рот у Чарми, умеет она порадовать своего господина. Перворожденная, – вновь прервался Ферим, – позвольте мне этот срам не повторять, он половину письма думал про рот этой Чармити. Про бедра ее еще, и как потом можно будет ее животом на стол кинуть, да... – чародей несколько раз свел ладони, будто хотел похлопать, но невидимая преграда так и не дала мужчине соединить руки.

– Среди этой лихорадки сластолюбца были здравые мысли? Он ведь писал, – заметила Альвия. – Не мог же он писать о благах двух риоратов, а думать, как его будет ублажать шлюха.

– Возможно, послание уже было составлено, – произнес Дин-Таль. – Если Эли-Харт переписывал, мог и допустить посторонние мысли.

– Или же скрыл свои помыслы намеренно, – согласно кивнул чародей.

– Думаю, мы оба правы, – отозвался адер. – В конце концов, Тайраду известно, что при дворе Эли-Борга имеется сильный чародей.

– Но о возможностях Ферима ему неизвестно, – возразила Альвия. – И все-таки, – взор ее снова устремился к чародею. – Неужели нет даже отголоска тех размышлений, которые могут быть нам полезны?

– В самом конце, лиори. Там он думает, что Эли-Харт получит немалую выгоду, если сватовство будет иметь успех. «Надеюсь, всё выйдет, как задумано и гадюка...».

– Продолжай, – усмехнулась лиори.

– Вы не станете чинить препятствий, – поправился чародей. – Потом он опять подумал об этой Чарми.

Альвия потеряла переносицу и покачала головой. Может и вправду она слишком подозрительна, и видит заговор там, где его нет? Искать выгоду во всем – это тоже черта характера Эли-Харта. К тому же Ирэйн – единственная возможность наладить отношения с Эли-Боргом... Может быть, может быть...

– Ферим, – лиори отвлеклась от своих размышлений, – напиши мне всё, что сумел вытащить из послания. Не можешь рассказать сам, пусть за тебя это сделает пергамент. Возможно, я смогу увидеть что-то еще, чему ты не придал значения. Сейчас можешь быть свободен. Да, – она подтолкнула свиток с посланием Эли-Харта к чародею, – возьми, возможно, пригодится. Вернешь вместе с тем, что напишешь сам. Иди, Ферим.

Чародей забрал свиток, поклонился и покинул кабинет госпожи. Альвия поднялась на ноги, вышла из-за стола и посмотрела на Тиена:

– Риор Дин-Таль сопроводите меня в трапезную, думаю, придворные уже собрались на завтрак, – произнесла она, кажется, и не думая менять линию поведения.

Адер склонил голову, подал руку госпоже, но как только она накрыла пальцами тыльную сторону его ладони, развернулся и прижал к себе Альвию свободной рукой. Лиори изломила бровь, но мужчина качнул головой:

– Не-а, Али, не страшно.

– Я сейчас не готова к любовным играм, Тиен, – чуть поморщившись, ответила Первожденная.

– Я уже знаю, что Кейра провожали до покоев литы. Вы встретились на арене, это я тоже знаю, и даже представляю, каким путем он попал туда. Но я не знаю, что произошло между вами, – так и не отпустив Альвию, сказал Дин-Таль, глядя на нее. – Расскажешь?

Лиори нахмурилась. Рассказывать риору она по-прежнему ничего не собиралась, как не хотела делиться своими переживаниями.

– Распорядись после завтрака, чтобы Ферим зашел к Дин-Оделу, – нехотя произнесла Альвия. – Кажется, ему недурно досталось. Не хочу, чтобы он выехал из Борга с разбитым лицом.

– Вы подрались?

Перворожденная усмехнулась и выпуталась из объятий адера.

– Нас ждут придворные, высокородный риор, – лиори первой направилась к выходу. – А вот я вас ждать не собираюсь.

Тиен понял намек. Он опередил госпожу, открыл ей дверь, и когда вышел следом, вновь подал руку. До трапезной залы, они почти не разговаривали. Порой Альвия ловила задумчивый взгляд своего адера, но никак на него не реагировала. И в трапезную вошла с обычным приветствием, не обнаружив ни раздражения, ни досады. Лиори была совершенно спокойна, и напряженность, ясно чувствовавшаяся при ее появлении, постепенно отступила, придворные начали тихо переговариваться.

– Как твое самочувствие, Ирэйн? – с улыбкой спросила Альвия, благожелательно глядя на свою кухню.

– Благодарю, госпожа, – ответила та, – я прекрасно себя чувствую.

– Ты подумала над нашим вчерашним разговором?

– Да, лиори, – лейра Борг склонила голову. – Вы ожидаете ответа прямо сейчас?

– Нет, я навещу тебя позже.

– Как угодно моей госпоже, – ответила девушка.

Больше Альвия ни с кем не разговаривала, безмолвствовал и Тиен, продолжавший о чем-то размышлять. Первожденная сейчас думала только о Совете, который должен был состояться ближе к полудню. Там она собиралась обсудить выгоды Эли-Борга от союза с Эли-Хар-

том, и выслушать мнения советников по поводу сватовства, что они думали о затее Тайрада. Ни на что больше она не отвлекалась, окончательно изгнав из головы воспоминания.

Глава V

День перевалил за вторую половину. Солнце и не думало покидать небосвод, кажется, погодка была недурна. В такую погоду стоило бы прогуляться, а не сидеть в сумрачных покоях, только вот выбора у узника не было. Он полуразвалился в кресле, широко расставив ноги, и покручивал на пальце шнурок с бережным символом.

– Болван, – усмехнулся мужчина, – какой же все-таки болван. Сам виноват. – Констатировал высокородный риор и надел обратно на шею шнурок. После накрыл ладонями подлокотники кресла и закрыл глаза.

Неплохо было бы вздремнуть, говорят, сон врачует не хуже умелого чародея. Только что мог исцелить его сон? Следы ударов, оставленных лиори, или же вновь стянется края раны, разбредившей душу? На заплывший глаз и разбитые губы Райверну было плевать, его лицо знавало раны и пострашней, но зарубцевались даже они, хоть и оставили по себе вечную память из шрамов. А вот душа... С этим не справился бы и самый искусный чародей, не то что простой сон. Впрочем, несмотря на бессонную ночь, спать совсем не хотелось. Хотелось... Чего?

– Твари Архона, – проворчал риор, он и сам не знал, что ему сейчас нужно.

Наверное, хотелось просто забыться и вернуть покой, который он утратил с того мгновения, когда увидел Борг, укутанный пеленой черных туч. Хотя с тем волнением он еще справлялся, но то, что пробудило проклятое зелье, с этим справиться никак не получалось. Слишком много всего разом навалилось на беглеца. И каждая новая минута, проведенная под крышей этого замка, уничтожала тщательно возведенную стену, отсекающую прошлое от настоящего, возрождая из небытия прежнего Райверна Дин-Кейра. Того, кто почти умер под яростными ударами меча ослепленной горем и болью дочери, потерявшей отца. Того, кто окончательно издох в муках в горном замке нового господина.

Когда-то объятая огнем душа превратилась в пепел и осела грязным серым осадком в теле молодого риора, скрыв и боль потери, и сожаления о несбывшемся. Тайрад наполнил опустевший сосуд новым смыслом и новыми желаниями. Он приблизил и возвысил высокородного изгнанника, оценив то, за что должен был бы гневаться. Райверн мог возражать лиору, и делал это, наплевав на разницу в положении. Наверное, ему было просто нечего терять. Это ли привлекло внимание лиора к мрачноватому смелому парню, или же у Эли-Харта были свои соображения, но они... подружились, если, конечно, можно было назвать это дружбой. Скорей покровительством, но бывшие враги мирно сосуществовали рядом вот уже восемь лет.

Кейр получил от господина замок, земли и новое имя, Тайрад сжал в пальцах новый клинок, мастерски отточенный воспитанием в Эли-Борге. Да, наверное, это и было настоящим предательством Райверна – он служил настоящему убийце отца Альвии, только ведь девять-то было некуда. Все остальные лиоры выдали бы беглеца госпоже Эли-Борга, если бы обнаружили на своих землях, а Эли-Харт нет. Он не выдал беглеца, когда Перворожденная потребовала этого впервые, не выдал и после.

Догадывался ли Тайрад, что Райверна пригнали к нему мысли о мести? Понимал ли, что приютил своего возможного убийцу? Может быть... Да, Кейр добрался до замка Эли-Харта и просился к нему на службу не ради спасения жизни, тогда еще нет. Риор мечтал принести голову истинного убийцы лиора своей госпоже, обелить имя своего рода и вымолить у нее прощения... А потом пришло известие о клятве, произнесенной дочерью над гробом отца, и Райверн понял, что прощения уже не будет. Его приговорили, не выслушав, и уже никогда слушать не станут. Клятва, данная мертвецу, была нерушима.

Пока тело еще находится на земле, а душа уже умчалась к Богам, любое слово, произнесенное рядом с покойником, сразу будет услышано Создателями, потому что возле мертвецов не клялись, и старались больше молчать, чтобы бестелесный гонец не отнес Высшим Силам чужие

помыслы. А Альвия поклялась, она дала обет, который теперь невозможно было ни отменить, ни забыть, ни оставить не исполненным.

После этого мысли о мести не покинули Кейра, но были отложены до поры, пока не разберется, что делать дальше. Единственное, что ему сейчас оставалось – это самому наложить на себя руки, потому что дважды убийце Перворожденного, по общему мнению, места на земле уже не будет. Но Райву умирать уже отчаянно не хотелось. Избегав смерти, вновь смотреть ей в лицо он не спешил. Вынужденный пока смириться с новой жизнью, он начал давить в себе воспоминания и прежние мечты. Выжигал боль, с яростным отчаянием окунувшись с головой в привычки и уклад двора Тайрада Эли-Харта, который славился разудалым весельем и легкостью нравов, чего не было в Эли-Борге. Строгость и почитание господина, к которым Райверн был приучен, сменились пьяным разгулом и остротами, порой балансирующими на грани между смехом лиора и удавкой его палача. А вместо трепета влюбленной души появилась похоть, которую он удовлетворял со знатными лейрами и безродными служанками.

На жизнь в пьяном забытии Райверн потратил два года, а после Тайрад ударил ладонью по столу и сказал:

– Довольно! Мне нужен воин, а не его подобие.

– Как угодно господину, – пожал плечами Райверн и выкинул в окно глиняную бутылку с вином. – Дайте мне два дня.

– Даю пять, но после я желаю видеть достойного мужа, а не ту кучу дерьма, в которую ты начал превращаться.

Риор пришел к господину через три дня. Придворный чародей и его чудодейственные снадобья поставили на ноги молодого мужчину. С этого момента Райв начал матереть, занимая при дворе Эли-Харта всё более важное место, став, наконец, советником лиора и его послом у дайр-имов, с которыми Дин-Одел научился находить общий язык лучше тех, кто был до него. Райверну нравилось изучать их обычаи, это было занимательным, и разговаривал с дайрами, как их называли все остальные, он на их языке, достаточно быстро выучив его, чем выигрышно отличался от своих предшественников, недооценивавших ум и силу подземного народа.

Выходит, и вправду сожалеть было не о чем? Райверн был обласкан, его достоинства оценены, нужды он никогда не испытывал. И так и было еще вчера, даже когда стоял перед тронем Перворожденной и нарочито вел свою речь так, чтобы отрезать любой намек на свое прошлое и подчеркнуть принадлежность Эли-Харту. Тогда к чему эти терзания? Зачем вновь огонь бежит по жилам, взметнув давно остывший пепел воспоминаний?

– Архон, – протяжно вздохнул Райверн. – Скорей бы убраться отсюда...

Стук в дверь прервал размышления хартийского посла.

– Кто? – с раздражением спросил риор, оборачиваясь на стук.

– Чародей, – отозвался незнакомый голос, и дверь открылась, являя сухопарого мужчину среднего роста в сером балахоне.

– Зачем? – Одел окинул незнакомца пристальным взглядом, не спеша предложить ему войти.

Впрочем, чародей и не ждал приглашения. Он уверенно прошел в покои, приблизился к мужчине, сидевшему в кресле, осмотрел его и кивнул своим мыслям. После протянул руку, но Райверн перехватил незваного гостя за запястье и уклонился в сторону.

– Зачем? – повторил он свой вопрос.

– Мне велели исцелить ваши раны, – глядя в глаза высокородного, ответил Ферим.

Райверн дернулся, словно по его разуму прошелся удар хлыста. В голове взорвалась ослепляющая боль, и риор стиснул зубы, чтобы не застонать в голос. Продлилось это всего лишь мгновение. Боль отступила, как только пальцы Дин-Одела разжались, и рука чародея оказалась на свободе.

– Очень хорошо, – прохладно улыбнулся Ферим. – Не стоит хватать меня, я не люблю этого.

Он вновь протянул руку к голове риора.

– Забавно, – вдруг усмехнулся Райверн, ощущая, как перестают саднить ссадины и ушибы.

– Что забавно? – скорей машинально спросил чародей.

– За сутки, что я нахожусь в Борге, я еще не прожил и нескольких часов кряду, чтобы не почувствовать новой боли, – с иронией ответил Дин-Одел и добавил, уже не глядя на чародея: – Но лучше б уж избил до полусмерти, чем то, что выживает мое нутро.

– В Борге вы не жертва – вы мертвец, высокородный риор, – произнес Ферим. – Здесь вы не найдете ни дружбы, ни сочувствия. Мы все помним, что вы были причастны к смерти нашего господина.

– Я знаю, – хмуро ответил Райверн. Он поднял взгляд на спокойное лицо чародея, но следов презрения или ненависти не увидел. – Это твоим зельем меня потчевала вечером Перворожденная?

– Моим, – Ферим сделал шаг назад и оглядел своего пациента.

– Занятная отравка, – усмехнулся риор.

– От отравы лиори отказалась, всего лишь снадобье.

Чародей снова потер руки, тряхнул ими и, наконец, посмотрел на изгнанника обычным взглядом, в котором промелькнула толика любопытства. Ферим сделал еще один шаг назад, сузил глаза и произнес:

– Я мог бы сгладить шрам на вашей левой щеке и сделать менее приметным шрам, который пересекает лицо.

– Нет, – решительно мотнул головой риор. – Я не хочу от них избавляться. Пусть остаются.

– Как угодно высокородному риору, – не стал спорить чародей. – Тогда моя работа закончена. Через пару дней от ушибов не останется даже воспоминаний. Прощайте.

И, чуть склонив голову, Ферим направился на выход. Райверн поднялся с кресла и все-таки задал свой вопрос:

– Она прислала тебя?

Чародей обернулся, сложил на животе руки и отрицательно качнул головой:

– Мне приказал прийти адер. Госпожа о вас не заговаривала.

– Дин-Таль, – черты Райверна на короткий миг стали жестче, – Он и шага не сделает без ее повеления.

– В отношении вас, да, – едва заметно улыбнулся чародей. – И никто не сделает.

Затем кивнул риору и уже не останавливался, пока не покинул гостевые покои. Райверн остался в одиночестве. Он кривовато усмехнулся и вернулся в кресло. Всё верно, его жизнь на землях Эли-Борга принадлежит лиори, и никто не осмелится забрать ее добычу, только род Кейр, но у них с сородичем собственные счета. Если бы не знак посланника Эли-Харта, риор не протянул бы здесь и часа.

Дверь вновь распахнулась, теперь без предупреждающего стука, и в покои вошли спутники Дин-Одела. Они приблизились к своему товарищу.

– Кто это? Чародей? Зачем он приходил? – засыпал вопросами Райверна Трим.

– Он исцелил Райва, – ответил Холлер. – Лиори не хочет, чтобы ее «гостеприимство» стало известно за пределами Борга. Но мы молчать не станем, наш господин узнает о том, как здесь встречают его послов.

Изгнанник изумленно распахнул глаза, теперь, когда отек исчез, он мог себе это позволить. После поднялся на ноги и замер напротив Холлера, с холодным интересом изучая его. Горец невольно отшатнулся из-под пристального взгляда. Райв в один шаг сократил расстоя-

ние между ними, подцепил цепь со знаком посольства и намотал ее на пальцы, не позволяя Холлеру вновь отойти, после приблизил свое лицо к лицу хартия и произнес, почти угрожающе понизив голос:

– Ты никому и ничего не скажешь, Хол.

– Господин...

– Ему плевать, – со злой усмешкой оборвал Холлера Дин-Одел. – А мне нет. Только посмей выставить меня на посмешище, и я вспорю тебе брюхо. А я так и сделаю, ты меня знаешь.

– Райв, – вмешался Трим, – это насмешка не над тобой, это плевок в лицо нашему...

Дин-Одел порывисто обернулся к горцу. Тот попятился назад, вспышка ярости бывшего боржца была слишком неожиданной и непривычной. Когда-то, во время первых лет его жизни в Эли-Харте, затянутых дурманом выжигающих нутро и разум страстей, Райверн частенько хватался за оружие, вспыхивая, словно сухая солома, но эти времена благополучно миновали и почти забылись. Боржец стал уравновешенным, и услышать от него издевку, произнесенную ровным тоном было намного проще, чем вывести из себя и заставить схватиться за меч. Но сейчас... Сейчас на хартиев взирал безумец, в чьих глазах бушевало яростное пламя.

– Что с тобой сделали, Райв? – неожиданно севшим голосом спросил Трим. – Опоили? Или же это чародей заморочил тебя?

И Дин-Одел вдруг успокоился. Он выпустил из ладони цепь Холлера, стряхнул с его плеча невидимую пылинку и вернулся в кресло.

– Вы ничего не скажете о произошедшем со мной ни Тайраду, ни кому-то еще, – сухо заговорил изгнанник. – Лиор знает, что радушного приема меня не ожидало, и вы осведомлены почему. Я – личный враг Перворожденной. И все-таки она не причинила мне вреда.

– Райв...

– Не причинила! – рявкнул риор, ударив ладонью по подлокотнику. – Я сам виноват. И если нас выдворят из Борга и из риората, то причиной тому окажется моя глупость. Если же такое произойдет, то юлить и лгать перед господином я не стану, расскажу, что послужило причиной изгнания посольства. Как он решит наказать меня – это его дело. Вам же хочу сказать лишь одно: кто решит почесать языком и выставить меня дураком, тот наживет себе врага. На этом всё.

Холлер прищурился, некоторое время рассматривал боржца, наконец, подошел ближе.

– Ты не подумал, что сейчас можешь сам нажать врагов? Мы ведь тоже не щенки.

Райверн повернул голову, смерил непроницаемым взглядом горца и ответил с плохо скрытой издевкой:

– Опасаются врагов те, кому есть, что терять, у кого за душой что-то большее, чем его собственная жизнь. В моей груди пусто, там даже души нет.

После отвернулся и устремил взгляд в окно. Сказать хартиям ему было нечего. То, что творилось с Райверном, их не касалось, и что-то объяснять горцам он не собирался. Риоры обменялись взглядами, Трим махнул рукой и развернулся к выходу. Холлер задержался еще на мгновение. Он некоторое время продолжал рассматривать Дин-Одела, после открыл рот, собираясь что-то сказать, но лишь покачал головой и последовал за Тримом. Райв снова закрыл глаза и постарался вообще ни о чем не думать...

* * *

А вот лиори думала. Она сидела во главе стола, по обе стороны которого расположились ее советники, переводила взор с одного риора на другого и едва заметно кивала, показывая, что слушает говорившего.

– Союз с Эли-Хартом – это позор для нас, – самый старший из советников – риор Дин-Лирн, служил еще покойному лиору, и даже застал деда Перворожденной перед тем, как мор унес его жизнь, осиротив риорат. – Моя госпожа, вы не можете протянуть руку убийце вашего отца...

– Высокородный... – негромко произнесла Альвия, и советник опустил глаза:

– Простите, Перворожденная, я забылся, – Дин-Лирн вновь посмотрел на лиори, дождался ее кивка, позволившего продолжить, и возобновил речь, уже стараясь не горячиться. – Эли-Харт – наш извечный противник. Ни с кем Эли-Борг не воевал столько, сколько с этим соседом. У меня нет доверия лиору Тайраду.

– Согласна с вами, риор Дин-Лирн, – ответила Альвия. – Вы говорите верно. Эли-Харт нам никогда не был другом, набеги хартиев унесли жизни многих поколений боржцев, но и Эли-Борг взял плату жизнями с горцев. И вы, безусловно, правы, я бы с радостью перерезала горло Тайраду, но не протягивала ругу, однако союз с горцами может обеспечить нашим границам долгожданный покой. Если Эли-Харт имеет виды на наши богатства, он не посмеет нарушить соглашений, заключенных в свадебном договоре. К сожалению, это политика, мой дорогой риор, и, как правитель риората, я не могу думать о личных счетах, когда дело касается жизни моих подданных.

Дин-Вар поднял руку.

– Говорите, – разрешила лиори.

– Эли-Харт воинственен. Он легко разрушает союзы и нарушает договоренности, поэтому может в любой момент затребовать нашего участия в своих войнах. К тому же лиор плохо справляется с дайрами. Как бы он не вздумал сослаться на выучку наших ратников, чтобы отправить их вместо своих воинов разбираться с дикарями. Дайры не менее хитры, чем Тайрад. Они, будто кроты, изрыли горы тайными проходами, в которых, наверняка, полно ловушек. Если бы была возможность указать грань для посягательств лиора, мы бы только выиграли от этого.

– Вы верно мыслите, риор Дин-Вар, – согласилась Альвия. – Тайрад любит добывать угли из огня чужими руками. Ограничения нашей помощи должны быть непременно указаны.

Риор Дин-Солт поднял руку, привлекая к себе внимание, Перворожденная кивнула, позволяя говорить.

– Моя госпожа, я хочу отметить еще одну выгоду от этого союза – Эли-Ториан. Они перекрывают нам выход к Бурной, и это сильно увеличивает наши торговые пути. Торговые обозы вынуждены идти в обход, по землям двух риоратов, чтобы переправиться на противоположный берег и продолжить путь до равнинных риоратов по земле. Это приносит убыток, порой и вовсе потерю товара. Эли-Ториан издавна поддерживают дружбу с Эли-Хартом, и через свадебный союз мы получим, наконец, долгожданный договор с торианами.

– Но придется идти через Эли-Харт... – возразил Дин-Фойр, и Дин-Солт ответил:

– И он нас пропустит без всякой пошрины, если мы позволим его обозам проходить Эли-Борг на тех же условиях. От речного пути мы получаем много больше, чем теряем в результате упразднения или снижения дорожной пошрины для Эли-Харта.

– Да, – кивнула Альвия, – Эли-Ториан может открыть перед нами свои просторы и выход к Бурной. В будущем мы можем предложить свой договор торианам и поставить у их причалов свои корабли. Это было бы недурно и весьма выгодно. Да, это выгода для Эли-Борга. Кто еще желает высказаться, высокородные риоры?

Дин-Таль поднял руку, и лиори сделала приглашающий жест.

– Если мы примем предложение Тайрада, стоит ограничить не только нашу помощь, но и количество воинов, которое мы можем предоставить Эли-Харту. Змей хитер и предусмотрителен. Если он затевает какую-то подлость, то постарается обескровить нас, этого нельзя допустить.

– Я позабочусь об этом, – едва заметно улыбнулась Альвия.

– И я бы предложил обязать Тайрада к принятию закона о запрете нападения на пограничные крепости Эли-Борга, – продолжил Дин-Таль. – Закон вынудит его ввести наказание за набеги на границы Эли-Борга. Или же он предоставит право наказания нам.

– Думаю, это возможно сделать, нам есть, чем надавить на Тайрада, – согласилась лиори. – Разумная мысль. Посмотрим, насколько выполнимая, но если уж идти на соглашения с Эли-Хартом, стоит взять всё, что мы сумеем вырвать у горца.

– А я все-таки не доверяю Тайраду, – произнес Дин-Лирн. – Он многократно доказал, что верить ему не стоит.

– Вы правы, мой дорогой риор, – улыбнулась Перворожденная. – Моя душа протестует, но во мне говорит скорбящая дочь, а разум требует увидеть выгоды для риората, и они нашлись, и немалые. Мы будем настороже. К тому же расторжение всех соглашений не нанесет нам ущерба столько, сколько нанесет новая война, если мы вновь ударим по самолюбию Тайрада. Мне бы хотелось удержать мир в Эли-Борге до тех пор, пока я не рожу наследника. Если династия Боргов исчезнет, это приведет риорат к краху.

Советники переглянулись. Этот разговор назревал давно, но высокородные не решались спрашивать лиори об избраннике слишком часто. Они наблюдали за связью Перворожденной с ее адером, надеялись, что однажды дело кончится свадьбой, но шли не месяцы, а годы, а Альвия не спешила порадовать подданных.

– Моя госпожа, – осторожно заговорил Дин-Вар, – когда же мы сможем приветствовать рождение вашего наследника? Мы не сможем удерживать мир вечно, особенно, если Тайрад захочет играть на этом...

– Думаю, не больше чем через полтора года крик моего первенца огласит стены Борга, – ответила лиори. – Сегодня вечером я назову имя своего избранника.

Взгляды риоров сошлись на Дин-Тале, но адер остался невозмутим, ничем не выдав своих чувств и мыслей. И все-таки советники не сомневались, чье имя прозвучит сегодня, и на губах некоторых из них мелькнула мимолетная улыбка. Выбор Перворожденной они одобряли и поддерживали. Тиен Дин-Таль ни единожды доказал свою преданность Альвии и покорность ее воле. Да, он был лучшим из тех, на ком лиори могла остановить свой взор.

– Высокородные риоры, хочет ли еще кто-то высказать свои соображения о предложении Эли-Харта? – Ответом была тишина. Совет заседал уже около двух часов, и сказано было немало, похоже, добавить к этому было нечего. Альвия поднялась со своего места. – Что ж, высокородные риоры, благодарю вас и отпускаю до назначенного часа. Оглашение имени моего избранника произойдет перед вечерней трапезой.

Перворожденная первой покинула зал Совета. В руке она держала послание Эли-Харта и его мысли, которые написал Ферим. Оставалось, как следует, ознакомиться с ними и навестить Ирэйн, чтобы выслушать, о чем надумалось в кухне, и уже потом все хорошенько обдумать, собрав воедино всё, что у нее имелось за и против союза с Эли-Хартом. Но размышлять лиори собиралась наедине с собой. Пока же Альвия возвращалась в свой рабочий кабинет, чтобы заняться насущными делами. Литы, ее вечные спутники, шли рядом, зорко следя за каждым, кто попадался навстречу Перворожденной, а в том, что они не позволят мирной тишине усыпить свою бдительность, госпожа не сомневалась ни единого мгновения...

День неумолимо катился к своему окончанию, и когда Альвия отложила перо и потянулась, разминая затекшие мышцы, за окном уже сгустились сумерки, предвещая скорый приход ночи. Лиори скрыла зевок в ладони, перечитала то, что написала в нескольких вариантах союзного договора, побарабанила пальцами по столу и поднесла один из листов пергамента к огоньку свечи. После опустила его в медное ведро, стоявшее рядом со столом, и подбросила в огонь еще несколько листов. Последний, которым Перворожденная осталась наиболее довольна, убрала в ящик стола, ключ от которого имелся только у нее одной.

Дождавшись, когда пергамент сгорит полностью, Альвия плеснула в ведро воды из кувшина и, наконец, поднялась из-за стола. Пора было покинуть уютную тишину кабинета и вернуться к придворным, ожидавшим свою госпожу. Литы склонили головы, как только открылась дверь, и устремились за Перворожденной. Она вернулась в свои покои, чтобы переодеться. Молчаливая стайка служанок выпорхнула к лиори, как только госпожа пересекла порог своих комнат.

– Пусть призовут мне лейру Борг, – велела Альвия.

Одна из девушек поклонилась и поспешила исполнить приказание госпожи. Лиори усмехнулась, личной обслуге и литам не приходилось повторять дважды, они всегда и всё понимали сразу. И словно в ответ на мысли Перворожденной раздался стук в дверь и появился тот, с кем мысленно провела аналогию Альвия, подумав о быстрой исполнительности прислуги.

– Высокородный риор Тиен Дин-Таль просит принять его, – сообщил лит.

– Впустите, – позволила лиори. Тиена она ожидала увидеть, он должен был сопровождать госпожу.

Риор появился в дверях, встретился взглядом с Альвией и прошел к креслу, не спрашивая одобрения. В покоях лиори у него была такая привилегия. Адер уселся, закинул ногу на ногу и посмотрел на Перворожденную. Она ответила коротким вздохом и ушла переодеваться. Тиен улыбнулся своим мыслям.

– Прикажи пригласить послов Эли-Харта, – донеслись до риора слова лиори.

Улыбка померкла на устах высокогородного, он нахмурился. По всем правилам и законам то, что не подлежало сокрытию, оглашалось в присутствии двора и посланцев других риоратов, ежели те находились в стенах замка, где проживал правитель. И касалось это не только Эли-Борга. И тем более невозможно было не пригласить послов государства, с которым собирались породниться. Промеж родственников тайн не было. И уж тем более нельзя было скрыть такую важную новость, как грядущая свадьба лиори. Это было бы оскорбление недоверием. Всё это Тиен Дин-Таль знал и понимал, и все-таки... И все-таки сердце и разум вдруг восстали против этого решения.

Риор досадливо поджал губы, поднялся с кресла и направился к Альвии.

– Возможно, стоит избежать присутствия послов Эли-Харта, – заговорил он, останавливаясь у закрытой двери.

– Почему? – услышал он вопрос, заданный спокойным тоном.

– Ваша встреча с Кейром утром привела тебя в дурное расположение духа, – ответил Тиен, приваливаясь плечом к стене. – Мне бы не хотелось, чтобы новая встреча испортила и вечер.

– Чушь, – отмахнулась лиори. – Я уже давно взяла себя в руки. К тому же мне нет надобности оставаться с ним наедине и выслушивать очередной вздор.

– Один его вид...

Дверь распахнулась и на пороге появилась Перворожденная. На ней было надето платье из мерцающей серебристой ткани, расшитое жемчугом. Часть волос была собрана и убрана под жемчужную сетку, остальные волосы падали на спину лиори потоком темного водопада. И без того холодные глаза Альвия теперь казались кусочками льда, мерцавшими в свете множества свеч, зажженных в покоях. Венец власти покоился на высоком челе, напоминая, кто стоит перед риором.

И все-таки он не склонился в поклоне. Тиен протянул руку и коснулся щеки Перворожденной тыльной стороной ладони.

– Ты прекрасна, – негромко произнес Дин-Таль.

– Угодна ли тебе такая супруга? – лукаво улыбнулась Альвия.

– Об иной и не мыслью, – ответил он, скользя по лицу лиори восторженным взглядом. Вдруг поймал ее за руку и рывком притянул к себе, заключая в объятия. – Я скучал, – шепнул Тиен и прижался к ее губам.

Она ответила на поцелуй, обвила шею риора руками, зарылась пальцами в волосы и прижалась всем телом, ощущая знакомое тепло его тела. Но позволила поцелую продлиться совсем недолго. Лиори отстранилась, но объятий не разомкнула.

– Али... – снова шепнул Дин-Таль.

– Госпожа, – ответила она, глядя мужчине в глаза. – Когда я отдаю указания, со мной не спорят, высокородный риор, а исполняют немедленно. За сегодняшний день вы уже не в первый раз отказываете мне в повиновении.

После этого убрала руки от Дин-Талья и обошла его.

– Лиори...

Альвия обернулась:

– Отчего челядь лучше понимает меня, чем знать? Неужели мне нужно постоянно напоминать, кто я? Почему мои повеления оспариваются?

– Я не оспаривал! – возмутился адер.

– И сейчас?

– Я всего лишь высказал соображения, как один из ваших советников, Перворожденная, что послы Эли-Харта могут омрачить этот вечер, – уже ровно произнес Тиен. – Или, если вам угодно, один из послов Эли-Харта.

– Они посланники дяди будущего мужа моей кузины, – отчеканила Альвия. – Я не могу оставить их в стороне от известий о важных переменах, которые ожидают Эли-Борг. Имя моего избранника будет оглашено по всем правилам, мне не от кого таиться, Тиен. Ты услышал меня?

– Разумеется, Перворожденная, – склонил голову риор. – И как один из ваших советников и ваш избранник, я хотел позаботиться о вашем покое.

– Мой покой со мной, адер. Потому попрошу не расстраивать меня, пока вы не вступили в права мужа и не получили некоторые привилегии, мой дорогой жених. А теперь...

– Жених?

Альвия и Дин-Таль обернулись к дверям, где на пороге застыла лейра Борг. Ирэйн она обладала привилегией, и если не было особого распоряжения, могла войти без доклада. Она растерянно переводила взгляд с лиори на адера, наконец, отмерла и улыбнулась. Улыбка вышла неестественной, но девушка склонила голову, приветствуя госпожу, и когда распрямилась, на лице ее была привычная маска покоя. Только на щеках горел румянец.

– Вы все-таки решились, моя госпожа, – произнесла Ирэйн, приближаясь к замершей паре. – Я рада, что вы остановили выбор на риоре Дин-Тале, он достойный муж и ваш верный слуга. Могу ли я поздравить вас с помолвкой?

– Можешь, – прохладно улыбнулась Альвия. – А что скажешь мне ты, Ирэйн? Как ты решила поступить?

Лейра Борг сложила на животе руки, бросила короткий взгляд на Дин-Талья, но тот уже отошел в сторону, не мешая беседе родственниц. А через короткое мгновение адер и вовсе покинул покои госпожи, чтобы исполнить ее приказ. Девушка коротко вздохнула.

– Я готова ответить согласием, лиори. Это ведь не так уж и плохо, верно? Союз с Эли-Хартом уберезет нас от войны. Вы ведь не позволите обидеть меня, не так ли?

– Ворота Борга всегда открыты для тебя, Ирэйн, – ответила Перворожденная с улыбкой и обняла родственницу. – Но как же тот, кто не оставил тебя равнодушной?

– О, кузина Альвия, – ответная улыбка лейры Борг вышла печальной. – Тот, кто взволновал меня, несвободен, как я и говорила вам. И, кажется, совершенно счастлив с другой женщиной. Я не посмею мешаться промеж них. Пусть будет, как есть, а я отправлюсь к иному жениху. Возможно, именно он даст мне то, о чем я грежу.

– Будь, по-твоему, Ирэйн, – кивнула лиори. – Как только будет готов союзный договор, я отправлю его Эли-Харту вместе с моим согласием.

– Значит, сегодня вы еще не огласите своего согласия? – лейра Борг вскинула взгляд на кузину.

– Нет, сегодня я оглашу имя своего избранника.

– А свадьба? Мне нужно ждать, когда вы и риор Дин-Таль...

– Нет, тебя я выдам замуж раньше, и на моей свадьбе ты появишься уже вместе с мужем.

– Как будет угодно моей госпоже, – склонилась Ирэйн. – Я могу быть свободна?

– Разумеется, – ответила Перворожденная. Она дождалась, пока кузина покинет ее покои и взглянула на адера, стоявшего на пороге. – За ними отправились?

– Да, лиори.

– Тогда подойди ко мне, я награжу тебя за твою исполнительность, – лукаво улыбнулась Альвия.

Дин-Таль с усмешкой покачал головой и приблизился, но, так и не дойдя до лиори, остановился в двух шагах от нее.

– Какую награду желает вручить мне госпожа? – спросил он ровным тоном.

– А какую награду вы хотели? Замок, земли, золото, лучшего скакуна из моих конюшен? – любопытствовала Перворожденная.

– Вы обещали мне красавицу жену, – напомнил адер. – Я предпочел бы получить именно ее.

– Но жены так недолговечны, – удрученно вздохнула лиори. – Их не передашь по наследству, не погарцуешь под завистливыми взглядами других риоров...

– Моя госпожа просто не знает, сколько удовольствия может доставить жена, оседлавшая мужа, – ответил Дин-Таль. – Я предпочту, чтобы она гарцевала на мне без завистливых взглядов других риоров, иначе мне придется перерезать глотку каждому завистнику.

– Какой вы кровожадный, мой дорогой адер, – покачала головой Перворожденная. – Стало быть, всего лишь жена? И все-таки замок...

– В Архон замок, – отмахнулся риор, наконец, сокращая расстояние, разделявшее его с лиори. – Хочу жену.

– И вы ее получите, – ответила Альвия, поднимая голову и заглядывая в глаза Дин-Таля. – Мое слово неоспоримо и неизменно.

– Люблю тебя, – шепнул Тиен и накрыл губы госпожи своими губами.

Она ответила, на мгновение прижавшись к адеру всем телом, но быстро отстранилась и указала взглядом на дверь:

– Время не ждет. Пора радовать моих подданных долгожданным известием.

– Пора, – кивнул риор и подал руку Перворожденной.

– Ирэйн согласна на свадьбу с племянником Тайрада, ты готова дать согласие? – спросил Тиен, когда они уже покинули покои лиори.

– Дождусь известий от шпионов Дин-Вара, – ответила она.

– А послы?

– Подержу для порядка еще пару дней и отправлю с глаз долой. Ответ Эли-Харту отвезут мои послы.

– Недурно, – улыбнулся адер, и будущие супруги продолжили путь к тронной зале...

* * *

В гостевой части замка царила тишина. Послы Эли-Харта развлекали себя игрой в кости, ставя на кон маленькие суммы, чтобы был хоть какой-то интерес. Разговаривали они мало, лишь изредка перебрасывались репликами, нарушая затянувшееся молчание. И когда в дверь

покоев Холлера, где собрались риоры, раздался стук, мужчины одинаково вздрогнули. Трим тихо выругался, от визитов к ним, посланцы уже не ожидали ничего хорошего.

– Кто там? – крикнул Холлер, разделивший чувства своего соплеменника.

Райверн откинулся на спинку стула и устремил взгляд на дверь, он не издал ни звука, просто ожидая развития событий. На пороге появился распорядитель Борга. Он учтиво склонил голову и произнес, ни на кого не глядя:

– Высокородные риоры приглашены в тронную залу и на последующую торжественную трапезу по случаю важных известий, которые огласит Перворожденная.

– Что за известия? – вырвалось у Холлера. – Предложение нашего господина принято?

– Прошу следовать за мной, высокородные риоры, – вместо ответа сказал распорядитель и вышел за дверь.

– Твари Архона, – проворчал Трим, – что еще придумала лиори?

– Возможно, мы, наконец, сможем покинуть Борг, – ответил Дин-Одел, ощутив оживление.

Вымотанный за эти сутки своими переживаниями и воспоминаниями, он был рад убраться из Эли-Борга, вновь зализать открывшиеся раны и вернуть утраченный покой. Да, Райверн хотел покинуть замок. Его товарищи согласно кивнули, они тоже были не прочь стряхнуть с плеч напряжение, не отпускавшее их с самого утра. Мужчины поправили одежду, пригладили волосы и направились на выход, ощущая предвкушение, только вот будоражило их разное. Если Трим и Холлер радовались тому, что привезут господину добрые известия, то Райверну было плевать на успех посольства. Да и неизвестно еще, как ответила Альвия, возможно, она отвергла предложение Тайрада. Изгнаннику вообще было плевать на то, что ответит Эли-Харту Перворожденная. Его томило иное – новая встреча.

Как бы он ни старался, как бы ни гнал прочь воспоминания о правительнице Эли-Борга, но мысли то и дело возвращались к ней, то воскрешая образ строгой девушки, то окуная в свежие воспоминания прошедшего дня, являя уже взрослую женщину, полную внутренней силы и невероятной притягательности. Это бесило, заставляло скрежетать зубами, но перестать думать об Альвии, ненавидевшей его всей душой, Райверн не мог.

– Этот морок скоро развеется, – уговаривал себя Одел.

Но наваждение только еще сильнее опутывало его своими щупальцами, проникая в кровь, отравляя разум грезами о несбывшемся. Наконец, устав от борьбы с самим собой, риор отправился к горцам и просидел с ними до того момента, пока их не призвала лиори. Компания хартиев немного успокоила, но напряжение никуда не ушло, и теперь, вышагивая по переходам замка, изгнанник казался спокойным лишь внешне. Внутри него бушевала буря, где сплелись в тугой жгут два одинаково сильных желания: увидеть Альвию и не видеть больше никогда. Сердце вдруг ощутило знакомый с юности трепет, когда до тронной залы осталось совсем немного. Сладко заняло в груди от предвкушения скорой встречи, но тут же всколыхнувшаяся горечь придала надежде терпкий привкус отчаяния. Райверн мотнул головой, отгоняя прочь ненужные чувства, и шагнул в широко распахнутые двери.

Тронная зала уже была наполнена придворными, сановниками и приближенными лиори Эли-Борга. Они негромко переговаривались, гадая, для чего их собрали здесь. Люди обменивались догадками, переходили от одного собеседника к другому, пользуясь отсутствием госпожи. Но стоило послам Эли-Харта войти в двери, как негромкий гул голосов, наполнявший воздух, мгновенно стих, и взгляды всех собравшихся обратились на горцев. Скользнули по двум хартиям и сошлись на бывшем соотечественнике. Райверн на мгновение прикрыл глаза, ему вдруг показалось, что сейчас он пройдет под градом из камней. Он так ясно ощутил ледяную глыбу вдруг навалившуюся на него. Казалось, еще миг, и она раздавит, превратит в кровавое месиво. Дин-Одел скользнул взглядом по людям и судорожно втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Они все помнили...

Распорядитель повел послов к определенному им месту. Шаги четырех мужчин, казалось отдавались гулким эхом под сводами тронной залы, но Райверн не слышал ни звука. Сердце, сорвавшись с обычного ритма, рвануло вскачь, бушующая кровь отразилась глухим буханьем в ушах, заглушив все прочие звуки. Только сейчас он осознал, насколько неуместен здесь, и порыв увидеть еще раз родные места показался ему глупым ребячеством. Он не должен был приезжать... И все-таки он здесь.

Изгнанник задрал повыше подбородок, лишь бы не опустить глаза и не выглядеть побитым, чувшим свою вину псом. С непроницаемым взглядом и деревянной спиной Райверн прошел мимо боржцев, сопровождаемый их взглядами и гробовым молчанием. Занял свое место и едва заметно выдохнул, пытаясь расслабиться. Хартии, ощущая скрытую угрозу, встали рядом с Кейром плечом к плечу, машинально потянувшись туда, где должен был висеть меч, но пальцы сжали лишь воздух.

– Перворожденная Альвия лиори Эли-Борга!

Объявил распорядитель, и голос его показался раскатом грома. Он промчался по зале, обрушился на головы присутствующих, и люди слаженно развернулись к входу, а после склонились перед повелительницей риората, появившейся в дверях. Она прошла, накрыв пальцами тыльную сторону ладони адера, в сопровождении литов, сейчас шагавших по обе стороны от госпожи, создав ей живой коридор. Величественная и недоступная, отстраненно холодная, она поднялась на возвышение, так и не отпустив Дин-Талья. Он остановился на второй ступеньке сверху, и к трону Перворожденная подошла в одиночестве. Литы остались внизу. Тихо звякнул металл, когда они достали свои мечи из ножен и, подняв вверх, уместили плашмя на правом плече. Так и замерли каменными истуканами у изножья трона ледяной повелительницы, чей наряд еще более усилил это впечатление.

Райверн тяжело сглотнул, рассматривая женщину, ставшую его первой и, кажется, единственной любовью. Он жадно всматривался в спокойные черты, пытался поймать взгляд, заметить хоть что-то, что бурлило утром в Перворожденной, давая понять, что она – человек из плоти и крови. Однако сейчас перед троном застыла лиори, в которой не было и толики от хорошо знакомой ему Али. Тяжелая аура властности, разлившись по залу, опустилась на плечи людей, придавив их к месту. И все-таки Райверн не смог отвести глаз, кажется, даже не моргал.

– Народ Эли-Борга, – разнесся над залом негромкий, но хорошо слышимый каждому голос Перворожденной, – я созвала вас, чтобы огласить свое решение. Я знаю, вы все давно ожидали этого часа, и он настал. Сегодня я назову имя мужчины, которого избрала себе в мужа. – Альвия оглядела подданных, на губах ее мелькнула легкая улыбка, когда она заметила несколько удивленных, но все-таки радостных лиц. А затем все взгляды сошлись на адере, и лиори не стала тянуть: – Высокородный риор Тиен Дин-Таль сопроводит меня в храм в назначенный день и станет отцом моего первенца и будущего лиора Эли-Борга. Да восславятся всемилостивые Боги, и да снизойдет на земли Эли-Борга их благодать. Риор Дин-Таль.

Тиен поднялся на одну ступень выше, и теперь почти сравнялся с лиори, почти... Теперь это было его место. Супруги лиоров никогда не вставали вровень со своими мужьями, не встанет рядом с лиори и ее муж – таков закон.

«Правитель одинок, дитя мое. Надев венец, ты возносишься над всеми, и над теми, кто был тебе близок. Люди всегда должны помнить, кто ты, а кто они. Попустительство порождает своеволие и мнимую вседозволенность. Есть минуты, когда друзьям позволено обратиться к тебе по имени, но как только время иссякло, они вновь твои подданные. Это должна помнить ты, это должно стать законом для них».

«Я запомнила, отец».

Милостиво улыбнувшись, Альвия шагнула к своему жениху, уже оглашенному во всеуслышание. Он склонился, после взглянул на лиори, и в глазах Дин-Талья отразились все те

чувства, что обуревали его сейчас под маской невозмутимости. Нежность, восторг, ликование, счастье...

– Боги, – едва слышно шепнул Тиен, глядя на свою невесту, – Али...

Она улыбнулась адери, накрыла его руку своей ладонью и несильно сжала ее, отзываясь на его невысказанное признание. Они спускались по ступеням под взглядами придворных, тут же почтительно склонившихся, как только лиори и риор ступили на пол. Литы слаженно вернули клинки в ножны и двинулись вперед, вновь создав живой коридор. Придворные поднимали головы, как только Перворожденная и ее избранник проходили мимо, на лицах их были улыбки. Тревога за будущее Эли-Борга отпустила. У риората будет наследник, и значит, благословение Богов не оставит эти земли.

– Райв, ты, как старший в посольстве, должен будешь поздравить лиори с выбором.

– Что?

Райверн обернулся. Глаза изгнанника сейчас казались совершенно черными из-за расширившихся зрачков. Полубезумный взгляд остановился на Холлере и застыл, словно изгнанник был сейчас где-то далеко от Борга. Кажется, он даже не понял смысла слов, сказанных ему. Риор снова повернулся в сторону трона, уставился слепым взглядом на опустевшее возвышение, и хартий, сжав его плечо, тряхнул с силой, заставляя вернуться в реальность.

– Хол, лучше тебе сделать это, – негромко произнес Трим.

– Что сделать? – хрипло спросил Дин-Одел.

Взгляд его, наконец, обрел осмысленность, и бледность, разлившаяся по лицу, сменилась более здоровым цветом.

– Мы, как послы нашего господина, должны поздравить лиори с выбором... – Хартий оборвал сам себя, глядя на то, как судорожно вздохнул Райверн и рванул воротник камзола, будто ему не хватало воздуха. – Твари Архона, – мрачно выругался Холлер, – нам нужно отвести его в покой.

– Да что с тобой, Райв? – Трим шагнул ближе. – Очнись, ты словно в пропасть Архона заглянул.

Губы Дин-Одела искривила ухмылка. Пропасть Архона... как верно подмечено. Он и стоял на ее краю, всё еще балансируя, пытаясь удержаться от падения.

– Нужно увести его, – повторил Холлер.

– Как ты это сделаешь? – всплеснул руками Трим. – Нас призвали, потому что так велит обычай, и, как посольство дружественного риората, мы должны последовать на торжественную трапезу, – он бросил взгляд через плечо: – За нами идет распорядитель.

– Со мной всё хорошо, – тускло отозвался Райверн. – Дайте мне еще немного времени.

– Высокородные риоры? – хартии обернулись с учтивыми полуулыбками. Распорядитель ответил легким поклоном: – Прошу следовать за мной, вас ожидают на торжественной вечерней трапезе.

– Наш товарищ нездоров, мы можем проводить его в покой? – спросил Холлер, продолжая стискивать плечо Райверна.

Дин-Одел сбросил руку хартия и расправил плечи.

– Со мной всё хорошо, – уже твердо повторил он. – Мы готовы последовать за вами.

– Прошу, – распорядитель направился вперед, посольство Эли-Харта двинулось следом.

Дин-Одел опередил своих товарищей, те обменялись за его спиной встревоженными взглядами. Райверн яростно растер лицо ладонями, заставляя себя очнуться. Что, собственно, произошло? Ничего. Ничего! Лиори давно должна была сделать выбор, и по Боргу могли бегать уже пара ее отпрысков. И это было бы правильным! Эли-Боргу нужны наследники, а без законного избранника их рождение невозможно. Всё верно, всё так, как должно быть. Он знал, что это произойдет рано или поздно, как знал, что уже никогда не встанет на место, которое занял Дин-Таль.

– Проклятье, – тихо выругался Райверн.

Он всё это прекрасно осознал, но... Но утро отозвалось на слова лиори черной волной протеста и негодования. И как бы сейчас Райверн не уговаривал себя, что он не смеет ревновать, что бывшее никогда не вернется, разум оказался глух к собственным доводам. Риор раз за разом вспоминал, как Дин-Таль оборачивается к Альвии, что-то говорит ей, и в голове билось только одно слово – вор. Вор! Ревность всё сильнее затягивала в вязкий омут, лишала возможности сделать хотя бы один вдох. Очертания Борга вдруг смазались перед взором Райверна, и он покачнулся, слепо выставив перед собой руку.

– Архон, – тут же выругался Холлер и стремительно поравнялся с Дин-Оделом. – Райв...

– Со мной всё хорошо, – отчеканил Райверн, в третий раз повторив свое заклинание.

– Тебе лучше... – начал Трим, оказавшийся по другую руку изгнанника, и тот резко обернулся и ухватил горца за горло:

– Не смей мне указывать, – прошипел Райверн, бешено сверкнув глазами.

Придворные успели уже удалиться, и никто не увидел эту вспышку ярости, кроме стражи и распорядителя. Дин-Одел выдохнул, отпустил Трима и независимо повел плечами. Холлер, покачивая головой, обменялся взглядом с товарищем. Тот на мгновение скривился, бросив на боржца злой взгляд, но тряхнул коротко остриженными волосами и выдохнул, заставляя себя успокоиться. Впрочем, безумца озабоченность и злость горцев волновали мало.

Он вошел в большую трапезную залу, не видя ничего и никого вокруг, кроме тех, кого желал видеть. Сейчас изгнаннику были безразличны и взгляды бывших соотечественников, и вновь притихшие голоса. Взор чуть расширенных глаз был устремлен на лиори.

– Высокородный риор, – остановил его распорядитель, когда Дин-Одел прошел мимо него.

Райверн поджал губы, бросил еще один взгляд на Альвию, кажется, совсем не замечавшую его, и последовал на указанное место. В этот раз Перворожденная отошла от обычая. Посольства усаживали ближе к правителю, но сегодня место хартиям определили в удалении от лиори, на другом конце длинного стола. Придворные скрывали их от взора Перворожденной, как и ее от взгляда того, кого она не желала видеть, но была вынуждена терпеть.

Ладонь Холлера легла на плечо Райверна, хартий надавил, заставляя Дин-Одела усесться. Они с Тримом разместились по обе стороны от изгнанника, закрывая его от боржцев мощным телом Трима. Впрочем, Райверн, кажется, растерял весь пыл, как только оказался сидящим на стуле. Его взгляд устремился на стол, и риор затих, перестав обращать внимание на тех, кто находился в трапезной. Горцы немного расслабились и понадеялись, что разум возвращается к их товарищу. Ему было плевать и на эти чаяния хартиев, он продолжал гореть в костре своей памяти...

* * *

– Здесь красиво...

Прозрачный ручей с хрустальным перезвоном бежит по круглым камешкам. Под ногами стелется изумрудным ковром мягкая трава. Солнечный свет заливает рощу, ныряет в густые кроны деревьев, сползает по шершавым стволам и, крадучись, подбирается к девушке, присевшей возле ручья. Она сложила ладони чашей и опустила в прохладную воду, зачерпнула ее и повернулась к молодому риору, шурясь от яркого света.

– Кажется, ты хотел пить?

Он не хотел, его жажда была иной. И все-таки, глядя в глаза своей спутницы, вдруг ощутил, как пересохло в горле. Риор опустился на колени подле дочери лиора, сжал ладонями ее руки и почувствовал, как вода убегает сквозь тонкие пальцы Альвии.

– Пей же, – говорит она. Губы лейры подрагивают, она пытается сдержать улыбку, но она всё равно прорывается наружу. Смущенная, чистая, ласковая...

Райверн нагнулся к ее ладоням, сделал глоток и вновь посмотрел на девушку. Ее глаза были закрыты, и на губах играла всё та же улыбка, вдруг затмившая солнечные свет. И Райв не удержался. Он склонился и осторожно коснулся губами приоткрытых уст Альвии. Ее ресницы дрогнули, и глаза открылись.

– Что ты делаешь, Райверн? – спросила она шепотом.

– Утоляю жажду, – также шепотом ответил молодой риор.

– Я ведь предложила тебе воды.

– Ее мне не хватило.

– Перед тобой ручей, в нем воды точно хватит.

– Даже море не избавит от моей жажды.

– Что же поможет тебе, Райв?

– Твое дыхание, Али, если ты позволишь выпить его с твоих губ.

– Зачем тебе мое дыхание?

– Без него я задохнусь.

– Какая странная жажда. И как часто она мучает тебя?

– Каждый раз, когда я думаю о тебе.

– Значит, ты умрешь без моего дыхания?

– Умру.

– Я хочу, чтобы ты жил, Райверн Дин-Кейр. Выпей столько, сколько тебе нужно и утоли свою жажду.

– Али...

* * *

Райверн судорожно выдохнул и вынырнул из темных вод своей памяти.

Его шальной взгляд остановился на наполненном кубке. Дин-Одел сжал позолоченный сосуд в кулаке и единым махом осушил его. Терпкое темно-красное вино обожгло гортань, потекло дальше, подогревая и без того бушующее внутри риора пламя. Но этого было мало. Всего лишь капля, не замутнившая чистых вод ручья, обещавшего совсем иную жизнь восемь лет назад. Райверн махнул рукой, и виночерпий снова наполнил его кубок.

– Не отходи, – велел риор.

Второй кубок опустел так же быстро, как первый, за ним третий и четвертый, пока Холлер решительно не вырвал хмельную чашу из руки Дин-Одела.

– Довольно, – отрывисто произнес хартий.

– Да, – согласился Райверн. – С меня довольно.

Трим переводил тревожный взгляд с изгнанника на распорядителя, уже второй раз давшего знак, что они могут подойти к лиори и поздравить ее с важным событием в жизни риората. Это был обычай, такой же, как и их присутствие на оглашении имени избранника. Отказаться – оскорбить повелительницу Эли-Борга, как и всех ее подданных.

– Архон, – выругался горец. – Нам нужно идти к лиори.

– Так чего же мы сидим? – Райверн первым поднялся с места. – Нам ведь есть, что сказать Перворожденной и ее... избраннику, – последнее слово он выплюнул, вложив в него брезгливость и презрение.

– Тебе лучше остаться здесь, Райв, – Холлер сжал плечо боржца, вновь пытаясь его усадить.

– Ты тоже хочешь сказать мне, что я мертвец? – язвительно спросил Райверн.

– Что за глупость...

– Только мертвец не может поднять зад со стула и исполнить свой долг, – зло усмехнулся изгнанник и скинул руку хортя с плеча. – В Архон, я еще существую!

Он вышел из-за стола и устремился к Перворожденной.

– Чтоб ты сдох, Райв, – в сердцах выругался Трим.

Дин-Одел полуобернулся и ответил с кривоватой ухмылкой:

– Ты опоздал со своим пожеланием, это уже случилось восемь лет назад.

– Райв, нашими устами говорит сам господин, помни об этом, – негромко воззвал к разуму безумца Холлер.

– О лиорах вообще забыть очень сложно, – усмехнулся тот.

Хартии догнали Райверна и пристроились по обе стороны от него. Вино, казалось не бравшее высокородного риора, пока он вливал в себя кубок за кубком, наконец, дало себя знать. Его бросило в жар. Глаза, и без того шальные, теперь засияли лихорадочным блеском. Дин-Одел тряхнул головой, пытаясь разогнать хмель, но не преуспел, и кровь, отравленная ядом горечи и ревности, еще яростней вскипела в жилах, застилая взор красным туманом злости. И все-таки Райверн еще хватался за остатки трезвого рассудка, потому шепнул Холлеру:

– Говори ты, Хол, иначе я сорвусь.

– Хорошо, – кивнул хартий. – Я буду краток.

– Ты уж постарайся.

Послы Эли-Харта, внушительные и опасные даже без оружия, приблизились к возвышению, на котором стоял стол лиори. Здесь же сидел ее избранник и особо приближенные риоры и лейры. Горцы остановились в нескольких шагах и склонили головы перед повелительницей Эли-Борга. Она ответила легким кивком. Взгляд Альвии скользнул с Трима на Холлера, минуя Дин-Одела. Кажется, для Перворожденной между двумя горцами вообще никого не было. Райверн стиснул зубы и постарался не замечать лиори, как и она его. Взор изгнанника остановился на Дин-Тале.

– Перворожденная, – донесся до изгнанника сквозь вязкий туман голос Холлера, – позвольте...

Адер почувствовал тяжелый взгляд, повернул голову и уже не отворачивался, ответив прямым взором чуть суженных глаз.

– Пусть Боги благословят ваш союз и одарят великой милостью...

Одел продолжал буравить взглядом Дин-Талю. Тиен поджал губы, его рука, до того ослабленно лежавшая на поверхности стола, вдруг сжалась в кулак, и Райверн ухмыльнулся, когда адер на мгновение отвел взгляд.

– Тебе всегда не хватало силы, – произнес изгнанник, сделав шаг вперед.

Трим спешно ухватил Райверна за плечо, пытаясь остановить его. Изгнанник отмахнулся от хартия, словно от надоедливой мухи и сделал еще шаг вперед, не сводя взгляда с адера Эли-Борга.

– Молчишь?

– О чем мне говорить с тобой? – спросил Тиен. На его скулах играли желваки, но риор еще пытался сохранить спокойствие.

– Тебе нечего сказать мне, мой названный брат? – ухмылка Райверна стала больше похожа на оскал.

– В моем роду не было предателей, – отчеканил Дин-Таль.

– А в моем не было слабаков и клятвоотступников, – зло парировал Дин-Одел. – Но капля твоей крови засела в моих жилах и отравляет мою кровь ядом лжи и лицемерия.

– Довольно! – прогремел голос лиори.

– Райв, – зашипел Холлер, ухватив изгнанника за локоть.

Литы шагнули вперед, закрывая своими телами стол Перворожденной. Хартии потянули за собой Райверна, но тот вырвался и бросился вперед. Клинки литов мгновенно, выхваченные из ножен, уперлись ему в грудь, но Одел даже не заметил их.

– Прикрываешься чужими телами, Таль?! – воскликнул изгнанник. – Проклятый лжец! В тебе нет смелости выйти сюда и взглянуть мне в глаза? Адер! – язвительный смешок посла Эли-Харта разнесся по зале в наступившей тишине. – Ты змей, который жалит в спину! Сколько времени заняла твоя охота, прежде чем стрела коснулась цели? Эта добыча не по твоим зубам, Таль! Варлах не склонится перед трепетной ланью, он перегрызет ей горло...

– С меня хватит, – мотнул головой адер, порывисто поднимаясь с места.

Он стремительно обошел стол, намереваясь ответить зачинщику склоки, но гневный окрик Альвии, наполненный властной силой, громовым раскатом обрушился на всех, кто находился в зале:

– Прекратить! – после указала на Тиена: – Не подпускать.

Она вышла из-за стола и направилась к Дин-Оделу. Тот отпрянул от литов и развернулся в сторону Перворожденной. Пригнув голову, будто зверь, он исподлобья следил за приближением Альвии. Глаза лиори потемнели от ярости, разбуженной выходкой Райверна, и все-таки собой она владела лучше, потому ничего, кроме глаз, не выдало того, что сейчас чувствует повелительница Эли-Борга. Дин-Таль приблизился со спины бывшего друга, но литы шагнули ему навстречу, не давая подойти к послу Тайрада и госпоже. Оба хартия замерли в нескольких шагах от обезумевшего товарища. Выходка Райверна ошеломила их, и что делать дальше, горцы не представляли: скрутить старшего в их посольстве – унижить его на глазах боржцев, встать с ним рядом – погубить дело господина. И мужчины остались наблюдать за событиями.

Альвия подошла к Райверну, окинула высокомерным взглядом, и губы ее брезгливо скривились.

– Как смеешь ты омрачать мой праздник, Райверн Без Имени? – спросила она, глядя в глаза изгнаннику.

– Райверн Дин-Одел, – ответил тот, криво усмехнувшись. – Таково имя, данное мне господином взамен отнятого когда-то. Лиори это известно.

– Я не признаю фальшивого имени, – надменно произнесла Перворожденная. – Это кличка пса, данного ему хозяином. Имя получают при рождении, остальное лишь прозвища. Но твой род отрекся от тебя, и теперь ты Райверн Без Имени, или же Райверн С Прозвищем.

Райверн втянул воздух сквозь стиснутые зубы, но ответить не успел.

– Лиори, – Холлер сделал шаг вперед, – вы оскорбляете посла лиора Эли-Харта. Нижайше прошу простить меня за дерзость, но посольство – это уста и достоинство господина, посланного его. Унижая риора Дин-Одела, вы унижаете и Перворожденного Тайрада Эли-Харта.

– Вы смеете мне указывать? – Альвия стремительно обернулась к хартиям, и горцы спешно склонились перед ней.

– Лишь напоминаю, лиори, – с почтением ответил Холлер.

– У меня отличная память, высокородный риор, можете не сомневаться, – ровно ответила Перворожденная, – поэтому Дин-Одел еще жив.

– И всё еще измучен жаждой, – неожиданно произнес Дин-Одел, пропуская мимо ушей слова Альвии.

Она вздрогнула, обернулась к нему, мгновение смотрела таким же полубезумным взглядом, и вдруг лицо лиори исказилось гримасой ярости:

– Не смей, – зашипела Альвия, – не смей напоминать мне о том, что я когда-то...

– Но ты помнишь об этом, – Одел сделал шаг к лиори, окончательно забывшись, и литы скользнули бесшумными тенями, тут же отрезав посланника Эли-Харта от госпожи. – Ты помнишь!

– Это воспоминание стало самой горькой отравой, – ответила Перворожденная.

– И все-таки ты не забыла. Кто бы ни терся подле тебя, ты не забыла!

И показное спокойствие лиори истаяло. Она отвернулась к столу, уперлась ладонями в его поверхность и тяжело нависла сверху. Альвия стиснула зубы, постаралась дышать глубоко и ровно, но попытка оказалась тщетной. Огонь ярости бушевал в лиори, грозя превратиться в пепел тяжелый деревянный стол, на который она оперлась, ища поддержки.

– Прочь, – прохрипела лиори. – Я желаю, чтобы послы немедленно убрались из Эли-Борга.

– Это ответ нашему лиору? – спросил Холлер. – Вы отказываете в сватовстве?

– Архон, – выдохнула Перворожденная.

Тайрад ведь мог на это рассчитывать... Может, это и было его тайным помыслом? При-сутствие предателя выведет ее из равновесия, и Альвия в порыве гнева совершит ошибку, убив посла, или изгнав всё посольство. Тогда нападения не миновать, и все намерения удержать мир еще несколько лет пойдут прахом. Отличный повод разыграть оскорбленный вид – лиор Эли-Харта предлагал мир, но ему отказали в этом.

Втянув воздух сквозь стиснутые зубы, Перворожденная развернулась к хартиям, уже вновь не замечая Райверна. Взгляд ее остановился на Холлере, и Альвия выдавила:

– Вы можете передать своему господину, что я согласна. После подписания союзного договора мы назначим день свадьбы лейры Ирэйн Борг и высокородного риора Лотта Дин-Дорина. Вам же надлежит немедленно покинуть Борг и без задержек в дороге вернуться в Эли-Харт. Иначе я нарушу закон о неприкосновенности посольства. Я всё сказала.

Хартии склонились, больше не говоря ни слова. Они приблизились к Дин-Оделу, ухватили его под руки и потащили прочь, но Райверн все-таки вывернулся и в последний раз взглянул на Альвию.

– Мы всё еще не закончили, – произнес он, но за шорохом голосов отмерших придворных риора уже не услышали. Только горцы.

– Ты сошел с ума, Райв, – тихо прорычал Трим.

– Лиору это не понравится, ты чуть не отправил в Архон всё наше посольство, – отчека-нил Холлер.

– На всё плевать, – мотнул головой Дин-Одел, ему никто не ответил.

А спустя час посольство Эли-Харта покинуло Борг, спеша отвезти господину радостные вести.

Глава VI

Солнце, едва выглянувшее из-за тяжелых туч, вновь скрылось за серыми небесными исполинами. День приближался к полудню, и в замке, оставленном за спиной, вновь разгорался пир. Но празднество шло на земле Эли-Харта, и пировали там хартии, боржцы покинули шумную свадьбу вскоре после того, как подтвердилась чистота невесты, отданной лиори Эли-Борга за племянника лиора Эли-Харта. Белоснежная простыня с красным пятном осталась висеть на крепостной стене – Ирэйн Борг превратилась в Ирэйн Дорин, вступив под сень рода своего супруга.

Перворожденная ехала в карете, окруженная личной охраной. Она предпочла одиночество, потому придворные дамы, приглашенные на свадьбу Ирэйн, сидели в других каретах. С лиори ехали только две служанки, но их молчаливое соседство не мешало Альвии. Единственная знатная соседка, которая делила с Перворожденной уютное нутро ее экипажа, осталась в чужом риорате. Жених лиори – риор Дин-Таль возглавлял отряд и подъезжал к карете Альвии лишь время от времени, чтобы обменяться с ней несколькими фразами, после возвращался на свое место.

Лиори выглянула в окно, они уже пересекли границу между риоратами и ехали по земле Эли-Борга. Впрочем, в самое сердце Эли-Харта Перворожденная и не намеревалась ехать. Одним из ее условий было и место проведения свадьбы. Доверия к будущему родственнику за время подготовки не появилось, Тайрад успел сделать всё, чтобы Альвия даже в храме приглядывалась к нему, пытаясь разгадать скрытые помыслы. Поэтому, несмотря на древние традиции, в замок жениха невеста так и не доехала. Для торжества был подготовлен замок риора Дин-Фариса, находившийся в Хартийском предгорье. С его стен даже можно было увидеть отряд боржцев из пограничной крепости, объезжавший границу риората.

Тайрад не спорил, лишь уточнил, не будет ли тогда Альвии угодно принять гостей в Борге? На это он получил категоричное «нет». Впрочем, ответ этот был облачен в вежливую форму: «Традиции велят невесте отправиться в дом жениха ее, дабы род будущего супруга мог принять ее под сень свою и одарить благодеяниями, ибо надлежит деве стать той ветвью, что принесет древу рода новый побег. А что иное земля родины мужа, как не его родной дом? Пусть не будут нарушены традиции предков. Свадьба пройдет в замке Фарис».

Поспорив в переписке, стараясь вырвать для себя наиболее выгодные условия союза, и как можно меньше поступиться своим, правители двух риоратов, наконец, пришли к общему соглашению и назначили день свадьбы. В этом Перворожденные оказались удивительно единокорны, кажется, им обоим хотелось побыстрее закончить с этим делом, потому сватовство Эли-Харта, произошедшее в конце весны, увенчалось свадьбой уже на исходе лета. Пока лучшие портные Эли-Борга обшивали лейру Ирэйн, подготавливая ей свадебные наряды, мастеровые Эли-Харта спешно приводили замок Фарис в надлежащий вид.

Но если Тайрад и не был заинтересован в затягивании свадьбы, то у Альвия на это просто не оказалось повода. Донесения шпионов не внесли никакой ясности. Подслушанные обрывки разговоров, сплетни слуг, пьяная похвальба стражников из замка лиора – всё это подтверждало лишь то, что сосед собирается использовать женитьбу племянника с выгодой для себя и риората. Это никак не расходилось с выводами самой лиори и ее советников, потому причины к тому, чтобы затянуть свадьбу не нашлось. Смирив гордыню и затаенную ненависть к властителю Эли-Харта, Перворожденная сказала окончательно «да» и поставила подпись под договором.

И вот свадьба прошла. Сейчас процессия уже ехала по родной земле, но смутная тревога, время от времени напоминавшая о себе, вновь подняла голову. Альвия, выглянув в окно, окинула пытливым взглядом литов, но лица ее охранников были спокойны. Лиори откинулась

на спинку сиденья и прикрыла глаза, пытаясь понять, что может ее волновать? Она начала перебирать в уме все события, произошедшие за время следования в Фарис и последующую свадьбу, пытаясь отыскать причину для тревоги, но пока ничего подозрительного не видела. Возможно, всё дело было в давнем недоверии Эли-Харту...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.